

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2016

№ 2(8)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СУДОУСТРОЙСТВО
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС-77 54545
от 21 июня 2013 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О. И., д-р юрид. наук, доц.; Воронин О.В., канд. юрид. наук, доц. (отв. секретарь); Елисеев С.А., д-р юрид. наук, проф. (председатель редколлегии); Казаков В.В., д-р экон. наук, проф. (заместитель председателя редколлегии); Мариничева А.Ю., (технич. секретарь); Свиридов М.К., д-р юрид. наук, проф.; Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (главный редактор); Филимонов В.Д., д-р юрид. наук, проф.; Шеслер А.В., д-р юрид. наук, проф.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Ахмедшин Р.Л., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Барабаш А.С., д-р юрид. наук, проф. (Красноярск); Ведерников Н.Т., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Голик Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Головкин Л.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Гришко А.Я., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, проф. (Омск); Зникин В.К., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); Николук В.В., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Прокументов Л.М., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Самович Ю.В., д-р юрид. наук, доц. (Кемерово); Селиверстов В.И., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Скаков А.Б., д-р юрид. наук, профессор (Астана, Республика Казахстан); Смолькова И.В., д-р юрид. наук, проф. (Иркутск); Стойко Н.Г., д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург); Уткин В.А., д-р юрид. наук, проф. (Томск); Халиулин А.Г., д-р юрид. наук, проф. (Москва); Черненко Т.Г., д-р юрид. наук, проф. (Кемерово); Шейфер С.А., д-р юрид. наук, проф. (Самара).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие нового журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Адрес редакции: 634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36,
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция»
E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет:
<http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите:
<http://www.library.ru>

ООО «Издательство научно-технической литературы»
634050, Томск, пл. Новособорная, 1, тел. (3822) 533-335

Редактор *Н.И. Шидловская*
Редактор-переводчик *В.В. Каптур*
Дизайн, верстка *Д.В. Фортеса*

Подписано к печати 01.12.2016. Формат 60 × 84^{1/8}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 14,42 Уч.-изд. л. 16,15. Тираж 300 экз. Заказ № 46.

Отпечатано в типографии «М-Принт», г. Томск, пер. Добролюбова, 10, ст. 3, тел. (3822) 258-279

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. Денежное возмещение, предусмотренное ч. 2 ст. 76.1 УК РФ как элемент «квазиуголовного права».....	5
Данилов Д.О. Непосредственность участия всех лиц в преступлении как признак соисполнительства: проблемы понимания и квалификации	11
Прозументов Л.М. Некоторые спорные вопросы, относящиеся к объекту и предмету состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ.....	18

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Григорьев В.Н. Альтернативный правовой механизм обеспечения прав подозреваемого.....	23
Грищенко А.В. Установление истины в суде присяжных	27
Мезинов Д.А. К вопросу о перечне общих условий судебного разбирательства в уголовном процессе России.....	32
Михайлов А.А. Неуловимая истина, или вопросы реализации принципа непосредственности в уголовном процессе России в сравнительно-правовом контексте	36
Пилюк А.В. Особый порядок разрешения уголовного дела при заключении с обвиняемым соглашения о сотрудничестве: преодолимы ли пороки?.....	55

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ольховик Н.В. Правовые основы осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций	59
Савушкин С.М. Перспективы трансформации системы и структуры исправительных учреждений	64
Тепляшин П.В. Прибалтийский тип европейских пенитенциарных систем	70
Уваров О.Н. К вопросу об исполнении наказаний в виде обязательных и исправительных работ в случае наступления у осужденного психического расстройства либо иной тяжелой болезни, препятствующих их отбыванию.....	78
Усеев Р.З. Мультирежимность исправительных учреждений: причины, классификация, перспективы	81
Уткин В.А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия	89
Чубраков С.В. К вопросу об обеспечении уголовно-исполнительных предписаний	97

КРИМИНАЛИСТИКА

Ахмедшин Р.Л. Приемы фиксации результатов проведения проверки показаний на месте: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты.....	105
Ахмедшин Р.Л., Чаднова И.В. Процессуальная и криминалистическая природа проверки показаний на месте.....	109

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Агутин А.В. К вопросу о понятии прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности.....	116
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	124
--------------------------	-----

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Valeev M.T. Monetary reimbursement under Part 2 of Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as an element of “quasi-criminal law”	5
Danilov D.O. Immediate participation of all persons in a crime as a sign of joint participation: problems of understanding and qualification	11
Prozumentov L.M. Some controversial issues relating to the object and subject of an offense under Part 1 of Art. 157 of the Criminal Code of the Russian Federation	18

CRIMINAL PROCEDURE

Grigoriev V.N. An alternative legal mechanism for ensuring the rights of the suspect	23
Grishchenko A.V. The establishment of truth in the jury trial	27
Mezinov D.A. On the list of general conditions of judicial proceedings in the Russian criminal process	32
Mikhaylov A.A. Inconsistent truth or the problems of implementation of the immediacy principle in the Russian criminal process in the comparative context	36
Piyuk A.V. Special procedure for the resolution of the criminal case when concluding the agreement on cooperation with the accused: is it possible to overcome the defects?	55

CRIMINAL AND PENAL LAW

Oklhovik N.V. The legal basis for the implementation of public control over the activities of penitentiary inspectorates	59
Savushkin S.M. Prospects of the transformation of the system and structure of correctional facilities	64
Teplyashin P.V. The Baltic type of the European penitentiary systems	70
Uvarov O.N. On punishment execution in the form of compulsory community service and correctional labour in the event the convict develops a mental disorder or another serious disease that prevents serving the sentence	78
Useev R.Z. Multi-regime correctional facilities: causes, classification, prospects	81
Utkin V.A. International standards of penal activities and stereotypes of their perception	89
Chubrakov S.V. On the enforcement of penal orders	97

FORENSIC SCIENCE

Akhmedshin R.A. Methods of fixing the results of checking testimony on the spot: criminal procedural and forensic aspects	105
Akhmedshin R.A., Chadnova I.V. The procedural and forensic nature of checking testimony on the spot	109

PROSECUTOR SUPERVISION

Agutin A.V. On the prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes	116
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	124

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.6

DOI 10.17223/23088451/8/1

М.Т. Валеев

ДЕНЕЖНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ Ч. 2 СТ. 76.1 УК РФ
КАК ЭЛЕМЕНТ «КВАЗИУГОЛОВНОГО ПРАВА»

Добровольное кратное размеру ущерба возмещение в федеральный бюджет, как условие освобождения от юридической ответственности, не отвечает методам уголовно-правового регулирования общественных отношений. Императивному, – ибо не осуществляется принудительно, диспозитивному, – так как не коррелирует с утратой общественной опасности деяния или лица, его совершившего. Правовая конструкция меры, предусмотренной ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, не встречается более ни в одной из отраслей отечественного законодательства. Она предусмотрена публично-правомы, но фактически является несвойственной ей частноправовой мерой с публично-правовыми юридическими последствиями.

Ключевые слова: денежное возмещение, квазиуголовное право, уголовная ответственность, меры уголовной ответственности.

Императивный метод (принуждения, субординации) традиционно выделяют в качестве основного при регулировании уголовно-правовых отношений. Его суть в данном контексте состоит в запрете совершения общественно опасных деяний, связанных с угрозой применения или применением наказания и иных мер уголовно-правового характера. Дополнительным методом регулирования в уголовном праве является поощрительный. Однако вряд ли можно согласиться с предложением Ю.В. Голика рассматривать методы принуждения и поощрения в уголовном праве как равноправные [1, с. 72]. Без императивного метода уголовное право лишится своего смысла и значения, тогда как поощрение – это проявление гуманизма и экономии репрессии со стороны государства. Юридическое воздействие на отношения, возникающие в связи с совершением уголовно-противоправного общественно опасного деяния, посредством поощрения возможно только при констатации утраты (или отсутствия изначально) общественной опасности преступления или лица, его совершившего, что, очевидно, является исключением из общего правила.

Одним из проявлений метода поощрения в уголовно-правовом регулировании являются нормы об освобождении от уголовной ответственности. Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введена ст. 76.1, предусматривающая новый вид освобождения. Несмотря на то, что эта статья закреплена в Общей части УК РФ, по сути она предусматривает специальные случаи освобождения от ответственности, так как распространяется не на всю Особенную часть или большинство ее статей, а лишь на некоторые преступления в сфере экономической деятельности. В настоящее время данная норма применяется крайне редко. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ с

момента ее принятия и до 01.09.2016 г. ст. 76.1 УК РФ по всей стране была применена всего лишь 52 раза. При этом в 48 случаях путем применения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, то есть только за преступления, предусмотренные ст.ст. 198–199.1 УК РФ. В целом ряде субъектов Федерации эта норма не применялась ни разу. Видимо, желая сделать данную норму более востребованной и расширить практику ее применения, законодатель Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 325-ФЗ изменил редакцию ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, расширив перечень преступлений, за которые возможно применение данного основания освобождения от уголовной ответственности. Кроме того, был снижен размер денежного возмещения, перечисляемого в федеральный бюджет (с пяти- до двукратного). Альтернативные условия применения нормы в виде возмещения ущерба, причиненного гражданину, организации или государству, и перечисления в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления, дополнены перечислением в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, а также перечислением в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Любой из указанных вариантов должен обязательно сопровождаться перечислением в федеральный бюджет денежного возмещения в размере *двукратной суммы* или причиненного ущерба, или полученного в результате совершения преступления дохода, или убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, или суммой, эквивалентной размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ (далее – двукратное возмещение).

Сходная с нею мера – «тройной айып» закреплена в Уголовном кодексе Кыргызстана. Как новелла уголовного законодательства Кыргызской Республики она «отличается своей уникальностью, поскольку аналогов ему не было ни в советском уголовном праве, нет его и в уголовном праве стран бывшего СССР» [2, с. 2–4]. Согласно ч. 1 ст. 45 УК КР, тройной айып есть взыскание, налагаемое судом в трехкратном размере причиненного ущерба в денежном или натуральном выражении, из которого, согласно ч. 2 этой же статьи УК КР, две части взыскиваются в пользу потерпевшего в возмещение материального и морального ущерба, третья часть – в пользу государства. Однако если тройной айып в УК Кыргызстана – это уголовное наказание, то рассматриваемое двукратное возмещение в УК РФ ни в ст. 44, предусматривающей виды наказаний, ни в Разд. VI, предусматривающем иные меры уголовно-правового характера, не упоминается.

Одним из основных предназначений уголовного права является установление мер уголовной ответственности, оснований и порядка её применения. Формами ее реализации являются уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера. Денежный характер возмещения, а также его получатель в лице государства (федерального бюджета) делает эту меру сходной с уголовным наказанием в виде штрафа. Двойное возмещение так же, как и наказание, способно вызывать страдание (хотя и не направлено на это) и быть существенным лишением для преступника. Более того, по целому ряду составов, предусмотренных в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, размер двойной выплаты может значительно превышать максимальный размер штрафа. Например, максимальный штраф по ч. 1 ст. 170.2 УК РФ предусмотрен в размере 300 тыс. руб., а размер двойной выплаты не может быть менее 3 млн руб. Такой разрыв в суммах, одинаковых по содержанию мер уголовного права, на наш взгляд, можно расценить как скрытое повышение уровня пенализации общественно опасных деяний.

Однако в отличие от штрафа (и вообще наказания) двукратное возмещение, во-первых, не является мерой принуждения. Его уплата является правом лица, совершившего преступление, но не обязанностью. Взыскание не осуществляется принудительно. Отсутствуют негативные последствия неуплаты, кроме тех, что наступают за совершение самого преступления. Во-вторых, различны последствия их уплаты. В-третьих, двукратное возмещение не несет карательных функций. В-четвертых, в отличие от штрафа, уплачиваемого совершеннолетними осужденными, Уголовный кодекс оставляет открытым вопрос, может ли перечисление в федеральный бюджет дохода и денежных возмещений в двукратном размере произведено иными лицами, нежели лицом, совершившим преступление. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 Постановления от 27.06.2013 г. № 19, возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (ст.ст. 75–76.1 УК РФ) могут

быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия или одобрения) другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий (например, в связи с заключением под стражу, отсутствием у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества). В случае совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 199 и 199.1 УК РФ, возмещение ущерба допускается и организацией, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется лицу (прим. 2 к ст. 199 УК РФ) [3].

Несмотря на то, что в указанном Постановлении про возможность уплаты двукратного возмещения в федеральный бюджет иными лицами не сказано, полагаем, что нет оснований не распространять такую логику и на него. Иначе разъяснение Верховного Суда выглядело бы половинчатым. Однако, как представляется, в любом случае – с согласия лица, совершившего преступление.

Двукратное денежное возмещение в порядке ст. 76.1 УК РФ можно рассматривать как меру уголовно-правового характера лишь в случае предельно «широкого» понимания последней – как любой меры, предусмотренной уголовным законом. Однако в научной литературе преобладает «узкий» подход к содержанию понятия «иных мер уголовно-правового характера», согласно которому это только формы реализации уголовной ответственности. К ним следует относить только те меры, которые «по своей юридической природе органически связаны с методом уголовного права, иными словами, имеют в уголовном праве своего рода место «постоянной прописки» [4, с. 95]. Кроме того, как следует из ч. 2 ст. 2 и ч. 1 ст. 6 УК РФ, «иные меры уголовно-правового характера» обладают признаком возмездности, то есть назначаются за преступление. Поэтому они должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Следует также согласиться с тем, что «...предусмотренные УК иные меры уголовно-правового характера, во всяком случае, должны предполагать осуждение виновного судом либо сохранение статуса осужденного. Эта позиция находит отражение и в нормах Уголовно-исполнительного кодекса.

В соответствии со ст.ст. 2, 3, 5–9 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство применяется в отношении осужденных либо в отдельных случаях – освобождаемых (а не освобожденных) от наказания. Правовой статус осужденного, помимо стадии реального исполнения наказания, сохраняется в течение испытательного срока при условном осуждении (ст.ст. 73, 74 УК, глава 24 УИК РФ); отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК, ст.ст. 177–178 УИК); условно-досрочном освобождении (ст. 79)» [5, с. 9]. Очевидно, что ни одним из этих признаков двукратное возмещение не обладает. Его размер никак не зависит от характера об-

щественной опасности, обстоятельств совершения преступления и личности виновного. Двукратное возмещение вообще не является результатом процедуры *назначения* уполномоченными государственными органами. Его уплата не сопровождается осуждением, а, напротив, является условием «неприобретения» статуса осужденного и освобождения от уголовной ответственности.

Учитывая изложенное, двукратное возмещение нельзя считать формой реализации уголовной ответственности.

Возможность взыскания денежной суммы сверх ущерба известна гражданскому законодательству. Согласно ч. 1 ст. 1064 ГК РФ («Общие основания ответственности за причинение вреда»), законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда. Так, п. 6 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей» (в редакции до 21.12.2004 г.) предусматривает право суда при удовлетворении требований потребителя взыскать в федеральный бюджет с продавца-нарушителя штраф в размере цены иска за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требования потребителя. Однако случаи закрепления подобной компенсации в отечественном законодательстве единичны. Так называемые «штрафные убытки» широко распространены в системе общего права. В англоязычном юридическом словаре Black's Law Dictionary штрафные убытки (punitive damages, именуемые также exemplary damages, penal damages, vindictive damages, added damages, presumptive damages, aggravated damages, speculative damages, imaginary damages, smart money, punies) определяются как сумма, взыскиваемая в пользу истца в качестве наказания ответчика за правонарушение, если они совершены им с грубой неосторожностью, со злым умыслом или мошеннически.

Иллюстрацией штрафных убытков, прямо предусмотренных законом, может служить § 3294 (a) Гражданского кодекса Калифорнии: «В деле об ответственности за нарушение обязательства, возникшего из внедоговорных отношений, если будет установлено ясным и убедительным доказательством, что ответчик виновен в притеснении, обмане или злом умысле, истец кроме реальных убытков может взыскать убытки в целях предупреждения нарушения и для наказания ответчика». В Кодексе гражданской практики и средств защиты Техаса говорится: «§ 41.001(5): Поучительные убытки (exemplary damages) означают убытки, взыскиваемые в качестве штрафа или в порядке наказания, но не в компенсационных целях. Поучительные убытки не являются ни экономическими убытками, ни убытками, причиненными личности (noneconomic damages)» [6, с. 5–6]. Рассматриваемое двукратное возмещение имеет схожие черты со штрафными убытками. В обоих случаях имеет место привязка размера итогового взыскания к размеру первоначального вреда. Взыскание превышает потери потерпевшего, а зна-

чит, служит не только восстановлению его имущественного положения, но и обогащению. Однако, во-первых, если в системе общего права взыскание штрафных убытков происходит в пользу потерпевшего, то двукратное возмещение – в федеральный бюджет (то есть в пользу потерпевшего только в случае, если таковым является государство). Во-вторых, как указывалось выше, выплата двукратного возмещения – право виновного в нарушении, тогда как штрафные убытки – право пострадавшего от нарушения и обязанность для нарушителя. В-третьих, двукратное возмещение, в отличие от штрафных убытков, привязано не только к размеру ущерба потерпевшему, но также к доходу от преступления, убыткам, которых удалось избежать, размеру совершенного деяния.

Как следует из текста ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, сумма двукратного возмещения перечисляется в *федеральный бюджет*. Однако обращение к бюджетному законодательству не позволяет сделать вывод о правовой природе такого возмещения. Согласно абз. 5 ч. 3 ст. 41 Бюджетного кодекса РФ («Виды доходов бюджетов»), к неналоговым доходам бюджета относятся средства, полученные в результате применения мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности, в том числе штрафы, конфискации, компенсации, а также средства, полученные в возмещение вреда, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, и иные суммы принудительного изъятия. Как указывалось выше, двукратное возмещение – не мера уголовной ответственности, а значит, его нельзя отнести к средствам, полученным в результате применения мер уголовной ответственности. Оно не является возмещением вреда, так как выплачивается сверх размера причиненного вреда, не относится и к суммам принудительного изъятия, так как не является принудительным. Полагаем, что зачисление в бюджет должно осуществляться по иному основанию, предусмотренному абз. 7 ч. 3 ст. 41 Бюджетного кодекса РФ, – «иные неналоговые доходы».

Двукратное возмещение сходно со сбором, под которым, согласно ч. 2 ст. 8 Налогового кодекса РФ, понимается обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности. Аналогично сбору уплата двукратного возмещения носит одноразовый характер и является условием совершения органами государственной власти определенных юридически значимых действий в отношении плательщика – действий по

освобождению виновного лица от уголовной ответственности правоохранными органами. Однако в отличие от сбора двукратное возмещение не является обязательным для его плательщика. Кроме того, двукратное возмещение в отличие от сбора не преследует фискальных целей, хотя государство и создает условия, направленные на повышение его собираемости (путем расширения перечня преступлений, за которые может применяться, и снижения размера)¹. Утверждение обратного привело бы к суждению, что государство заинтересовано в совершении преступлений, указанных в ч. 2 ст. 76.2 УК РФ, как источнике поступлений в бюджет, создает соответствующие условия, поощряет их. На наш взгляд, двукратное возмещение, лишая преступника собственных средств в значительном (по сравнению со штрафом) размере, является для него, несмотря на освобождение от уголовной ответственности, всё же неблагоприятным последствием, а потому преследует цель предупреждения преступлений, перечень которых закреплен в ч. 2 ст. 76.2 УК РФ. Федеральный бюджет, в который осуществляется двойное возмещение, создает определенные гарантии защиты государственных и общественных интересов, «служит материальной основой реализации конституционных функций публичной власти, в том числе функций социального правового государства» [7], средства, в него поступающие, «направлены на поддержание экономического суверенитета государства и надлежащих финансовых условий для эффективного обеспечения органами государственной власти прав и свобод человека и гражданина на всей территории Российской Федерации» [10], а потому его уплата направлена и на восстановление социальной справедливости.

Не совсем точно использование в ч. 2 ст. 76.2 УК РФ термина «возмещение». Это понятие в законодательстве всегда привязывается к вреду или ущербу (убыткам). Например, возмещение вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства (ст. 100 Лесного кодекса РФ), возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями (ст. 76 Земельного кодекса РФ), возмещение работником ущерба, причиненного работодателю (ст. 392 Трудового кодекса РФ) и т.д. Иными словами, *возмещение* всегда равно размеру причиненного вреда (ущерба) или меньше его², но никогда больше. Плата сверх этого возмещением не является. Это либо ответственность, либо благотворительность. Тем более не уместно говорить о возмещении при отсутствии наступившего вреда (ущерба). Двукратная сумма убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, или эквивалента размера совершенного преступления ничего не возмещает, поскольку возмещать здесь просто нечего.

¹ Мнение о фискальном характере двукратного возмещения распространено в литературе (см., например, [7–9]).

² Например, в случаях ограниченной материальной ответственности работника перед работодателем по ст. 240 Трудового кодекса РФ.

Правильнее вести речь (если, например, речь идет о причинении ущерба) не о «перечислении в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба...», а о «перечислении в федеральный бюджет денежной суммы в двукратном размере причиненного ущерба...»

Является ли двукратное возмещение платежом публичного или частного характера? На наш взгляд, следует говорить о смешанном частнопубличном характере этой меры. О публичном характере свидетельствует то, что ее вид и размер, как последствия преступления, установлены государством, а взыскание осуществляется в доход государства. Публичный характер всего уголовного права и предусмотренных им мер воздействия обусловлен повышенной общественной опасностью деяний, на предупреждение которых оно направлено. Как отметил в одном из своих Постановлений Конституционный Суд РФ, введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование государственных сил и средств. В связи с этим именно государство, действующее в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав граждан, восстановления социальной справедливости, общего и специального предупреждения правонарушений, выступает в качестве стороны возникающих в результате совершения преступления уголовно-правовых отношений, наделенной правом подвергнуть лицо, совершившее преступление, публично-правовым по своему характеру мерам уголовно-правового воздействия [11]. Частный же характер двукратного возмещения проявляется в том, что решение вопроса привлечения или не привлечения к уголовной ответственности здесь зависит не от государства в лице правоохранительных органов, а от виновного в совершении преступления. Наличие частноправового характера предусмотренной уголовным законом меры, на наш взгляд, можно было бы объяснить пониженной общественной опасностью деяния либо лица, его совершившего, либо отсутствием или ограниченным кругом потерпевших. Однако в перечне деяний, на которые распространяется ч. 2 ст. 76.2 УК РФ, есть преступления не только небольшой и средней тяжести, но и тяжкие преступления. Конструкция нормы не содержит и указания на добровольность или раскаяние, которые могли бы свидетельствовать об утрате или снижении общественной опасности и самой личности. В большинстве из этих преступлений невозможно персонализировать конкретных потерпевших.

Постановка решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности в зависимости от воли и платежеспособности лица, совершившего преступление, превращает двукратное возмещение фактически в «откуп от правосудия». Возможность подоб-

ного откупа предусматривалась в целом ряде древних и средневековых памятников права. Такие нормы были известны Законам Хаммурапи, Законам XII таблиц. В договоре Руси с Византией 911 г., который предписывал кровную месть для убийцы, предусматривалась и его возможность откупиться от наказания [12, с. 136]. В средневековом Китае допускался откуп от смертной казни и некоторых иных видов наказаний [13, с. 305]. В древнейшей редакции «Русской правды» предусматривалась возможность откупа за убийство – 40 гривен за простолюдина и 80 гривен за княжого человека. Памятник раннефеодалного права – «Салическая правда» – предусматривал обвиняемому возможность откупиться деньгами от ордалий («суд Божий» или испытание огнем и водой). С разделением права публичное и частное случаи законодательного закрепления подобного откупа становились все более редкими. В современном уголовном законодательстве зарубежных стран сходная мера известна уголовным законам Бельгии и Голландии («транзакция»). По ст. 74 УК Голландии прокурор до судебного разбирательства вправе выдвинуть одно или больше условий для того, чтобы исключить уголовное судопроизводство за преступление – за исключением преступлений, за которые закон предписывает наказание в виде тюремного заключения более чем на шесть лет – и за проступки. Уголовное преследование должно прекратиться, если обвиняемый полностью выполнил выдвинутое условие. Среди возможных условий, например, выплата суммы денег государству, причем сумма должна быть не меньше пяти гульденов и не больше максимальной суммы штрафа, предусмотренного законом, отказ от предметов, подлежащих конфискации, или выплата государству их оцененной стоимости, полная или частичная компенсация ущерба, вызванного уголовным преступлением [14, с. 30].

Подводя итог, следует отметить, что добровольное кратное размеру ущерба возмещение в федеральный бюджет, как условие освобождения от юридической ответственности, не отвечает методам уголовно-правового регулирования общественных отношений. Императивному, – ибо не осуществляется принудительно, диспозитивному, – так как не коррелирует с утратой общественной опасности деяния или лица, его совершившего. Правовая конструкция меры, предусмотренной ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, не встречается более ни в одной из отраслей отечественного законодательства. Она предусмотрена публичной отраслью права, но фактически является несвойственной ей частноправовой мерой с публично-правовыми юридическими последствиями. Эта мера едва ли будет широко использоваться в правоприменительной практике. Не имея под собой должной криминологической обоснованности, ст. 76.2 УК РФ иллюстрирует уже устоявшееся отношение законодателя к нормам уголовного закона как к «полигону испытаний», свидетельствует о бюрократическом желании «продемонстрировать стремление что-то реформировать» [15, с. 96]. В целом же, установление пяти-, а впоследствии двукратного возмещения (ч. 2 ст. 76.1 УК РФ), а также судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) в уголовном законе позволяет констатировать продолжение тенденции к выстраиванию системы мер «квазиуголовного права», параллельной системе мер уголовной ответственности. Начало этому было положено введением конфискации в качестве «иной меры уголовно-правового характера», по существу таковой не являющейся. Такая новая система, в том виде, в каком формируется сегодня, ведет к необоснованному «размыванию» задач, предмета и метода уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 69–75.
2. Айдарбеков Ж.Т. Имущественные наказания как альтернатива лишению свободы и концептуальные вопросы гуманизации института уголовного наказания в Кыргызской Республике // Российский следователь. 2009. № 16. С. 2–4.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 05.07.2013. № 145.
4. Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 190 с.
5. Уткин В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации: материалы науч.-практич. конф. Томск: Томский филиал РИПК работников МВД России, 1997. С. 4–10.
6. Елисеев Н.Г. Многократные убытки за нарушение антимонопольного законодательства: перспективы появления в российском праве // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8. С. 4–15.
7. Власенко В.В. О юридической сущности норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 22–26.
8. Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 21–24.
9. Кострова М.Б. «Фискальная» функция российского уголовного права как новое явление эпохи финансово-экономических перемен? // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен. Материалы IX Российского конгресса уголовного права: сб. М., 2014. С. 42–43.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 г. № 20-П // Российская газета. 12.08.2011. № 177.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 г. № 7-П // Российская газета. 08.07.2005. № 147.
12. Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М.: Наука, 1988. 296 с.

13. *Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли): пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. Ч. 1. М.: Восточная литература, 1997. 583 с.*
14. *Уголовный кодекс Голландии: пер. И.В. Мировой; науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. 510 с.*
15. *Уткин В.А. «Виртуальное» уголовное и уголовно-исполнительное законодательство // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 92–98.*

MONETARY REIMBURSEMENT UNDER PART 2 OF ART. 76.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN ELEMENT OF “QUASI-CRIMINAL LAW”

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 5–10. DOI 10.17223/23088451/8/1

Marat T. Valeev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

Keywords: monetary reimbursement quasi-criminal law, criminal liability, criminal sanctions.

Voluntary reimbursement to the federal budget, divisible by the amount of damage, as a condition for exemption from legal liability, does not correspond the methods of criminal law regulation of social relations: both imperative, because it is not compulsory, and dispositive, as it does not correlate with the loss of social danger of the act or its perpetrator. The legal framework of the under Part 2 of Article 76.1 of the Russian Federation Criminal Code is not found in any other branch of the Russian legislation. It is envisaged by the public branch of law, but in fact it is an unprivileged private law measure with public law consequences. This measure is unlikely to be widely used in law enforcement practices. Without due criminological validity, Article 76.2 of the Criminal Code illustrates the already established attitude of the legislator to the norms of the criminal law as a “testing ground”, which is indicative of a bureaucratic desire to demonstrate a striving for some reforms. In general, the establishment of a five-, and later of a twofold reimbursement (Part 2, Article 76.1 of the Russian Federation Criminal Code), as well as of a fine imposed by the court (Article 76.2 of the Russian Federation Criminal Code) in the criminal law makes it possible to register the continued tendency to build a system of “quasi-criminal law” in parallel to the system of criminal liability. It was started by the introduction of confiscation as of “a different criminal law measure”, though it was not of the kind. This new system, as it is, leads to an unreasonable “ambiguity” of tasks, subject and methods of criminal law.

REFERENCES

1. Golik, Yu.V. (2000) Metod ugovnogo prava [Method of criminal law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 69–75.
2. Aydarbekov, Zh.T. (2009) Proprietary punishments as an alternative to deprivation of freedom and conceptual issues of humanization of the institution of criminal punishment in the Republic of Kyrgyzstan. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 16. pp. 2–4. (In Russian).
3. *Rossiyskaya Gazeta*. (2013) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 N 19 “O primeneniі sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobodzheniya ot ugovnoy otvetstvennosti” [Decree No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013, “On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability”]. 5th July.
4. Utkin, V.A. (1984) *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeystvie* [Punishment and correctional labour]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Utkin, V.A. (1997) [Punishment and other criminal law measures]. *Problemy primeneniya novogo ugovnogo i ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Problems of application of the new criminal and correctional law of the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Tomsk: Ministry of Interior of the Russian Federation. pp. 4–10. (In Russian).
6. Eliseev, N.G. (2013) *Mnogokratnye ubytki za narusheniye antimonopol'nogo zakonodatel'stva: perspektivy poyavleniya v rossiyskom prave* [Multiple losses for violation of the antimonopoly legislation: Prospects for the introduction to the Russian law]. *Vestnik VAS RF*. 8. pp. 4–15.
7. Vlasenko, V.V. (2016) About the legal nature of the rules providing for the exemption from criminal liability in cases of economic crimes. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3. pp. 22–26. (In Russian).
8. Antonov, A.G. (2013) Exemption from criminal liability in cases of economic crimes. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 21–24. (In Russian).
9. Kostrova, M.B. (2014) The “fiscal” function of Russian criminal law as a new phenomenon in the era of financial and economic change?. *Ugolovnoe pravo v epokhu finansovo-ekonomicheskikh peremen* [Criminal Law in the Age of Financial and Economic Change]. Proc. of the Ninth Russian Congress of Criminal Law. Moscow. pp. 42–43. (In Russian).
10. *Rossiyskaya Gazeta*. (2011) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.07.2011 N 20-P [Decision N 20-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2011]. 12th August 2011.
11. *Rossiyskaya Gazeta*. (2005) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.06.2005 N 7-P [Decision No. 7-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2005]. 8th July.
12. Khachaturov, R.L. (1988) *Mirnye dogovory Rusi s Vizantiyey* [Peace treaties of Russia and Byzantium]. Moscow: Nauka.
13. Svistunova, N.P. (ed.) (1997) *Zakony velikoy dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovleniy (Da Min hyuy tsi tze fu li)* [The laws of the great Ming dynasty with a summary comment and regulations (Da Min Ming Ji Jie fu li)]. Translated from Chinese by N.P. Svistunova. Moscow: Vostochnaya literatura.
14. Volzhenkin, B.V. (ed.) (2000) *Ugolovnyy kodeks Gollandii* [The Criminal Code of the Netherlands]. Translated by I.V. Mirova. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
15. Utkin, V.A. (2014) “Virtual” criminal and penal enforcement law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(14). pp. 92–98. (In Russian).

Д.О. Данилов

**НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ УЧАСТИЯ ВСЕХ ЛИЦ В ПРЕСТУПЛЕНИИ
КАК ПРИЗНАК СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ**

Рассмотрена проблема квалификации непосредственного содействия исполнителю преступления. Исследуются два существующих в доктрине и правоприменительной практике подхода в решении отмеченной проблемы: широкий и узкий. Автор приходит к выводу, что целесообразно использовать последний подход. Однако для его полной адаптации необходимо разработать параметры, на основании которых определение соисполнителя будет ясным и практически применимым.

Ключевые слова: *непосредственное содействие исполнителю преступления, соисполнительство в преступлении, пособничество.*

Отличительным признаком соисполнительства в преступлении, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ, является непосредственность совместного участия всех лиц в совершении преступления. В науке уголовного права [1], а также в судебной практике [2] практически единогласно считают, что непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами означает, что **исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с другими лицами (соисполнителями)** (здесь и далее выделено мной. – Д.Д.).

Вместе с тем в юридическом сообществе отсутствует единое мнение о том, а что понимать под совместным выполнением объективной стороны состава преступления несколькими лицами? Простота этого вопроса является иллюзорной, что подтверждается выделением в доктрине и правоприменении двух подходов на данный счет:

а) узкого, согласно которому соисполнительство возможно только при совместном совершении такого обязательного признака объективной стороны состава преступления, как **деяние**;

б) широкого, в соответствии с которым соисполнительство возможно и при частичном выполнении какого-либо иного признака объективной стороны состава преступления (например, способа, обстановки), заключающемся в опосредованном соприкосновении с деянием.

Придерживаясь того или иного подхода, теории и практики предлагают диаметрально противоположные правила квалификации действий соучастников, туманно вписывающихся в объективную сторону конкретного состава преступления.

Пожалуй, в данном ключе наиболее дискуссионным является вопрос об уголовно-правовой оценке лица, оказывающего непосредственное содействие исполнителю преступления.

Так, сторонники широкого подхода допускают возможность квалификации таких действий как соисполнительство в преступлении. Например, Э.Я. Немировский считал, что содействие при самом совершении преступления свидетельствует о личной заинтересованности в его осуществлении, и именно

поэтому оно сливается с исполнением преступления [3, с. 201].

Другие исследователи (сторонники узкого подхода) указывают, что непосредственное содействие не входит в пределы соисполнительства, поскольку эти действия не вписываются в рамки объективной стороны состава преступления [4, с. 131; 5, с. 61].

Верховный Суд РФ в данном диспуте принял точку зрения, согласно которой непосредственное содействие является частью объективной стороны состава преступлений, что, в принципе, для некоторых деяний вполне оправдано.

Например, обоснованным является квалификация непосредственного содействия в форме применения насилия или выражения угрозы его применения как соисполнительства в изнасиловании (ст. 131 УК РФ) или в насильственных действиях сексуального характера (ст. 132 УК РФ), поскольку указанные действия составляют часть объективной стороны составов рассматриваемых преступлений [6].

Однако правило об отнесении непосредственного содействия к частичному исполнению объективной стороны состава преступления стало применяться и в весьма сомнительных случаях.

Пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» предусмотрено, что оказание лицом непосредственного содействия исполнителю в совершении хищения (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывезило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления) квалифицируется как соисполнительство в совершении кражи, грабежа или разбоя.

Спустя несколько месяцев после принятия данного постановления в науке отмеченный пункт подвергся критике, основным объектом которой выступило признание лица, подстраховывавшего других соучастников от возможного обнаружения, в качестве соисполнителя, что, по мнению некоторых исследователей, необоснованно [7].

В то же время в литературе существует определенная аргументация рассматриваемого разъяснения. Так, А.И. Бойцов считает, что лицо, которое во время совершения кражи наблюдает за обстановкой, чем обеспечивает тайность завладения имуществом как необходимую составную часть данного способа хищения, обоснованно является соисполнителем [8, с. 574–575].

Взяв за основу указанную мысль, Верховный Суд РФ пошел еще «дальше», указав в своем Обзоре под названием «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое», что непосредственное содействие в любых его вариациях относится к соисполнительству, поскольку оно составляет часть объективной стороны состава кражи, грабежа и разбоя [9].

Вследствие этого, наблюдение за обстановкой соучастником при совершении исполнителем грабежа или разбоя суды квалифицируют как соисполнительство в этих преступлениях [10, 11]. Следовательно, возникает вопрос: является ли, по мнению Верховного Суда РФ, обеспечение **тайности** частью объективной стороны **открытых** форм хищения (грабежа и разбоя)? По всей видимости, что нет, однако иного обоснования своей позиции он все же не приводит.

Но из отмеченных разъяснений Верховного Суда РФ следует вывод, согласно которому для привлечения лиц в качестве соисполнителей **допустимо расширять объективную сторону состава преступлений действиями, которые в конкретной статье Особенной части УК РФ не предусмотрены**. Следуя данной тенденции, на практике в содержание соисполнительства стали включать и более спорные деяния, явно не относящиеся к выполнению объективной стороны состава преступления, например:

1) управление автомобилем для транспортировки исполнителя до и от места совершения преступления при отсутствии непосредственного участия в разбойном нападении [12], что ранее Верховный Суд РФ квалифицировал как пособничество [13];

2) изготовление поддельных документов и создание подставной организации для мошеннического приобретения исполнителем преступления права собственности на чужие земельные участки [14]; однако по смыслу п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» такие действия расцениваются как приготовление к мошенничеству, то есть не входят в объективную сторону состава этого преступления;

3) обещание получить посылку и сообщение адреса её доставки лицу, незаконно перемещающему наркотические средства через таможенную границу (ст. 229.1 УК РФ) [15], хотя из положения ч. 5 ст. 33 УК РФ следует, что лицо, предоставившее информацию исполнителю преступления, а также заранее обещавшее приобрести средства совершения преступления, должно быть признано пособником.

В силу распространения подобной практики суды стали отмечать, что непосредственное содейст-

вие является разновидностью соисполнительства в преступлении.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что Калистратов и Колесников не могут быть признаны соисполнителями в преступлении, поскольку они не выполнили ни действий, составляющих объективную сторону преступления, ни действий, направленных на содействие совершению данного преступления [16].

Аналогичного мнения стали придерживаться и некоторые представители науки уголовного права. К примеру, А.Е. Лебедев, выдвигая позицию о признании соисполнителя в качестве самостоятельного вида соучастника в преступлении, относит к нему то лицо, которое непосредственно содействует исполнителю в выполнении объективной стороны состава преступления [17, с. 124].

Безусловно, отмеченный подход критикуется рядом авторитетных ученых в области уголовного права. Так, А.В. Бриллиантов и П.С. Яни указывают, что подобная интерпретация уголовно-правовых предписаний представляет собой аналогию закона, поскольку правоприменителем распространяются положения о соисполнителе (ч. 2 ст. 33 и ч. 1–2 ст. 35 УК РФ) к совершенно иному виду соучастника – пособнику (ч. 5 ст. 33 УК РФ) [1]. Учитывая это, Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер обращают внимание на нивелирование в данном случае разницы между соисполнителями и другими соучастниками (ч. 1 ст. 33 УК РФ), а следствие – их различной общественной опасности и различного их юридического значения [18, с. 125].

Несмотря на отмеченную критику, в судебных решениях Верховного Суда РФ в последнее время прослеживается несколько иная аргументация широкого подхода, согласно которой если лицо, содействующее исполнителю, оказалось совместно с последним на месте преступления во время его совершения, его следует считать соисполнителем.

Однако такая трактовка признака непосредственности участия, на наш взгляд, еще больше вносит диссонанс в справедливое применение уголовного закона, позволяя на практике признавать в качестве соисполнителей тех лиц, которые всего лишь находились на месте и во время совершения преступления и не приняли какого-либо фактического участия для достижения преступного результата.

В этом аспекте примечательна позиция Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой, если умышленно виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, **но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, действия всех участников группы следует квалифицировать по пункту «в» части четвертой статьи 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего** [19].

Из этого разъяснения следует, что причинение тяжкого вреда здоровью должно вменяться и тем, кто никакого физического воздействия на потерпевшего не оказывал, что сейчас и наблюдается в правоприменительной практике.

Например, судебная коллегия по уголовным делам Оренбургского областного суда отметила, что, несмотря на то, что А. всего лишь находился во дворе дома в целях своевременного предупреждения других соучастников о возможном обнаружении совершаемого преступления, не выполняя при этом каких-либо действий, направленных на причинение вреда здоровью потерпевшего, его деяние следует квалифицировать по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ [20].

Ранее же Верховный Суд РФ придерживался абсолютно иной (и, на наш взгляд, верной) позиции, считая, что одно лишь предположение виновного о возможном намерении другого соучастника совершить убийство потерпевшего не дает оснований для квалификации его действий как разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, **поскольку фактического участия в причинении такого вреда здоровью потерпевшего это лицо не принимало** [21].

Анализ широкого подхода, согласно которому соисполнительство возможно и при совершении тех действий, которые не относятся к деянию, как признаку объективной стороны состава преступления, позволяет утверждать, что его применение негативно влияет на реализацию таких принципов уголовного права, как:

а) принцип законности, поскольку положения о соисполнителе явно применяются по аналогии к тем лицам, которые выполняют иную функциональную роль в совершении преступления (в рассматриваемом случае – роль пособника);

б) принцип вины, поскольку концепция «единства времени и места совершения преступления» позволяет привлечь к уголовной ответственности в качестве соисполнителей лиц, всего лишь предполагавших о возможном намерении другого соучастника причинить вред потерпевшему.

Исходя из этого, мы считаем, что нельзя использовать данный подход в качестве основного при понимании и квалификации соисполнительства в преступлении, поскольку он существенно отступает от указанных основных начал уголовного права.

Таким образом, закономерно возникает вопрос о необходимости применения только узкого подхода в понимании соисполнительства. Напомним, что, в соответствии с ним, общественно опасное поведение соисполнителей должно вписываться в юридические границы такого обязательного признака объективной стороны состава каждого преступления, как деяние [5, с. 12]. Вне всякого сомнения, этот подход обладает значительным достоинством, позволяющим ясно и четко устанавливать легальное содержание фактической роли соучастника, что соответствует конституционному принципу формальной определенности уголовного закона.

В то же время узкий подход обладает и некоторыми изъянами, затрудняющими его безусловное применение без каких-либо исключений.

1. В ряде случаев уголовный закон ясно не определяет лиц, которые могут быть соисполнителями конкретного преступления.

Это, как правило, является следствием того, что диспозиции некоторых статей Особенной части УК РФ должным образом не раскрывают содержание объективной стороны преступлений, что, в частности, затрудняет определение роли лиц, совместно участвующих в его совершении.

Отмеченное обстоятельство закономерно вызывает споры среди теоретиков и практиков, выделяющих диаметрально противоположные правила квалификации. И, как часто происходит, впоследствии в судебной практике и доктрине доминирует лишь один подход. Однако далеко не всегда определенная позиция преобладает в юридическом сообществе продолжительное время.

В данном ключе показательным является пример кардинального изменения позиций Верховного Суда РФ относительно содержания объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ.

Так, ранее Президиум Верховного Суда РФ в п. 3 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ от 27.06.2012 г. ясно дал понять, что действия посредника следует квалифицировать как пособничество.

Однако Верховный Суд РФ радикально изменил изложенную позицию об уголовно-правовой оценке преступного поведения посредника, указывая, что в случае, когда лицо передает приобретателю наркотических средств по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, его действия следует квалифицировать как **соисполнительство** в незаконном сбыте указанных средств [22].

Также Пленум Верховного Суда РФ до 30 июня 2015 г. понимал приобретение наркотических средств с целью их дальнейшего сбыта как приготовление к преступлению [23]. Сейчас же такие действия являются покушением на незаконный сбыт наркотических средств, то есть являются частью объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ [22]. Соответственно теперь лица, совершающие отмеченное деяние, являются исполнителями (соисполнителями).

Приведенная «переменчивость» в позициях высшей судебной инстанции характеризует тот факт, что в некоторых случаях узкий подход действительно (объективную) грань между соисполнителем и пособником, по сути, не определяет, оставляя решение этой проблемы на откуп судейского усмотрения.

2. Строгое следование узкому подходу в ряде случаев исключает возможность квалификации соисполнительства в преступлениях, объективная сторона которых (как описана в законе) фак-

тически не может быть выполнена совместно несколькими лицами.

К примеру, в рамках рассматриваемого подхода для признания лица соисполнителем умышленного причинения смерти другому лицу (ст. 105 УК РФ) необходимо, чтобы его действия **самостоятельно (в отрыве от совместности) могли влечь смерть потерпевшего.**

Исходя из этого, А.П. Козлов утверждает, что все остальные насильственные деяния лежат за пределами данного вида преступления и не могут быть признаны его исполнением [24, с. 88–89].

В то же время в судебной практике доминирует абсолютно иной подход, поддерживаемый многими авторитетными исследователями проблем квалификации убийств (Г. Борзенков, С. Бородин, Э. Побегайло, А. Попов).

*Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем определении указала, что удержание одним лицом потерпевшего в то время, когда другое лицо причиняет потерпевшему смерть, образует соисполнительство, поскольку действия первого лица являются **составной частью объективной стороны совершаемого убийства** [25].*

Конечно, данный вывод не совсем корректен, поскольку, исходя из ч. 1 ст. 105 УК РФ, применение насилия, прямо не связанного с наступлением смерти жертвы, не является частью объективной стороны убийства.

Но как тогда квалифицировать действия лица, непосредственно участвовавшего в совместном применении насилия с целью смерти потерпевшего, если они отдельно повлечь это последствие не могут? Строгое следование узкому подходу предопределяет такие деяния оценивать как пособничество, на что указывают А.В. Бриллиантов и П.С. Яни [1].

Однако мы считаем, что общность деяния при групповом убийстве характеризуется довольно сложным наполнением (совместным применением насилия с целью смерти потерпевшего). Если же буквально трактовать положения ч. 1 ст. 105 УК РФ, рассматривая действия каждого лица через призму их самостоятельности, то невозможно будет адекватно оценить юридическую роль «спорных» соучастников, чья степень общественной опасности ничуть не меньше, чем у «формальных» исполнителей.

К примеру, Байков и Щербаков, действуя с совместным умыслом на причинение смерти М., поочередно нанесли множественные удары по голове потерпевшего, с двух сторон окружив, увели М. в сторону от домов, в безлюдное место, при этом Байков по дороге нанес потерпевшему три удара ножом, а затем, совместно, повалив на землю, по-

могая друг другу, Щербаков и Байков нанесли множественные удары руками и ногами, обутыми в обувь, по голове и телу потерпевшего, после чего Щербаков взял у Байкова нож и нанес телесные повреждения М. в область шеи, от чего потерпевший скончался. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что, несмотря на то, что действия Байкова прямо не связаны со смертью М., он обоснованно является соисполнителем этого убийства [26].

Из приведенного примера, помимо равной общественной опасности каждого из осужденных, а также взаимообусловленности и взаимосвязанности их действий, отчетливо прослеживается то, что любое из них направлено на **непосредственное (то есть прямое, без промежуточного участия кого-либо)** причинение вреда объекту преступного посягательства и является существенным вкладом в достижение единого преступного результата.

Исходя из этого, мы считаем, что в некоторых случаях отступления от узкого понимания совместного выполнения объективной стороны состава преступления (как она описана в законе) несколькими лицами вполне допустимы.

Следует же отметить, что отсутствие непосредственного вредного воздействия на объект уголовно-правовой охраны совместно совершаемого преступления как раз таки исключает признание лица соисполнителем преступления.

Например, Президиум Верховного Суда РФ отметил, что Рамазанов не принимал непосредственного участия в убийстве М., поскольку лишь освещал фонариком мобильного телефона спавшего потерпевшего с целью содействия Ибрагимову для производства им прицельного выстрела из ружья в голову М. [27].

Подводя итог всему вышеизложенному, следует заметить, что из двух упомянутых подходов целесообразно все-таки применять узкий в силу его соответствия основным канонам уголовного права (*Nulla poena sine lege certa*). Однако для его полной адаптации необходимо разработать такие параметры, которые позволят ясно и практически применимо определять участников преступления в качестве соисполнителей, а также на основании которых допустимы исключения из общего правила определения соисполнительства в целях адекватной уголовно-правовой оценки лиц, фактически участвовавших совместно с другими виновными в непосредственном посягательстве на объект уголовно-правовой охраны. Отмеченная задача, безусловно, требует отдельного и детального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриллиантов А.В., Яни П.С. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия

- Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
3. *Немировский Э.Я.* Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса: Издание акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1919. 371 с.
 4. *Тельнов П.Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974. 206 с.
 5. *Галиакбаров Р.Р.* Квалификация групповых преступлений. М.: Юридическая литература, 1980. 80 с.
 6. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 7. *Лопашенко Н.* Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ по хищениям // Законность. 2003. № 3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 8. *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 773 с.
 9. *Обзор* судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 10. *Постановление* Президиума Верховного Суда РФ от 29.09.2004 г. № 389п04 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 11. *Кассационное* определение Верховного Суда РФ от 16.04.2013 г. № 208-О13-1 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 12. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 19.11.2014 г. № 18-АПУ14-43 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 13. *Постановление* Президиума Верховного Суда РФ от 12.01.2000 г. № 1060п99 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 14. *Апелляционное* определение Верховного Суда Республики Татарстан от 05.11.2013 г. по делу № 22-6647/2013 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 15. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 14.07.2016 г. № 11-АПУ16-15 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 16. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 06.10.2016 г. № 46-АПУ16-14СП // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 17. *Лебедев А.Е.* Соисполнитель как самостоятельный вид соучастника преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1 (51). С. 119–124.
 18. *Прозументов Л.М., Шеллер А.В.* Уголовно-правовые аспекты группового преступления // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 124–126.
 19. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 03.03.2015 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 20. *Апелляционное* определение Оренбургского областного суда от 05.05.2015 г. № 22-2458/2015 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 21. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 13.08.2013 г. № 48-АПУ13-21 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 22. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
 23. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 : [Электронный ресурс]: «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8. URL: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=4400 (дата обращения: 22.12.2016).
 24. *Козлов А.П.* Соучастие: традиции и реальность: учеб. пособие. Красноярск: Б.и., 2000. 233 с.
 25. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 16.04.2015 г. № 11-АПУ15-9СП // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

26. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 31.03.2016 г. № 72-АПУ16-5СП // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
27. *Постановление* Президиума Верховного Суда РФ от 04.12.2013 г. № 235-П13 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф., сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.

IMMEDIATE PARTICIPATION OF ALL PERSONS IN A CRIME AS A SIGN OF JOINT PARTICIPATION: PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND QUALIFICATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 11–17. DOI 10.17223/23088451/8/2
Dmitry O. Danilov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Danilovcfm@gmail.com

Keywords: direct assistance to the perpetrator of crime, joint participation in crime, aiding and abetting.

The immediate participation of all persons is a distinctive sign of joint participation in a crime. In the doctrine and practice it is understood as the joint fulfillment of the *actus reus* by several people. However, there is a problem of its defining, which leads to two approaches to it in the legal community: 1. according to the narrower approach, joint participation is possible only in case of the joint committing of a criminal act, which is an obligatory feature of the *actus reus*; 2. according to the wider approach, joint participation is possible even in case of a partial fulfillment of any other feature of the *actus reus* (for example, method or crime situation), which implies indirect participation in the act. The dispute focuses on the criminal assessment of a person who directly assists the perpetrator. In the course of the discussion the Supreme Court of the Russian Federation has adopted the view that the direct assistance is part of the *actus reus*, which, in principle, can be justified for some acts (i.e., for rape). However, currently this position has been interpreted quite broadly, which means that people who were on the scene during the crime and merely presumed the possible intention of another accomplice to cause harm to the victim can be considered co-perpetrators in legal terms. Obviously, such a deviation from the basic principles of criminal law (principles of legality and guilt) does not allow applying such a broad approach in the qualification of joint participation. In this regard, the preference should be given only to the narrower approach, which, however, has its own flaws hindering its unconditional application without any exceptions. These include, in particular, the fact that the strict adherence to the approach discussed excludes the possibility to qualify the joint participation in crimes, the *actus reus* of which (as described in the law) can not be carried out jointly by several people. Admitting the possibility of certain exceptions, it appears necessary to develop such parameters for the narrower approach to be used for adequate assessment of the legal role of a person who actually participated together with other culprits in a direct encroachment on the object of legal protection.

REFERENCES

1. Brilliantov, A.V. & Yani, P.S. (2013) *Primenenie norm o souchastii: analogiya ili tolkovanie?* [Application of rules on joint participation: Analogy or interpretation?]. *Zakonnost'*. 6.
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za chetvertyy kvartal 2013 goda (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 04.06.2014)* [Review of judicial practices of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2013 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 4, 2014)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163923/.
3. Nemirovskiy, E.Ya. (1919) *Uchebnik ugolovnogo prava. Obshchaya chast'* [Criminal Law. Common part]. Odessa: Yuzhno-Russkoe obshchestvo pechatnogo dela.
4. Telnov, P.F. (1974) *Orvetstvennost' za souchastie v prestuplenii* [Liability for complicity in a crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Galiakbarov, R.R. (1980) *Kvalifikatsiya gruppykh prestupleniy* [Qualification of group crimes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 04.12.2014 № 16 "O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti"* [Decision No. 16 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2014 "On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/.
7. Lopashenko, N. (2003) *Novoe Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF po khishcheniyam* [New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on embezzlement]. *Zakonnost'*. 3.
8. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg: Yurid. tsentr press.
9. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda RF "Nekotorye voprosy sudebnoy praktiki po delam o krazhe, grabezhe i razboe"* [Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation "Some issues of judicial practice in cases of theft and robbery"]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=17269>.
10. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.09.2004 № 389p04* [Decision № 389p04 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 2004]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=1122#0>.
11. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 16.04.2013 № 208-O13-1* [Cassation Determination № 208-O13-1 of the Supreme Court of the Russian Federation of April 16, 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=332865#0>.

12. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 19.11.2014 № 18-APU14-43* [Appeal Determination No. 18-APU14-43 of the Supreme Court of the Russian Federation of November 19, 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=413214#0>.
13. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 12.01.2000 № 1060p99* [Decision № 1060p99 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of January 12, 2000]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=77008#0>.
14. The Supreme Court of the Republic of Tatarstan. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Respubliki Tatarstan ot 05.11.2013 po delu № 22-6647/2013* [Appeal Definition of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan of November 5, 2013, in Case No. 22-6647 / 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1222724#0>.
15. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 14.07.2016 № 11-APU16-15* [Appeal Determination № 11-APU16-15 of the Supreme Court of the Russian Federation from July 14, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=467459#0>.
16. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 06.10.2016 g. № 46-APU16-14SP* [Appeal Determination № 46-APU16-14SP of the Supreme Court of the Russian Federation of October 6, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=480053#0>.
17. Lebedev, A.E. (2016) Soispolnitel' kak samostoyatel'nyy vid souchastnika prestupleniya [Co-perpetrators as independent type of an accomplice in a crime]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 1(51). pp. 119–124.
18. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2009) Ugolovno-pravovye aspekty gruppovogo prestupleniya [Criminal and legal aspects of group crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 319. pp. 124–126.
19. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 03.03.2015 № 9 “O vnesenii izmeneniy v nekotorye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii”* [Decision No. 9 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 3, 2015, “On Amending Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175971/.
20. The Orenburg Regional Court. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Orenburgskogo oblastnogo suda ot 05.05.2015 № 22-2458/2015* [Appeal Determination № 22-2458 / 2015 of the Orenburg Regional Court of May 5, 2015]. [Online] Available from: Consultant Plus.
21. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 13.08.2013 № 48-APU13-21* [Appeal Definition № 48-APU13-21 of the Supreme Court of the Russian Federation of August 13, 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=352336#0>.
22. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.06.2015 № 30 “O vnesenii izmeneniy v postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15 iyunya 2006 goda № 14 “O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psikhotropnymi, sil'nodeystvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami”* [Decision No. 30 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015, “On Amendments to Decision No. 14 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006, On Judicial Practice in Crimes Related to Narcotics, Psychotropic, Potent and Poisonous Substances”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181896/.
23. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.06.2006 № 14* [Decision № 14 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 8. [Online] Available from: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=4400. (Accessed: 22nd December 2016).
24. Kozlov, A.P. (2000) *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: Traditions and reality]. Krasnoyarsk: [s.n.].
25. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 16.04.2015 № 11-APU15-9SP* [Appeal Determination № 11-APU15-9SP of the Supreme Court of the Russian Federation of April 16, 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=425420#0>.
26. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 31.03.2016 № 72-APU16-5SP* [Appeal Determination No. 72-APU16-5SP of the Supreme Court of the Russian Federation of March 31, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=457234#0>.
27. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 04.12.2013 № 235-P13* [Decision № 235-P13 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of December 4, 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=373466#0>.

Л.М. Прокументов

**НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ,
ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБЪЕКТУ И ПРЕДМЕТУ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 157 УК РФ**

Практика свидетельствует, что воздействие криминальных угроз в большей степени ощущают на себе менее защищенные социальные слои и группы населения, к числу которых относятся несовершеннолетние. Многие из них становятся потерпевшими от преступлений, а значительно большее их число живут в условиях, не соответствующих их нормальной социализации. Сказанное обуславливает потребность в совершенствовании существующих и разработке новых мер защиты несовершеннолетних от преступных посягательств. В этой связи важным является вопрос, связанный с материальным обеспечением несовершеннолетних их родителями (одним из них), поскольку практика свидетельствует о росте числа преступлений, предусматривающих ответственность за неуплату средств на содержание детей. Анализ объекта и предмета данного преступления и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, родители, средства на содержание детей, преступление, ответственность.*

Современный этап развития российского государства и общества характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, следует признать, что «Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов» (п. 1 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года) [1]. С другой стороны, приходится констатировать, что в период крупных общественно-политических и социально-экономических преобразований были созданы определенные условия для формирования новых криминальных угроз и рисков.

Практика свидетельствует, что деструктивное воздействие криминальных угроз в большей степени ощущают на себе менее защищенные социальные слои и группы населения, к числу которых относятся несовершеннолетние. Ежегодно в России свыше 100 тысяч несовершеннолетних становятся потерпевшими от преступлений, сотни тысяч живут в условиях, не соответствующих их нормальной социализации. Отмеченные процессы вызывают серьезную озабоченность государственной власти и гражданского общества; обуславливают потребность в совершенствовании существующих и разработке новых мер защиты несовершеннолетних от преступных посягательств; заставляют признать, что одним из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу является «усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего

детей и подростков» (п. 38 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года).

В рамках этого направления в период 2009–2015 гг. предприняты меры по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации: криминализованы новые общественно опасные деяния, посягающие на несовершеннолетних; уточнены признаки существующих составов преступлений, направленных против интересов ребенка; усилена и более детально дифференцирована уголовная ответственность за их совершение. Отметим, что наиболее интенсивному реформированию подверглись уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Вместе с тем в науке и практике все чаще обращается внимание на рост противоправного поведения родителей (одного из них) по отношению к своим несовершеннолетним детям в сфере, относящейся к вопросам материального обеспечения, связанной с неуплатой средств на содержание детей. Возникает вопрос: чем обусловлен рост числа преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 157 УК РФ? Ответ на поставленный вопрос следует искать в трех направлениях: первое связано с анализом существующей уголовно-правовой нормы, второе – предполагает анализ группы правовых норм, направленных на охрану прав и свобод несовершеннолетних, третье – предполагает анализ практики применения правовой нормы. Мы остановимся на первом направлении.

Не вступая в дискуссию по поводу объекта преступления, отметим, что под объектом преступления мы понимаем общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступлением причиняется вред или создается непосредственная угроза причинения вреда.

Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за неуплату средств на содержание детей,

расположены в разд. VII УК РФ «Преступления против личности», следовательно, родовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности, ее права и свободы, в том числе право на материальное обеспечение и нормальные условия социализации несовершеннолетнего.

Видовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие интересы семьи и несовершеннолетних, прежде всего связанные с правом несовершеннолетнего на воспитание, образование, содержание.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие материальные условия позитивной социализации несовершеннолетних. Отметим, что в науке уголовного права существуют и другие мнения по поводу непосредственного объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ [2].

В науке уголовного права кроме рассмотренной выше классификации «по вертикали» существует классификация объектов преступления «по горизонтали». Необходимость выделения такой классификации обусловлена тем, что любое преступление причиняет вред (или создает угрозу причинения вреда) не только относительно одного отдельно взятого объекта, но и одновременно в пределах нескольких смежных общественных отношений. В этой связи выделяют основной и дополнительный объект преступного посягательства.

В качестве дополнительного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, исследователи выделяют жизнь и здоровье несовершеннолетних. Это обусловлено тем, что неоказание материальной помощи детям угрожает их нормальному физическому развитию. В связи с этим некоторые исследователи предлагают анализируемый нами состав преступления отнести к числу преступлений против жизни и здоровья, т.е. расположить его в главе 16 УК РФ [3, с. 10].

Представляется, что неуплата денежных средств ставит под угрозу здоровье несовершеннолетнего. Вместе с тем нет необходимости помещать данное преступление в другую главу УК РФ, поскольку основным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие материальные условия существования несовершеннолетних и лишь в исключительных случаях преступление может угрожать их жизни.

В соответствии с ч. 2 ст. 13 Гражданско-процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) вступившие в силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Аналогичные нормы содержатся в ст. 16 Арбитражно-

процессуального кодекса РФ, а также в ст. 31.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Поскольку уплата средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, осуществляется по решению суда или нотариально удостоверенного соглашения, лицо, уклоняясь от уплаты средств на содержание детей, нарушает возложенную на него обязанность по исполнению судебных актов, вступивших в законную силу и нотариально удостоверенного соглашения.

С учетом сказанного, можно считать, что в рассматриваемом составе преступления общественные отношения в сферах правосудия и нотариата, обеспечивающие законное исполнение судебных решений и нотариально удостоверенных соглашений, являются дополнительным объектом преступного посягательства. Такой позиции придерживаются и другие исследователи [4, с. 98].

Наряду с объектом преступления в научной литературе выделяется предмет преступного посягательства, под которым понимается конкретное благо, воздействуя на которое виновный причиняет вред охраняемым законом общественным отношениям. Предметом анализируемого состава преступления являются денежные средства, которые лицо обязано по решению суда или нотариально удостоверенного соглашения предоставить другому лицу в его распоряжение на удовлетворение необходимых для позитивной социализации потребностей несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста.

В соответствии со ст. 86 Семейного кодекса РФ при отсутствии соглашения и при наличии исключительных обстоятельств (тяжелой болезни, увечья несовершеннолетних детей или трудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, необходимости оплаты постороннего ухода за ними и других обстоятельств) каждый из родителей может быть привлечен судом в несение дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами.

В научной литературе существует позиция, в соответствии с которой предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, является решение суда о взыскании алиментов [5, с. 17]. Подобное суждение считаем необоснованным, поскольку лицо, совершая рассматриваемое нами преступление, стремится получить для себя определенную материальную выгоду посредством неуплаты денежных средств. Другими словами, благом, на которое воздействует должник, являются именно алименты.

Отметим и имеющую место несогласованность законодательства в части использования терминов. Так, в ст. 157 УК РФ речь идет о «средствах на содержание», а в Семейном кодексе РФ используется термин «алименты» (ст.ст. 80, 81, 82, 83, 84, 85). Возникает вопрос: как соотносятся указанные термины?

Содержание детей и других членов семьи часто осуществляется добровольно, без какого-либо правового оформления. При этом лица, предоставляющие содержание, сами определяют размер, порядок и форму его предоставления. Такое добровольное содержание может предоставляться как лицам, которым закон предоставляет право требовать содержания, так и лицам, не наделенным таким правом. В отличие от добровольного содержания алиментное обязательство характеризуется предусмотренным законом составом участников, а также юридическим оформлением и конкретизацией обязательства плательщика. Такая конкретизация производится путем заключения алиментного соглашения, принятия судом решения или вынесения судом судебного приказа о взыскании алиментов. После такой конкретизации предоставление содержания приобретает правовую форму алиментного обязательства.

Вместе с тем, как было отмечено, действующее семейное законодательство предусматривает возможность привлечения родителей к участию в дополнительных расходах, вызванных чрезвычайными обстоятельствами. Порядок участия родителей в несении дополнительных расходов определяется судом исходя из материального и семейного положения родителей и детей, а также других заслуживающих внимание интересов сторон в твердой денежной сумме, подлежащей уплате ежемесячно.

Суд вправе обязать родителей принять участие как в фактически понесенных дополнительных расходах, так и в дополнительных расходах, которые необходимо произвести в будущем.

То есть законодатель кроме обязанности регулярно уплачивать алименты на детей предписал родителям участвовать в дополнительных расходах. Такие расходы, как правило, имеют временный характер в отличие от алиментных обязательств. Поскольку существует возможность предоставления содержания за пределами алиментных обязательств, постольку можно утверждать, что понятия «содержание» и «алименты» не являются тождественными. Термин «средства на содержание» шире по объему термина «алименты». В этой связи представляется целесообразным в диспозиции ст. 157 УК РФ термин «содержание» заменить на термин «алименты», поскольку последний более точно отражает сущность рассматриваемого явления.

Обязательным признаком объекта рассматриваемого преступления является потерпевший: несовершеннолетний ребенок, а равно нетрудоспособный ребенок, достигший восемнадцатилетнего возраста. В соответствии с ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет. В этой связи возникает вопрос: как быть с лицами, которым меньше четырнадцати лет? Очевидно, что в Уголовном кодексе РФ несовершеннолетний возраст определен неточно, он «привязан» к уголовной ответственности. Представляется, что при опреде-

лении совершеннолетия лица следует исходить из положений Конституции РФ, в ст. 60 которой закреплено положение, в соответствии с которым гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. Следовательно, лица, которым не исполнилось 18 лет, являются несовершеннолетними, и при определении возраста ребенка следует исходить из положений, закрепленных в Конституции РФ, которые, кстати, полностью соответствуют нормам международного права.

Благосостояние детей, их полноценное развитие во многом зависят от материального достатка в семье, в том числе регулярности и размера алиментов, выплачиваемых родителями. При этом потребности ребенка с возрастом увеличиваются. Новорожденные дети и дети школьного возраста нуждаются в надлежащем питании и одежде. Достижение возраста, который влечет за собой поступление в образовательное учреждение, сопровождается появлением новых потребностей, а следовательно, и дополнительных материальных затрат, связанных с обучением, проведением досуга и т.п. И даже в случаях, когда алименты родителя являются не единственным источником указанных средств, они представляют собой необходимую и очень важную экономическую основу нормального развития ребенка, которая исключает необходимость преждевременного начала трудовой деятельности в ущерб интересам общего образования и позитивного развития личности. Отсутствие надлежащего социального опыта у несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет влечет за собой желание подростка «быть как все», что может обусловить появление зависти по отношению к более удачливым и обеспеченным детям. В этом возрасте ребенок наиболее остро воспринимает недостаток денежных средств в семье, которые могли бы быть потрачены на удовлетворение его потребностей. Подобные ситуации складываются во многих семьях, могут провоцировать несовершеннолетних на совершение правонарушений и преступлений. А уклонение недобросовестного родителя от выполнения обязанности по уплате алиментов только усугубляет ситуацию.

Из сказанного выше следует, что чем старше ребенок, тем больше средств требуется на его нормальное содержание, воспитание и обучение. Действующее семейное законодательство хотя и кладет в основу определения размера алиментов количество детей, все-таки допускает возможность уменьшения или увеличения размера алиментов судом с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимание обстоятельств (ч. 2 ст. 81 Семейного кодекса РФ). К сожалению, действующее уголовное законодательство данный аспект не учитывает. В соответствии с примечанием 1 к ст. 157 УК РФ неуплатой родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей,

а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно, признается неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. То есть законодатель объяснил, что считать неуплатой родителем средств на содержание детей без уважительных причин, но проблеме возраста этих детей не затронул. Представляется необходимым ставить вопрос о дифференциации уголовной ответственности за анализируемое преступление в зависимости от возраста потерпевшего. При этом, чем старше ребенок, тем суровее должно быть наказание. Это обусловлено возможностью наступления более тяжких последствий, которые могут возникнуть в случае неуплаты алиментов детям в возрасте 14–17 лет. Этот возраст характеризуется в психологии как «период внутреннего конфликта, психической неуравновешенности и неустойчивого поведения» [6, с. 56], а поэтому последствия, которые могут возникнуть в случае неуплаты алиментов, будут более тяжкими, чем последствия при наличии детей младших возрастных групп.

По действующему законодательству РФ алиментная обязанность родителей в отношении несовершеннолетних детей прекращается с момента совершения ребенком совершеннолетия.

Возможность сохранения права на алименты за совершеннолетними трудоспособными детьми, даже если они продолжают обучение в высшем учебном заведении, не предусмотрена. Без достаточных средств на оплату обучения дети, воспитывающиеся только одним из родителей, часто оказываются в сложном положении и не могут без собственного дохода самостоятельно реализовать право на обра-

зование. Необходимость получения материальной поддержки от родителей совершеннолетними трудоспособными детьми обусловлена еще и тем, что в настоящее время в нашем обществе достижение экономической самостоятельности, как правило, происходит позднее достижения совершеннолетия. При отсутствии права на получение алиментов дети, воспитывающиеся только одним родителем, оказываются в менее привилегированном положении, чем те, которые воспитываются в полной семье. Бремя их содержания во время обучения после достижения ими 18 лет полностью ложится на одного, проживающего совместно с ними родителя, что вряд ли можно назвать справедливым.

Рассматриваемая ситуация усугубляется ежегодным сокращением бюджетных мест в вузах и повышением оплаты за обучение.

Отметим, что во многих зарубежных странах эта проблема успешно решается. В частности, законодательство Сербии предусматривает, что родители должны с учетом материальных возможностей содержать своих совершеннолетних детей и обеспечивать их учебу до достижения ими 26 лет, если они по уважительным причинам продлевают свое обучение в средних или высших учебных заведениях. В Швейцарии родители должны, насколько это возможно, продолжать помогать в расходах на содержание своих достигших совершеннолетия детей до конца их обучения при условии, что оно будет закончено в разумный срок. Список стран, в которых решается данная проблема, можно продолжать, однако и без этого понятно, что настало время и в нашей стране ставить вопрос о целесообразности законодательного закрепления возможности выплачивать по решению суда алименты на совершеннолетнего ребенка, нуждающегося в материальном обеспечении его учебы в случае отсутствия соглашения между родителями. А уклонение от уплаты алиментов в таких случаях должно влечь уголовную ответственность, что потребует внесения соответствующих изменений в Уголовный кодекс РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стратегия* национальной безопасности. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
2. *Петрова И.А.* К вопросу о понятии злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10. С. 1291–1297.
3. *Парышев А.И.* Злостное уклонение от уплаты алиментов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юр. наук. Киров. 2006. 165 с.
4. *Зейналов М.М., Шебалова Г.З.* Особенности объекта уголовно-правовой охраны в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей» УК РФ // Современное право. 2013. № 1. С. 96–98.
5. *Феофилактов А.С.* Неисполнение требований судебных постановлений // Уголовный процесс. 2006. № 6. С. 15–25.
6. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. 656 с.

SOME CONTROVERSIAL ISSUES RELATING TO THE OBJECT AND SUBJECT OF AN OFFENSE UNDER PART 1 OF ART. 157 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 18–22. DOI 10.17223/23088451/8/3

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: minors, parents, funds for the maintenance of children, crime, responsibility.

Under the current legislation of the Russian Federation, the alimony obligation of parents to provide the financial support to their underage children is terminated from the moment when children come of age. The adult able-bodied children do not retain their right to alimony, even if they are students of higher educational institutions. Children from single-parent families often find themselves in a difficult position, because they do not have sufficient funds to pay for education and cannot exercise their right to education without their own income. The need for the adult able-bodied children to receive financial support from parents is evident due to the fact that nowadays in Russia children achieve economic independence later than they reach their full legal age. With no right to receive alimony, children from incomplete families are in a less privileged position than those who are brought up in a full family. The burden of their maintenance during their education falls entirely on one parent living with them, which can hardly be called fair. This situation under analysis gets even worse due to the annual reduction of state-funded places in universities and increase in tuition fees. However, in many foreign countries this problem is successfully solved. In particular, the legislation of Serbia stipulates that parents should support their adult children, as far as they can, and ensure their education until children reach the age of 26 in case there are valid reasons for the children to extend their education in secondary or higher educational institutions. In Switzerland, parents should, as far as possible, financially help their adult children until they finish their education, provided that they do it within a reasonable time. The list of countries which have managed to cope with this problem is long, so it is obvious that it is high time to raise the question in this country and to introduce some amendments to the legislation which would provide adult children with the right to get alimony from parents to finish their education in case there is no corresponding agreement between parents. The evasion from paying alimony in such cases should lead to criminal liability, which requires appropriate changes in the Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (2009) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti. Uverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537* [National Security Strategy. Approved by Decree No. 537 of the President of the Russian Federation of May 12, 2009]. 19th May.
2. Petrova, I.A. (2013) K voprosu o ponyatii zloznogo ukлонeniya ot uplaty sredstv na sodержanie detey [On the concept of malicious evasion from payment of funds for the maintenance of children]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 10. pp. 1291–1297.
3. Paryshev, A.I. (2006) *Zloznoe ukлонenie ot uplaty alimentov: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Malicious evasion from paying alimony: Criminal, legal and criminological aspects]. Law Cand. Diss. Kirov.
4. Zeynalov, M.M. & Shebalova, G.Z. (2013) Features of the object of legal protection in crimes under Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation “Malicious evasion from maintenance of children or disabled parents”. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 1. pp. 96–98. (In Russian).
5. Feofilaktov, A.S. (2006) Neispolnenie trebovaniy sudebnykh postanovleniy [Non-fulfillment of the requirements of judicial decisions]. *Ugolovnyy protsess*. 6. pp. 15–25.
6. Rice, F. (2000) *Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Psychology of adolescence]. Translated from English by Yu. Mironchik & V. Kvitkevich. St. Petersburg: Piter.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.14

DOI 10.17223/23088451/8/4

В.Н. Григорьев

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Обычный механизм обеспечения прав подозреваемого основывается на наделении лица соответствующим процессуальным статусом. Обращается внимание на альтернативный правовой механизм, суть которого состоит в том, чтобы предоставлять права и возможности отстаивать свои интересы не в зависимости от формального статуса, а по факту ущемления прав или ограничения свобод, без постановки гражданина на документальный учет лиц, подвергавшихся уголовному преследованию.

Ключевые слова: участники уголовного процесса, подозреваемый, обеспечение прав подозреваемого, механизм обеспечения прав подозреваемого, уголовное преследование.

Обычный правовой механизм обеспечения прав подозреваемого включает в себя два основных компонента: наделение лица статусом подозреваемого и включение в этот статус тех или иных его полномочий. Соответственно развитие такого механизма в последние годы шло по пути расширения прав лица в статусе подозреваемого и увеличения количества обстоятельств, с которыми законодатель связывает наделение лица статусом подозреваемого.

Такой механизм является в целом позитивным, а главное, понятным и логичным. Поэтому не удивительно, что в его развитие и совершенствование активно включились и исследователи, и Законодатель, и Конституционный Суд Российской Федерации.

Вместе с тем совсем недавно в законодательной практике весьма отчетливо проявился иной механизм обеспечения прав подозреваемого, особенность которого заключается в том, что он предполагает предоставление прав не в связи с наделением лица уголовно-процессуальным статусом подозреваемого, а в связи с конкретными ущемляющими действиями, в данном случае, в связи с наложением ареста на имущество лиц, которые не являются подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу.

Подобного рода правовой механизм отражен, прежде всего, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» [1]. В этом постановлении Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на проблемы обеспечения прав «безстатусных» лиц, т.е. таких лиц, которые не являются подозреваемыми,

обвиняемыми, но так или иначе вовлекаются в уголовный процесс, в конкретной ситуации – при наложении на их имущество ареста. В Постановлении, в частности, отмечено, что «наложение в рамках производства по уголовному делу ареста на имущество, которое находится у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, и получение которого в результате совершения преступления лишь предполагается, может иметь лишь временный характер и применяться при предоставлении таким лицам процессуальных гарантий, обеспечивающих восстановление нарушенных прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства» (ч. 5 п. 2).

В Постановлении далее отмечается, что таких прав действующее законодательство не предоставляет. Конституционный Суд прямо записал, что если лицо не является подозреваемым, обвиняемым или гражданским ответчиком, то оно не уведомляется о продлении сроков предварительного следствия или о его приостановлении, на них не распространяются такие процессуальные гарантии, как право знать сущность предъявленных к ним материально-правовых притязаний и обстоятельств, на которых они основаны, возражать против этих притязаний, давать объяснения, представлять доказательства, иметь представителя, знакомиться с материалами уголовного дела, заявлять отводы и т.д.; эти лица не относятся к числу субъектов, имеющих право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (ч. 4 и 5 п. 3.2).

На этом основании делается вывод о том, что положения ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (ч. 1–3), 46 (ч. 1) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой

этими положениями в системе действующего правового регулирования не предусматривается надлежащий правовой механизм, применение которого – при сохранении баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами – позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого (п. 4, п. 1 резолютивной части), а Федеральному законодательству предписано внести в действующее правовое регулирование соответствующие изменения.

В приведенном Постановлении Конституционного Суда отчетливо прослеживается позиция, согласно которой защита в судебном порядке прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено наложением ареста на принадлежащее им имущество, должна осуществляться не приданием им какого-то из указанных правовых статусов (с наделением соответствующими правами), а путем создания надлежащего правового механизма применительно к конкретной проблемной ситуации, предполагающей деятельность, говоря словами Постановления, «в процедурах, обеспечивающих собственников арестованного имущества процессуальными правами, необходимыми для защиты их права собственности от необоснованного или чрезмерно длительного ограничения» (ч. 2 п. 4).

В целях реализации правовых позиций указанно выше Постановления Конституционного Суда Российской Федерации Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] в УПК РФ внесены многочисленные изменения, направленные на отражение конституционно-правового смысла правовых положений, сформулированных Конституционным Судом, и совершенствования законодательного регулирования применением наложения ареста на имущество в качестве меры процессуального принуждения.

Среди дополнений, внесенных в УПК РФ, есть ряд норм, непосредственно направленных на защиту прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, на имущество которых наложен арест. Среди них, в частности, следующие рассчитанные на подобные ситуации нормы:

- об определении разумного срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, в ходе уголовного судопроизводства (3.2 ст. 6.1);

- об основаниях, порядке и сроках наложения ареста на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (ч. 3 ст. 115);

- о документальном оформлении наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, и вручении копии протокола лицу, на имущество которого наложен арест, с разъяснением права обжаловать решение о наложении ареста на имущество, а также заявить мотивированное ходатайство об изменении ограничений, которым подвергнуто арестованное имущество, или об отмене ареста, наложенного на имущество (ч. 8 ст. 115);

- о порядке отмены ареста на безналичные денежные средства, находящиеся на счетах лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (ч. 9 ст. 115);

- о порядке продления срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, включая право таких лиц участвовать в судебном заседании и обжаловать вынесенное постановление судьи в апелляционном, кассационном порядке (ст. 115.1);

- об уведомлении лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, на имущество которых наложен арест, о приостановлении предварительного следствия (ч. 1 ст. 209).

Помимо УПК РФ ряд норм, направленных на обеспечение прав лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым, при наложении ареста на его имущество, включены также в Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [3] и в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [4].

Не оставляя сомнений в необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений, складывающихся при наложении ареста на имущество, полагаю, что уже существующие приведенные выше нормы в своей совокупности представляют собой своеобразный правовой механизм эффективной защиты прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу в данной конкретной ситуации.

Суть такого механизма состоит в предметном обеспечении прав и законных интересов лица применительно к конкретным избобличающим действиям. Процедура каждого такого действия должна содержать достаточный механизм защиты интересов лица без того, чтобы прибегать к официальному признанию его подозреваемым по делу. Среди элементов такого механизма – неразглашение обстоя-

тельств личной жизни, тайна следствия, запрет домогаться показаний путем насилия, угроз и иных незаконных мер, профессиональная помощь адвоката, вручение копий соответствующих документов, уведомление о предпринимаемых действиях, предоставление права на их обжалование и т.д. Лицо занимает статус по фактически выполняемым в отношении него официальным действиям: в случае доставления – доставляемого, при освидетельствовании – освидетельствуемого, обыске – обыскиваемого, допросе – свидетеля, наложении ареста на имущество – собственника или владельца имущества и т.д. Соответственно он имеет права и несет обязанности сообразно занимаемому статусу.

Такой механизм, обоснованный ранее [5, с. 63] и получивший поддержку среди исследователей [6], оказался реальным уже в условиях ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства, бесспорно в значительно меньшей мере заточенного на решение обостренных подобных проблем. Это тем более возможно в условиях современных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства, имеющих ярко выраженную гуманитарную направленность. В числе примеров подтверждения таких тенденций является законодательное закрепление права гражданина в любой ситуации воспользоваться услугами адвоката и соответствующая обязанность должностных лиц правоохранительных органов не препятствовать этому.

В чем же недостатки старого механизма, основанного в отличие от обозначенного выше альтернативного на придании лицу специального статуса подозреваемого по уголовному делу? Статус подозреваемого привлекателен тем, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству предоставляет его обладателю широкие возможности для защиты от уголовного преследования. Это касается прежде всего сферы уголовного судопроизводства. Однако данный правовой статус проявляется и в иных сферах жизни гражданского общества,

где он воспринимается негативно и является препятствием для реализации прав в выборе профессии и сферы занятий, в сфере государственной и правоохранительной службы, педагогической деятельности, государственных наград, места жительства и свободы передвижения и т.д. Причем многие такие ограничения действуют если не бессрочно, то по крайней мере значительное время после прекращения уголовного преследования. В этой связи, с пониманием относясь к гражданскому пафосу сторонников расширения оснований для признания лица подозреваемым и максимального облегчения этой процедуры, я хочу обратить внимание на то, что это не награда и не почетное звание, а своеобразное юридическое клеймо с конкретными неблагоприятными последствиями для гражданина и его близких родственников. Поэтому, заботясь о защите прав преследуемых в уголовном порядке, я обращаю внимание на иной правовой механизм, который позволял бы достигать этой цели без использования такого правового инструмента, как институт подозреваемого в уголовном процессе.

Решение проблемы обеспечения прав лица, в отношении которого предпринимаются избивающие меры, видится в смене постановки научной задачи: необходимо расширять не основания для признания лица подозреваемым, а реальную возможность воспользоваться правами для защиты своих законных интересов в связи с предпринимаемыми избивающими действиями, когда процедура каждого такого действия должна содержать достаточный механизм защиты интересов лица без того, чтобы прибегать к официальному признанию его подозреваемым по делу.

Подобный правовой механизм гораздо эффективнее для обеспечения прав лиц, заподозренных в совершении преступления. Полагаем, что изложенное будет способствовать его пониманию и укреплению позиции в пользу альтернативного правового механизма обеспечения прав подозреваемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена»* // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2014. № 44. Ст. 6128.
2. *Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2015. № 27. Ст. 3981.
3. *Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»* // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2010. № 18. Ст. 2144; 2014. № 23. Ст. 2928; № 30. Ст. 4274.
4. *Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации* // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. *Григорьев В.Н.* Задержание подозреваемого. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1999. 542 с.
6. *Богацкий Ф.А.* Понятие подозреваемого в уголовном судопроизводстве России // <http://superinf.ru> [Электронный ресурс]. электр. дан. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).

AN ALTERNATIVE LEGAL MECHANISM FOR ENSURING THE RIGHTS OF THE SUSPECT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 23–26. DOI 10.17223/23088451/8/4

Viktor N. Grigoriev, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Keywords: participants in criminal proceedings, suspect, ensuring the rights of the suspect, the mechanism for ensuring the rights of the suspect, criminal prosecution.

The status of the suspect seems attractive, because, under the current criminal procedure legislation, it gives its holder ample opportunities to defend against criminal prosecution. This refers primarily to the sphere of criminal justice. However, this legal status is perceived negatively in other spheres of civil life and becomes an obstacle in exercising the rights to choose profession, in the sphere of state and law enforcement service, teaching, for getting state awards, or choosing the place of residence and enjoying the freedom of movement. Moreover, many of such restrictions remain in force either for an unlimited or a considerable period of time after the termination of criminal prosecution. That is why, though understanding the civil pathos of those who support expanding the grounds for qualifying the person as a suspect and making this procedure as easy as possible, the author draws attention to the fact that this is not a reward or an honorary title, but a legal stigma with specific adverse consequences for the citizen and their family. Trying to protect the rights of those who are prosecuted, the author would offer another legal mechanism that would allow these rights without applying the category of the suspect in criminal proceedings. The solution is seen in changing the problem statement: it is necessary to expand the real opportunity for citizens to exercise their rights to protect their legitimate interests in connection with the incriminating actions rather than the grounds for qualifying citizens as suspect. The procedure of each of such actions must contain a sufficient mechanism to protect the interests of people without officially recognising them as suspects in the case. This legal mechanism is much more effective for ensuring the rights of people suspected of committing a crime. The author believes that this paper will contribute to understanding and strengthening of the position in favour of an alternative legal mechanism for ensuring the rights of the suspect.

REFERENCES

1. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 oktyabrya 2014 goda № 25-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey tret'ey i devyatoy stat'i 115 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu ‘Avrora maloetazhnoe stroitel'stvo’ i grazhdan V.A. Shevchenko i M.P. Eydlena” [Decision No. 25-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 21, 2014, On the verification of the constitutionality of the provisions of Parts 3 and 9 of Article 115 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints of the LLC “Avrora maloetazhnoe stroitel'stvo” and V.A. Shevchenko and M.P. Eydlen]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 44. Art. 6128.
2. Russian Federation. (2015) Federal'nyy zakon ot 29 iyunya 2015 goda № 190-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 190-FZ of June 29, 2015, On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 27. Art. 3981.
3. Russian Federation. (2010) Federal'nyy zakon ot 30 aprelya 2010 goda № 68-FZ “O kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyy srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyy srok” [Federal Law No. 68-FZ of April 30, 2010, On Compensation for Violation of the Right to Proceed in Due Process within a Reasonable Time or the Right to Enforce a Judicial Act within a Reasonable Time]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 18. Art. 2144.
4. Russian Federation. (2015) Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii [The Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 10. Art. 1391.
5. Grigoriev, V.N. (1999) *Zaderzhanie podozrevaemogo* [Detention of the suspect]. Moscow: YurInfoR.
6. Bogatskiy, F.A. (n.d.) *Ponyatie podozrevaemogo v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The concept of the suspect in the criminal justice of Russia]. [Online] Available from: <http://superinf.ru>. (Accessed: 30th November 2016).

А.В. Грищенко

УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Рассматриваются проблемы установления истины в суде присяжных. На основе анализа соответствующей юридической литературы, действующего законодательства, касающегося производства в суде присяжных, а также практики Томского областного суда делается вывод о том, что суд присяжных имеет все возможности для установления объективной истины по уголовному делу и является одной из гарантий справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: суд присяжных, истина, принцип состязательности.

В связи с реформированием суда присяжных все большую актуальность приобретает вопрос, насколько рассмотрение дела при данной форме правосудия позволяет приблизиться к истине. УПК РФ не содержит положений об объективной истине как о цели доказывания, однако говорить о ней по отношению к уголовному процессу вообще, а к суду присяжных в частности можно. На наш взгляд, истина представляет собой не цель участников процесса, а возможный результат, который либо достигается в итоге состязательного судебного разбирательства, либо нет.

Среди всех философских теорий истины ее объективность признается только концепцией соответствия, согласно которой высказывание должно соответствовать реальности [1, с. 136]. Уголовно-процессуальные отношения тоже связаны с установлением фактов объективной действительности. Несмотря на то, что точного критерия, позволяющего однозначно свидетельствовать о достижении объективной истины судом, нет [2, с. 89], объективно отношения соответствия существуют. М.С. Строгович говорил, что человек иногда познает истину, иногда – ложь, но он способен познать реальность [3, с. 67–68].

Причиной, почему истину удается достичь не всегда, является заблуждение, которое может присутствовать при рассмотрении уголовного дела любым составом суда. Суд присяжных тоже не застрахован от ошибок и поэтому стопроцентно истину по делу не гарантирует. Однако считаем, что он может существенно способствовать установлению истины, так как имеет для этого все возможности.

Так, на наш взгляд, требования уголовно-процессуального закона к производству в суде присяжных (разд. XII УПК РФ) создают предпосылки для наиболее качественного рассмотрения уголовного дела. Например, детальная регламентация процедуры формирования коллегии присяжных (ст. 328 УПК РФ), возможность судьи отстранить во время судебного следствия любого присяжного, в чей необъективности появляются сомнения (ст. 329 УПК РФ), а также право сторон ходатайствовать о роспуске коллегии в связи с ее тенденциозностью (ст. 330 УПК РФ) обеспечивают беспристрастное рассмотрение дела, при этом увеличивая вероятность дос-

тижения объективной истины. Обязательность оправдательного вердикта присяжных для судьи (ст. 348 УПК РФ) и право суда постановить оправдательный приговор при несогласии с обвинительным вердиктом присяжных (ч. 4,5 ст. 348 УПК РФ) способны, с одной стороны, нейтрализовать присущий судьям обвинительный уклон, а с другой стороны, сохранить за судьей-профессионалом контроль над судьями факта и тем самым предотвратить возможную судебную ошибку.

Полагаем, что способствует установлению объективной истины также запрет исследовать данные, способные вызвать предубеждение в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). В отличие от потерпевшего и свидетелей обвинения, запрет исследовать личные данные, которые [4] препятствуют присяжному, на наш взгляд, решить вопрос о доверии показаниям изобличающих подсудимого лиц, подсудимый должен предстать перед присяжными «чистым», чтобы негативные и компрометирующие его сведения не смогли отразиться на итоговом решении по делу. Несмотря на то, что запрет исследовать такие данные подсудимого в УПК РФ есть, на практике уберечь присяжных от этой информации зачастую не удается. Так, например, в одном из дел, рассмотренных Томским областным судом с участием присяжных, защитник, игнорируя замечания председательствующего, пять раз подряд старался получить ответ на вопрос, что такое «травка» и наркотическое ли это средство [5]. Вряд ли просьба председательствующего не принимать во внимание эти сведения может стереть из памяти присяжных данные, способные негативно отразиться на установлении истины по делу. Имеющийся в УПК РФ запрет на исследование таких данных хотя бы отчасти уменьшает вероятность формирования у присяжных предубеждения.

Понятно, что иногда сведения о прежней судимости подсудимого имеют значение для осознания мотивов и целей его деяния, а потому нуждаются в рассмотрении. Однако в таких случаях нужная информация, несмотря на имеющийся в УПК РФ запрет, исследуется. Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении подсудимого К., обвиняемого в покушении на убийство работника прокуратуры в связи с осуществлением им служебной деятельно-

сти, государственным обвинителем были оглашены приговор и кассационное определение по предыдущему преступлению К. Суд не возражал против оглашения данных о судимости, поскольку эта информация вытекает из формулировки предъявленного обвинения [6]. Из приведенного примера следует, что в подобных случаях ч. 8 ст. 335 УПК РФ не мешает исследовать эти данные, тогда как полная отмена на законодательном уровне соответствующего положения закона может навредить установлению истины в случаях, когда необходимость в оглашении этих данных отсутствует.

Одних только требований закона, регламентирующих процедуру рассмотрения дела в суде присяжных, для достижения истины недостаточно, так как автоматически процедурные правила к истине не приводят [7, с. 101]. Представляется, что другим фактором, способствующим установлению присяжными объективной истины по уголовному делу, является более полная реализация участниками процесса имеющегося у них потенциала. В значительной степени, на наш взгляд, это происходит благодаря реализации в судебном процессе принципа состязательности, являющегося способом установления истины по делу [8, с. 61].

В юридической литературе справедливо отмечается, что наиболее полно принцип состязательности реализуется в судебных стадиях производства по делу, когда стороны пользуются равными правами на заявление ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании [9, с. 105]. Благодаря тому, что в суде присяжных сохраняется большая объективность суда, ограниченного не только сторонами, но и коллегией присяжных, при рассмотрении дела в этой форме правосудия принцип состязательности проявляется еще в большей степени. Так, в десяти изученных уголовных делах, рассмотренных Томским областным судом с участием присяжных заседателей¹, судьи при произнесении краткого вступительного и напутственного слова разъясняли присяжным презумпцию невиновности, различие в процессуальных задачах каждой из сторон, обязанность суда обеспечить объективное, честное рассмотрение дела, происходящее в точном соответствии с законом. Сохранение судьей объективности и беспристрастности, на наш взгляд, позволяет присяжным заседателям остаться полностью свободными от предубеждений, а значит, облегчает процесс достижения ими объективной истины по делу.

Понятно, что выдержать полную объективность в процессе судебного следствия, когда нужно моментально реагировать на действия сторон и принимать решения, суду сложнее. Однако полагаем, что в суде присяжных стороны в большей степени, чем в обычном процессе, стараются противостоять нарушениям председательствующего, так как нацели-

ваются на настоящую борьбу. Осуществляя своеобразный общественный контроль, суд присяжных нейтрализует присущий судебной системе обвинительный уклон, в связи с чем у каждой из сторон является смысл активно и добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности: внимательнее изучать дело, искать дополнительные доказательства, активнее задавать вопросы. Все это ведет к наиболее полному и всестороннему исследованию доказательств, а в результате способствует установлению истины по делу. Как верно отмечают в своих разъяснениях присяжным судьи Томского областного суда, благодаря тому, что состязавшиеся стороны будут испытывать на прочность доказательства и доводы друг друга, присяжные смогут составить более объективную картину произошедшего, посмотреть на дело с разных точек зрения и, в конце концов, вынести справедливый вердикт [5, 6, 10].

Однако в силу специфики суда присяжных некоторые черты этой формы правосудия в то же время и препятствуют достижению истины по делу. Так как присяжные заседатели не должны обладать юридическими познаниями и, как правило, впервые участвуют в судебных разбирательствах по таким серьезным уголовным делам, как убийство с квалифицирующими признаками (ч. 2 ст. 105 УК РФ), организация преступного сообщества или участие в нем (ч. 4 ст. 210 УК РФ) и другие, они более чутко воспринимают происходящее в зале суда. Стороны умело используют эти особенности восприятия присяжных в своих интересах, что нередко затрудняет процесс установления истины по делу.

На присяжных может повлиять речь государственного обвинителя или защитника, манера держать себя при представлении доказательств. Психология при этом нередко может быть такой: прав тот, кто представил большее количество доказательств, увереннее выступил и произнес красивую речь. Поэтому особое внимание при рассмотрении дела в суде присяжных участниками процесса уделяется прениям сторон. Красноречивыми здесь стараются быть адвокаты («речь обвинителя не изобиловала фактами» [5], «в зале судебного заседания находится человек, для которого вы, присяжные, являетесь вторыми после Бога» [10]), прокуроры («развитие событий напоминает американские фильмы, но здесь все по-настоящему: смерть, страдания, страх» [5]), сами подсудимые («меня предала страна, Вашего предательства я не переживу» [6]). Подобные «уловки» могут оказать определенное воздействие на присяжных, так как любому человеку свойственно попадать под влияние эмоций. Это дает основания некоторым юристам полагать, что суд присяжных как форма правосудия не может считаться гарантом справедливости [11, с. 12], так как присяжные легко подчиняются влиянию чувств и очень мало – влиянию рассуждений [12, с. 138].

Вышеизложенный фактор касается стремления сторон выиграть дело, «впечатлитель» коллегию присяжных и перетянуть ее на сторону защиты или об-

¹ Всего Томским областным судом с 2005 г. было рассмотрено 28 уголовных дел с участием присяжных.

винения. Это вполне характерно для суда присяжных, потому что, как уже отмечалось выше, он вызывает у сторон заинтересованность в исходе дела, стимулирует активное участие в процессе. Однако в силу того, что наша правовая система в целом не готова к состязательности, которую законодатель закрепил в действующем УПК РФ [13, ч. 2, с. 123], иногда даже суду присяжных не удается побудить стороны добросовестно относиться к своей работе. Формальное и безразличное отношение к делу, как нам представляется, увеличивает вероятность ошибки в суде присяжных в большей мере, чем в обычном процессе. Ситуация может складываться так: одна сторона оглашает доказательства в части, подтверждающей собственную позицию, другая сторона не реагирует на такое оглашение, суд, придерживаясь беспристрастности, не вмешивается в «спор» сторон, в результате чего вероятность заблуждения присяжных увеличивается.

На основании этого можно сделать вывод: суд присяжных «не дает сбой» в работе только при условии добросовестной работы самих участников процесса как наиболее грамотной в правовом отношении части общества. Представляется, что сегодня, когда суд присяжных недостаточно укоренился в сознании не только простых граждан, но и юристов-профессионалов, необходимо предусмотреть в законе механизмы «преодоления упущений» профессиональных участников процесса, предоставить суду возможность в случае необходимости побудить сторону к восполнению недостающих доказательств [14, с. 147]. Эти механизмы, возможно, привели бы к более эффективному функционированию суда присяжных.

Считаем, что не все изменения законодательства способствуют установлению истины. Так, сокращение количественного состава коллегии, лишний раз подтверждающее тенденцию упрощения уголовного процесса [15, с. 57; 16, с. 105, 17, с. 34], как представляется, негативно отразится на эффективности работы коллегии, на справедливости принятого решения, а в итоге – на процессе установления истины

по уголовному делу. Проявление «упрощенчества» можно наблюдать и в процедуре принятия вердикта, предусматривающей возможность голосования простым большинством голосов. По мнению одного из основоположников теории системного анализа Ф.П. Тарасенко, голосование предназначено не для добывания истины, а для согласования действий группы после голосования [18, с. 186]. Получается, предусмотренная законодателем процедура направлена вовсе не на повышение вероятности вынесения справедливого решения, а лишь на предотвращение так называемого «тупика» при принятии вердикта. Возможно, введение единогласия или квалифицированного большинства голосов коллегии хотя бы отчасти позволило компенсировать сокращение ее численности.

Для еще более эффективного функционирования суда присяжных факторы, препятствующие установлению истины по делу, необходимо устранять. Так как суд присяжных представляет собой уменьшенную «модель всего общества» и отражает понимание справедливости самим народом, необходимо работать над формированием правовой культуры населения, над укреплением авторитета судебной власти в сознании людей. Особое внимание нужно уделить подготовке к работе в суде присяжных профессиональных участников процесса путем проведения семинаров, тренингов и других мероприятий. Считаем, что формирование положительного отношения общества к этой форме правосудия поможет присяжным отличить правду от неправды, истину от лжи, эмоции от необходимой и достаточной совокупности доказательств по делу.

Исправление недостатков суда присяжных сможет минимизировать вероятность введения присяжных в заблуждение и в целом положительно отразится на демократизации уголовного процесса. На фоне общей тенденции к «упрощению» уголовного процесса суд присяжных в любом случае продолжает являться одной из гарантий справедливого судебного разбирательства, имеющей все возможности для установления объективной истины по делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книгин А.Н. Теория познания. Томск: Изд-во Том ун-та, 2009. 248 с.
2. Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2. С. 89.
3. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1955. 384 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 22.11. 2005 г. О применении судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Судебная практика. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
5. Дело 2-41 // Архив Томского областного суда.
6. Дело 2-22/11 // Архив Томского областного суда.
7. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2. С. 101.
8. Васильева Т.Ю. Состязательность как способ установления объективной истины // Российский судья. 2016. № 3. С. 61.
9. Ясельская В.В., Рожков А.С. Требования состязательности и равенства процессуальных возможностей сторон и участие стороны защиты в доказывании: что делать с материалами, представляемыми стороной защиты? // Уголовная юстиция. 2016. № 1. С. 105.

10. *Дело 2-49/07* // Архив Томского областного суда.
11. Сауляк О.П. Дилемма в уголовно-процессуальном законодательстве: состязательность процесса или законность приговора? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. С. 12.
12. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во «КСП+», 1999. 208 с.
13. Теория уголовного процесса: состязательность: монография. Ч. 2 / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2013. 320 с.
14. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 147.
15. Шейфер С.А., Кошелева М.А. Следует ли отказываться от допустимости как необходимого свойства доказательств? // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1). С. 57.
16. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 105.
17. Ясельская В.В. Пути повышения эффективности участия защитника на стадии предварительного расследования // Уголовная юстиция. 2014. № 2(4). С. 34.
18. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ. М., 2010. 224 с.

THE ESTABLISHMENT OF TRUTH IN THE JURY TRIAL

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 27–31. DOI 10.17223/23088451/8/5

Alena V. Grishchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alyona180497@yandex.ru

Keywords: jury trial, truth, adversarial principle.

The jury has every opportunity to establish an objective truth in the case. The requirements of the criminal procedure law to the jury trial provide for the most qualitative proceedings, and the adversarial principle, which is realised in the jury trial to a greater extent than in the ordinary process, ensures that impartiality and objectivity of the court as well as active participation of the parties, which ensures the most complete and comprehensive study of evidence. However, due to the specificity of the jury trial, certain features of this form of justice prevent the achievement of the truth in the case. The jury are usually more sensitive to what is happening in the courtroom: speeches of the parties, their behaviour, etc., which can be very skillfully used by the parties, thus increasing the probability of delusion. To a greater extent than in the ordinary process, the jury trial increases the probability of a judicial error with the formal attitude of the participants in the process to their duties. Consequently, the jury trial works effectively only if the participants in the process conscientiously perform their duties. Not all legislative changes contribute to establishing the truth. Thus, the reduced number of collegiate members and the possibility of voting by a simple majority of votes lead to “oversimplification” in the criminal process and may negatively affect the establishment of truth. The introduction of unanimity or a qualified majority of collegiate can partially compensate for its reduction. Negative factors must be eliminated for a more effective jury trial. It is necessary to bring up the legal culture of the population, strengthen the judiciary authority in the minds of people, and prepare professional participants for jury trials. This can promote the democratisation of the criminal process, as jury is one of the guarantees of a fair trial with all and every opportunity to establish the objective truth in the case.

REFERENCES

1. Knigin, A.N. (2009) *Teoriya poznaniya* [Theory of knowledge]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Mezinov, D.A. (2013) Is it necessary to secure the notion “objective truth” in the criminal procedural law? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2. pp. 89. (In Russian).
3. Strogovich, M.S. (1955) *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse* [The material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 23 ot 22.11. 2005 g. O primeneniі sudami norm UPK RF, reguliruyushchikh sudoproizvodstvo s uchastiem prisvyaznykh zasedateley* [Decision No. 23 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2005, On the application by courts the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation which regulate the proceedings with the participation of jurors]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702/.
5. *The Archive of the Tomsk Regional Court*. Case 2-41.
6. *The Archive of the Tomsk Regional Court*. Case 2-22.
7. Sviridov, M.K. (2013) The task of establishing the truth and the means of its achievement in the criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2. pp. 101. (In Russian).
8. Vasilyeva, T.Yu. (2016) Competitiveness as a Way of the Objective Truth Establishment. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 3. pp. 61. (In Russian).
9. Yaselskaya, V.V. & Rozhkov, A.S. (2016) The requirements of adversariality and equality of parties and the defense participation in proving: what to do with the materials submitted by the defense? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1. pp. 105. (In Russian). DOI 10.17223/23088451/7/16.
10. *The Archive of the Tomsk Regional Court*. Case 2-49/07.
11. Saulyak, O.P. (2009) Dilemma v ugovno-protsessual'nom zakonodatel'stve: sostyazatel'nost' protsesssa ili zakonost' prigovora? [Dilemma in the criminal procedure legislation: The adversarial process or the legality of the verdict?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 1. pp. 12
12. Le Bon, G. (1999) *Psikhologiya narodov i mass* [The Crowd: A Study of the Popular Mind]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, KSP+.
13. Kolokolov, N.A. (ed.) (2013) *Teoriya ugovnogo protsesssa: sostyazatel'nost'* The theory of criminal process: Competitiveness]. Moscow: Yurлитinform.

14. Sviridov, M.K. (2011) Establishment of the truth in the course of trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 147. (In Russian).
15. Sheifer, S.A. & Kosheleva, M.A. (2013) Should we abandon admissibility as a required property of evidence? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1(1). pp. 57. (In Russian).
16. Yakimovich, Yu.K. (2014) Differentiation of criminal procedure must have reasonable limits and must not lead to simplification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(12). pp. 105. (In Russian).
17. Yaselskaya, V.V. (2014) The ways to improve the participation of the attorney in the preliminary investigation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(4). pp. 34. (In Russian).
18. Tarasenko, F.P. (2010) *Prikladnoy sistemnyy analiz* [Applied system analysis]. Moscow: Knorus.

УДК 343.131.3

DOI 10.17223/23088451/8/6

Д.А. Мезинов

К ВОПРОСУ О ПЕРЕЧНЕ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В работе критически оценивается закрепленный в действующем Уголовно-процессуальном кодексе России перечень общих условий судебного разбирательства, обосновывается необходимость закрепления в анализируемом перечне общих норм о состязательности сторон, более полного и точного формулирования условий непосредственности и устности в отдельных статьях Кодекса, а также исключения из данного перечня требования о ведении письменного протокола судебного заседания.

Ключевые слова: *общие условия судебного разбирательства, состязательность сторон, непосредственность и устность, протокол судебного заседания.*

Общим условиям судебного разбирательства в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) посвящена Глава 35 [1]. В настоящее время их перечень включает в себя такие условия, как непосредственность и устность (ст. 240 УПК РФ), гласность (ст. 241 УПК РФ), неизменность состава суда (ст. 242 УПК РФ), равенство прав сторон (ст. 244 УПК РФ), нормы о процессуальном положении в этой стадии председательствующего (ст. 243 УПК РФ), секретаря судебного заседания (ст. 245 УПК РФ), обвинителя (ст. 246 УПК РФ), подсудимого (ст. 247 УПК РФ), защитника (ст. 248 УПК РФ), потерпевшего (ст. 249 УПК РФ), гражданского истца или гражданского ответчика (ст. 250 УПК РФ), специалиста (ст. 251 УПК РФ), пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ), нормы о ведении протокола судебного заседания (ст.ст. 259, 260 УПК РФ) и др. Нуждается ли этот перечень в каком-либо уточнении и (или) дополнении? Насколько он в целом совершенен? Полагаю, что при ответе на эти вопросы следует руководствоваться пониманием типологических (модельных) свойств отечественного уголовного процесса, которые определяют его основную целевую направленность, принципы и, собственно, общие условия производства по уголовному делу на отдельных его стадиях.

Отечественный уголовный процесс развивался в рамках континентальной правовой системы [2, с. 76–84] длительное время как процесс сугубо розыскного (инквизиционного, следственного) типа (модели), на определенном этапе трансформировавшись в процесс смешанного типа (модели), в котором досудебные стадии сохранили прежний розыскной (следственный) характер, судебные же стадии в основном приобрели обвинительно-состязательный характер, в первую очередь судебное разбирательство как главная судебная стадия [3, с. 137–139]. В России данная трансформация произошла с введением в действие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [4]. Следует заметить, что смешанная модель уголовного процесса сохранила преемственность с предыдущим периодом своего

развития в рамках континентальной правовой системы в части подчинения целевой направленности процесса принципу (концепции) материальной (объективной) истины. В то же время важное отличие судебных стадий (в первую очередь, судебного разбирательства) появившейся смешанной модели уголовного процесса состоит в том, что эти стадии исходно задумывались на началах (принципах, общих условиях), противоположных началам досудебных стадий. Так, в этой модели обвинительно-состязательному характеру судебного разбирательства (как в основном и всех судебных стадий) соответствуют начала состязательности сторон, гласности, непосредственности и устности исследования доказательств, в отличие от розыскного характера досудебного производства, которое подчинено принципу следствия, т.е. отсутствия сторон и совмещения в одном лице следователя (судебного следователя, следственного судьи и т.п.) функций и обвинения, защиты, и разрешения дела с возложением на него обязанности всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств дела, а также началам следственной тайны, опосредованности и письменности исследования доказательств. При этом судебное разбирательство в смешанной модели уголовного процесса континентальной правовой системы, в отличие от чисто состязательной его модели англо-американской правовой системы, призвано обеспечивать целевую направленность процесса на установление материальной (объективной) истины. Такая его направленность предопределяет придание соответствующего характера началу состязательности сторон, дополнение его активностью (в том числе инициативной) суда в исследовании доказательств, поскольку последний обязан стремиться к установлению материальной (объективной) истины. Кроме того, в судебном разбирательстве смешанной модели уголовного процесса предполагается ещё более последовательная реализация начала непосредственности исследования доказательств, как важной гарантии обеспечения целевой направленности процесса на установление материальной (объективной) истины.

Оценивая с изложенных позиций перечень общих условий судебного разбирательства, закрепленных в Главе 35 УПК РФ, можно привести, в первую очередь, следующие суждения.

Во-первых, за исключением отдельного правила (по сути, частного характера) о равенстве прав сторон, в качестве общих условий судебного разбирательства в Главе 35 УПК РФ общие нормы о состязательности сторон в полном объеме не закреплены. Ясно, что по замыслу законодателя эти нормы выведены на более высокий уровень принципов уголовного процесса (ст. 15 УПК РФ). Однако даже поверхностный анализ процессуального положения (особенно реальных целей деятельности) субъекта предварительного расследования (следователя, дознавателя и т.д.), а также характера, порядка и круга участников проводимых в досудебном производстве следственных действий не позволяет признать уместной попытку законодателя относить этого субъекта к стороне обвинения и вообще усматривать в досудебном производстве состязательность сторон в общепринятом смысле этого понятия, предполагающем наличие полноценных сторон и суда-арбитра. В то же время обращение к нормам Глав 36–39 УПК РФ, регламентирующих стадию судебного разбирательства, дает возможность убедиться в последовательном проведении ими начала состязательности сторон [5, с. 73–75; 6, с. 39–48; 7, с. 184–210; 8, с. 62–64]. Думается, что выведение общих норм о состязательности сторон из разряда принципов всего уголовного процесса с закреплением их в качестве общих условий судебного разбирательства в Главе 35 УПК РФ, разумеется, с соответствующим уточнением круга участников сторон, будет адекватно реальному значению этих норм в регулировании современного российского уголовного судопроизводства, проводимого по УПК РФ, а также исходному тяготению этого судопроизводства к смешанной модели уголовного процесса, развивающейся в континентальной правовой системе.

Во-вторых, обращаясь к таким важным для придания судебному разбирательству обвинительно-состязательного характера общим условиям, как непосредственность и устность исследования доказательств, следует обратить внимание на их закрепление в одной статье УПК РФ (ст. 240) без четкого отграничения их друг от друга. Такой, пусть даже традиционный, подход отечественного законодателя вряд ли можно признать целесообразным и правильным. Несмотря на тесную взаимосвязь между началами непосредственности и устности, каждое из них выполняет свою собственную роль в судебном разбирательстве [9, с. 22–28; 10, с. 157–166; 7, с. 210–247; 11]. Из этого следует, что каждое из данных двух условий занимает самостоятельное место в перечне общих условий судебного разбира-

тельства и должно формулироваться более полно и точно в отдельной статье¹.

В-третьих, в одном ряду с другими общими условиями судебного разбирательства закреплены правила обязательного ведения письменного протокола судебного заседания (ст. 259 УПК РФ). В оправдание данных правил, являющихся выполнением начала письменности, противоположного началу устности, в литературе отмечается, что протокол судебного заседания является одним из главных процессуальных документов, выступает как средство закрепления и передачи (в случае надобности) сведений об обстоятельствах дела, полученных и исследованных в судебном заседании, прежде всего, для судов вышестоящих судебных инстанций [3, с. 875; 7, с. 247]. Между тем условие письменности исследования доказательств в судебных стадиях исходно было характерно для исторической розыскной (инквизиционной) модели уголовного процесса, когда судебное разбирательство (если его можно так назвать в рамках этой модели) сводилось в основном к ознакомлению с документами по делу чиновника, его разрешающего, путем их прочтения, что называется, «про себя», и «то, что сказано в заседании не имело значения, пока не было облечено в форме процессуального документа» [3, с. 874]. Подчинены условию письменности и досудебные стадии в смешанной модели уголовного процесса, что находит выражение в обязательном обосновании принимаемых процессуальных решений (особенно итоговых для стадий) только сведениями, отраженными в протоколах следственных действий и иных процессуальных документах, которые «про себя» прочитываются-изучаются субъектом предварительного расследования и, разумеется, не подвергаются какому-либо устному заслушиванию в ходе публичного заседания.

Полагаю, что обязательность в качестве общего условия судебного разбирательства ведения письменного протокола судебного заседания и ориентация, в первую очередь, на его содержание вышестоящих судов, действующих как проверочные судебные инстанции, не может не ограничивать, пусть даже косвенным образом, выполнение условия устности, а в известной мере и условия непосредственности, в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции. Это происходит постольку, поскольку суды первой инстанции при принятии своих приговоров и иных итоговых решений по делу всегда оценивают перспективу будущих апелляционных, кассационных (и надзорных) проверок, стремясь предотвратить отмену или изменение этих решений. Отсюда возникает необходимость тщательного обеспечения судом первой (а затем и апелляционной) инстанции соответствия сведений, кладущихся в обоснование итогового решения, именно тем све-

¹ Разработка законодательного определения каждого из названных общих условий – тема отдельного исследования.

дениям, которые отражены в протоколе судебного заседания, с очевидным и, так сказать, по человечески понятным признанием приоритета этих сведений перед теми сведениями, которые суд непосредственно видел и слышал в судебном заседании. Эту установку суда первой инстанции вряд ли может преодолеть и правило об изготовлении протокола в течение 3 суток со дня окончания судебного заседания, поскольку имеет распространение не запрещенная законом удобная и целесообразная практика изготовления протокола по частям, т.е. протокол по результатам прошедших судебных заседаний уже имеется в наличии у суда перед последним судебным заседанием, на котором принимается итоговое решение по делу. Соответственно при принятии этого решения суд имеет перед собой почти полный протокол и обязан руководствоваться тем, что непо-

средственно видел и слышал в судебном заседании. Такая практика в основном обуславливается тем, что рассмотрение дела (если оно происходит, разумеется, в обычном, а не особом порядке) нередко затягивается, чему способствует отсутствие среди общих условий судебного разбирательства в современном УПК РФ требования непрерывности судебного процесса.

Таким образом, требование обязательного ведения письменного протокола судебного заседания, как противоречащее более важным для обеспечения обвинительно-состязательного характера судебного разбирательства в смешанной модели уголовного процесса требованиям непосредственности и устности исследования доказательств, должно быть исключено из перечня общих условий судебного разбирательства, закрепленных в Главе 35 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
2. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 65–87.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.
4. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра Юстиции / под ред. М. Шрамченко и В. Ширкова. 2-е изд. СПб., 1902. 643 с.
5. Гуськова А.П. К вопросу о криминалистической тактике, методики для нужд судебного следствия // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права (К 10-летию принятия Конституции России): материалы Междунар. науч.-практич. конф., Екатеринбург, 29–30 дек. 2003 г. Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2004. С. 70–80.
6. Соколовская Н.С. Роль суда в состязании сторон по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: монография. Томск: Томск. ун-т систем упр. и радиоэлектр., 2006. 126 с.
7. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. 472 с.
8. Мезинов Д.А. Разумна ли состязательность судебного следствия по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 61–69.
9. Викторовский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. 438 с.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 472 с.
11. Мезинов Д.А. Непосредственность судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, тенденции реализации в современной судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 123–126.

ON THE LIST OF GENERAL CONDITIONS OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 32–35. DOI 10.17223/23088451/8/6

Dmitry A. Mezinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

Keywords: general conditions of judicial proceedings, adversariality of the parties, immediacy and oral nature, court records.

Guided by his understanding of the typological properties of the Russian criminal process, the author analyses the list of general conditions of judicial proceedings under the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The analysis justifies the need to deduce general rules on adversariality of the parties from the principles of the whole criminal process and to fix them as the general conditions for the trial in the relevant chapter of the aforesaid Code. When addressing the procedural regulation of such conditions as immediacy and oral nature, it is noted that each of them fulfills its own role in the trial, so the author concludes that each of these conditions occupies an independent place in the list of general conditions of the judicial proceedings and must be formulated more fully and precisely in a separate article. Evaluating the requirement for the compulsory written record of the court session, listed among other other general conditions of judicial proceedings, the author underlines that this requirement means the fulfillment of the condition of the writing opposite to the condition of oral nature. Guided by the content of the protocols of higher courts acting as verification courts, this requirement cannot but limit the fulfillment of both the oral nature and immediacy conditions during the trial in the court of original jurisdiction; therefore the author proposes to exclude it from the list of general conditions of the judicial proceedings.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001g. No. 174-FZ [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, № 174-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 52(1). Art. 4921.
2. Golovko, L.V. (2012) The theoretical grounds for modernization of the doctrine of substantive truth in criminal process. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal – Criminalist's Library Scientific Journal*. 4. pp. 65–87. (In Russian).
3. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnogo protsesssa* [Criminal process]. Moscow: Statut.
4. Shramchenko, M. & Shirkov, V. (eds) (1902) *Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva s pozdneyshimi uzakoneniymi, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami Prav. Senata i tsirkulyarami Ministra Yustitsii* [The charter of criminal proceedings with later legalizations, legislative motives, explanations of the Senate and circulars of the Minister of Justice]. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].
5. Guskova, A.P. (2004) [On the issue of forensic tactics, methods for the needs of judicial investigation]. *Advokatura i advokatskaya deyatelnost' v svete sovremennogo konstitutsionnogo prava* [Advocacy through modern constitutional law]. Proc. of the International Conference. Ekaterinburg. December 29–30, 2003. Ekaterinburg: Charoid. pp. 70–80. (In Russian).
6. Sokolovskaya, N.S. (2006) *Rol' suda v sostyazanii storon po ugolovno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [The role of the court in the adversariality of the parties under the criminal procedure legislation of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University of Control systems and Radioelectronics.
7. Grishin, S.P. (2008) *Sudebnoe sledstvie v smeshannom ugolovnom protsesse (gnoseologicheskiy, protsessual'nyy i taktiko-kriminalisticheskiy aspekty)* [Judicial investigation in a mixed criminal trial (epistemological, procedural and tactical-criminalistic aspects)]. Moscow: Yurlitinform.
8. Mezinov, D.A. (2014) Is the adversarial judicial investigation under the Criminal Procedural Code of the Russian Federation reasonable?. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3(13). pp. 61–69. (In Russian).
9. Viktor'skiy, S.I. (1912) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal proceedings]. 2nd ed. Moscow: [s.n.].
10. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsesssa* [The Soviet criminal process]. Vol.1. Moscow: Nauka.
11. Mezinov, D.A. (2008) Neposredstvennost' sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie, znachenie, tendentsii realizatsii v sovremennoy sudebnoy praktike [The immediacy of the trial in criminal proceedings: The concept, meaning, trends of implementation in modern judicial practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 123–126.

УДК 343.1

DOI 10.17223/23088451/8/7

А.А. Михайлов

НЕУЛОВИМАЯ ИСТИНА, ИЛИ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Рассматривается проблема сокращения пространства действия принципа непосредственности в уголовном процессе России. По мнению автора, одной из главных причин данной проблемы является разбалансирование системы принципов современного российского уголовного судопроизводства. По результатам анализа возникновения и особенностей развития принципа непосредственности в англо-американском и континентальном типах уголовного процесса, практике Европейского суда по правам человека, а также отечественном уголовном судопроизводстве автор приходит к выводу, что полноценная реализация принципа непосредственности в современном российском уголовном судопроизводстве возможна только при возвращении в последнее принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела (материальной истины). При этом в целом построение уголовного процесса России с учетом лежащего в его основе следственного метода установления обстоятельств дела должно осуществляться в соответствии с формулой «сильный в собирании доказательств следователь, активный и беспристрастный в исследовании доказательств судья».

Ключевые слова: принцип непосредственности, устность, оглашение показаний, право на справедливое судебное разбирательство, материальная истина.

Истина по-прежнему оставалась неуловимой.
Тогда я решил провести очную ставку.

Ж.-М. Ламбер «Маленький судья»

Приведенная выше цитата из книги «Маленький судья» Ж.-М. Ламбера, являвшегося в 1980-х годах следственным судьей во французском департаменте Вогезы, прежде всего, подчеркивает важность проведения такого следственного действия, как очная ставка для установления действительных обстоятельств уголовного дела при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. В эпизоде, в котором содержится указанная фраза, очная ставка между обвиняемым и показывающим против него свидетелем привела, как пишет Ж.-М. Ламбер, к неожиданному повороту, представившему дело в новом свете, и сохранилась в его памяти как один из наиболее сильных по своей драматичности моментов, которые стали вехами на этом этапе карьеры автора [1, с. 120]. Хотя в данном случае речь шла о предварительном следствии, а не о судебном разбирательстве, с которым традиционно связывается действие принципа непосредственности в уголовном судопроизводстве, обозначенная цитата также показывает исключительную значимость непосредственного восприятия лицом, устанавливающим обстоятельства уголовного дела, всех доказательств и их источников.

С учетом изменений, внесенных в ст. 281 УПК РФ Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ [2], значение очной ставки в уголовном процессе России существенно возрастает, поскольку она является наиболее предпочтительным способом предоставления обвиняемому в стадии предварительного расследования возможности оспорить показания свидетельствующих против него лиц, реализация которого позволит принять решение об оглашении

показаний при неявке данных лиц в суд в случаях, указанных в п. 2–5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ. Об это свидетельствует современная практика Верховного Суда РФ. В частности, в его апелляционных определениях от 13.07.2016 г. № 67-АПУ16-14СП [3] и от 11.08.2016 г. № 70-АПУ16-2 [4]) отмечается, что предоставление обвиняемому возможности на очных ставках реализовать право задавать вопросы потерпевшему и свидетелю и оспорить их показания наряду с обязательным принятием судом достаточных и исчерпывающих мер к установлению места нахождения не явившихся потерпевшего и свидетеля подтверждает законность решения об оглашении показаний указанных лиц. Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 Постановления от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [5] по существу определяет предоставление обвиняемому возможности в ходе очной ставки с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним возражения в качестве основного способа оспорить указанные показания.

В этой связи следует положительно оценить последние изменения в ст. 281 УПК РФ.

Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля в соответствии с ч. 2 ст. 281 УПК РФ представляет собой исключение из принципа непосредственности. К числу других исключений из обозначенного принципа относятся случаи оглашения показаний подсудимого (ст. 276 УПК РФ), допроса анонимного свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

При этом вопросы реализации принципа непосредственности в тех случаях, когда уголовное дело

рассматривается в отсутствие подсудимого в соответствии с ч.ч. 4 и 5 ст. 276 УПК РФ, не ограничиваются проблемой оглашения показаний подсудимого. Т.В. Трубникова пишет, что «заочное судебное разбирательство, которое, согласно закону, должно иметь состязательный характер, проводиться в условиях устности, непосредственного исследования доказательств, на практике фактически превращается в письменное производство, в котором лишь оглашаются (но не исследуются в условиях состязательности) материалы, подготовленные в ходе предварительного расследования» [6, с. 131]. Хотя, как отмечается исследователями данного вопроса, «заочное рассмотрение уголовных дел не столь частое явление» [7, с. 89], однако сама по себе тенденция упрощения обозначенного порядка рассмотрения уголовного дела не может не вызывать беспокойства с точки зрения обеспечения гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

Показателем того, что принцип непосредственности в полной мере не реализуется при рассмотрении уголовных дел, является практика передачи следователями в суд вместе с материалами дела текста обвинительного заключения на электронном носителе (так называемая «проблема флешки») [8]. Копирование в приговоре содержания доказательств из обвинительного заключения ставит под сомнение беспристрастность судьи в ходе исследования доказательств и качество такого исследования. Кроме того, оно означает отражение в приговоре субъективного восприятия доказательств именно следователем, но не самим судьей, даже если последний признал законность и обоснованность обвинения. В попытке решить или хотя бы уменьшить размеры данной проблемы Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 Постановления от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» указывает на недопустимость перенесения в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов судебного разбирательства.

Однако в наибольшей степени ограничение непосредственности исследования доказательств имеет место в особых порядках судебного разбирательства, предусмотренных главами 40, 40.1, а также ст. 226.9 УПК РФ. В соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Статья 317.7 УПК РФ, регламентирующая вопросы проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, отсылает к ст. 316 УПК РФ, одновременно устанавливая

в ч. 4 особый предмет доказывания по делу. Согласно ст. 226.9 УПК РФ, устанавливающей особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представленных в соответствии с ч. 3 указанной статьи УПК РФ.

При этом доля уголовных дел, по которым применяются особые порядки принятия судебного решения, с каждым годом продолжает увеличиваться. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ из общего количества уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции с вынесением приговора или прекращением (928 122 дела), 67,6 % дел (627 661 дело) было рассмотрено в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ. За первое полугодие 2016 г. судами первой инстанции рассмотрено с вынесением приговора или прекращением 469 392 дела, из которых 68,8 % дел (322 764 дела) рассмотрено в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ.

Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ [9], в соответствии с которым в УПК РФ появились новое основание прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) и производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (гл. 51.1 УПК РФ), еще более сократил пространство действия принципа непосредственности в уголовном процессе России. Во-первых, прекращение уголовного дела или уголовного преследования по ст. 25.1 УПК РФ возможно в ходе досудебного производства по уголовному делу (ст. 446.2 УПК РФ) и на предварительном слушании (п. 4.1 ч. 1 ст. 236 УПК РФ), на которых исследование доказательств не осуществляется. Более того, в досудебном производстве предметом рассмотрения в данном случае выступает не уголовное дело, а ходатайство следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Во-вторых, исходя из ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ, основания, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ, могут быть установлены в любой момент судебного производства и с их установлением деятельность суда по исследованию доказательств прекращается. Другими словами, обязательному установлению в данном случае будут подлежать лишь указанные основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

Прекращение уголовного дела или уголовного судопроизводства по ст. 25.1 УПК РФ возможно как в случае, когда уголовное дело рассматривается в обычном порядке, так и в особых порядках, предусмотренных главами 40, 40.1 и ст. 226.9 УПК РФ, что подтверждает практика прекращения уголовных дел по обозначенному основанию, которая стала развиваться уже с июля 2016 г. Как и в случае с рас-

смотрением уголовных дел в особых порядках принятия судебного решения, можно спрогнозировать тенденцию увеличения количества уголовных дел, прекращенных по ст. 25.1 УПК РФ, учитывая, что вопросы прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа слабо регламентированы УПК РФ и предоставляют суду широкую свободу усмотрения, а большая часть преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, относится к категориям небольшой и средней тяжести. По существу, гл. 51.1 УПК РФ содержит не полноценное уголовно-процессуальное производство, а квазипроизводство.

Поэтому можно также сделать вывод о том, что если в случае с изменениями в ст. 281 УПК РФ законодатель сделал шаг вперед в сторону укрепления принципа непосредственности, то в связи с введением порядка прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, применительно к вопросу реализации непосредственности в уголовном судопроизводстве, сделаны два шага назад.

Таким образом, пространство действия принципа непосредственности в российском уголовном процессе в последние годы неуклонно сокращается, образно говоря, как «шагреновая кожа».

Ситуация усугубляется тем, что в теории уголовного процесса России в последние годы, как отмечает М.К. Свиридов, внимание к этому принципу ослаблено и он почти исчез из научных работ [10, с. 175]. За период действия УПК РФ 2001 г. на диссертационном уровне принцип непосредственности в уголовном процессе исследовал лишь А.Н. Склизов [11].

В то же время принцип непосредственности до настоящего времени продолжает оставаться предметом серьезных правовых исследований в Западной Европе, о чем, в частности, свидетельствует факт посвящения ему целого ряда научных статей европейских процессуалистов в майском номере (Volum 126. Issue 1) за 2014 г. авторитетного журнала «*Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*» (дословно с нем. – «Журнал для всей науки уголовного права») немецкого научного издательства «De Gruyter».

Поэтому для того чтобы понять причины данной проблемы в современном российском уголовном процессе и определить пути ее решения, как представляется, необходимо провести анализ возникновения и особенностей развития принципа непосредственности в англо-американском и континентальном типах уголовного процесса, практике Европейского суда по правам человека, а также отечественном уголовном судопроизводстве.

Видный современный английский процессуалист и компаративист Р. Воглер, исследуя вопросы возникновения принципа непосредственности в англо-американском и континентальном уголовном про-

цессе, отмечает различия в методах принятия судебных решений (decision-making) в указанных типах процесса. Если английский уголовный процесс отличается синхронность, следствием которой является настоящее и полное господство концентрированного устного судебного разбирательства, то в континентальном уголовном процессе имеет место диахронность или кумулятивный метод принятия решений [12, р. 239].

Системообразующим элементом для английского (и в целом англо-американского) уголовного процесса исторически стал институт суда присяжных. В первые века формирования суда присяжных в английском уголовном процессе присяжные, пишет Р. Воглер, были, как правило, неграмотными и в рамках своих повседневных занятий могли выделить мало времени для участия в вынесении решений по уголовным делам. В результате судебное разбирательство должно было быть быстрым, полностью устным и охватывающим всю совокупность доказательств и принятие решения в течение как можно короткого периода времени. В этих условиях письменные доказательства не имели смысла, расширенный повторный анализ доказательств был невозможен и апелляция, по крайней мере до 1907 г., в Англии не была необходимостью. Никакие процессуальные действия не имели значения, за исключением тех, которые были совершены непосредственно в зале суда перед присяжными в ходе открытого судебного разбирательства. Поэтому, делает вывод Р. Воглер, нет ничего удивительного в том, что в возникновении специального «принципа непосредственности» в синхронной традиции не было процессуальной необходимости, вместо этого в Англии предметом заботы было гарантирование целостности судебного разбирательства с помощью таких мер, как правила «best evidence» («лучшее доказательство») и «hearsay» («с чужих слов») [12, р. 239–240]. Более того, по его словам, ««принцип непосредственности» сам по себе очень мало значит для английских и американских юристов. Это понятие не известно нашему праву, потому что непосредственность определяется через весь синхронный доказательственный процесс и досудебные материалы, подготовленные сторонами обвинения и защиты, не имеют какого бы то ни было статуса доказательств» [12, р. 240].

Следует указать, что в силу специфики правовой системы Великобритании в ней вообще отсутствует нормативное закрепление принципов уголовного процесса. При этом признается, что «ключевой особенностью уголовного правосудия в Англии и Уэльсе является состязательный принцип, который определяет, как должна быть установлена вина в совершении преступления» [13, р. 12]. М. Зандер по этому поводу пишет: «Метод судебного разбирательства в системе общего права часто определяется как «состязательный» или «обвинительный» – в отличие от континентального «инквизиционного» метода. Сущность различия состоит в том, что в то время

как в инквизиционной системе доминирующую роль играет суд, в состязательной системе ее играют стороны» [14, р. 379].

В качестве принципа судебного разбирательства в литературе, посвященной характеристике английской правовой системы, обозначается также устность. М. Зандер так характеризует принцип устности: «Одной из фундаментальных особенностей английского судебного разбирательства является устный допрос свидетелей в суде. Принцип устности всегда был в центре английского судебного разбирательства, отчасти из-за доминирующей роли, которую на протяжении столетий играло жюри присяжных, хотя... его значение постепенно несколько размывается, особенно в гражданских делах» [14, р. 415].

Как не без гордости отмечает Р. Воглер, концентрация английской процедуры в одной, в значительной степени неподготовленной и неотретированной стадии имела судьбоносные последствия для развития уголовного правосудия во всем мире и принесла существенные плоды, наиболее важным из которых является то, что весь процесс доказывания находится под прямым контролем со стороны общества и прессы [12, р. 239].

Открытость судебного разбирательства наряду с состязательностью и устностью стала определяющей в характеристике концепции судебного разбирательства в системе общего права. В результате одним из важнейших начал судебной процедуры в правовых системах семьи общего права является принцип открытого правосудия (*principle of open justice*). В XIX в. И. Бентам был одним из первых, кто сформулировал теоретическую основу указанного принципа [15, р. 46]. В настоящее время суть принципа открытого правосудия наиболее часто выражается через афоризм Лорда – главного судьи Хьюарта, содержащийся в деле *R v Sussex Justices; Ex parte Macarthy* (1924 г.): «Не просто имеет некоторую важность, но фундаментальную важность то, что правосудие не только должно отправляться, но должно быть ясно и несомненно видно, что оно отправляется» [16, р. 147; 17, р. 483].

Входящая в Билль о правах (1791 г.) Шестая поправка к Конституции США предусматривает право обвиняемого на скорый и публичный суд беспристрастных присяжных. Согласно этой же поправке к Конституции США, обвиняемый имеет право на очную ставку в суде со свидетелями, показывающими против него (*right of confrontation, confrontation clause*). В основе *confrontation clause* лежит идея о том, что всегда более трудно говорить неправду о людях им в лицо, чем за их спиной [18, р. 272]. В целом, указанные в Шестой поправке к Конституции США права образуют фундамент американской концепции права на справедливое судебное разбирательство. Д. Боггс, исследуя указанное право обвиняемого, обнаружил наиболее раннее упоминание термина «справедливое судебное разбирательство» в судебном решении по делу *Respublica v De Long-*

champs (1784 г., штат Пенсильвания). В большинстве случаев, указывает данный автор, понятие «справедливое судебное разбирательство» использовалось в изученных им источниках как синоним предусмотренного Конституцией США судебного разбирательства с участием присяжных [19, р. 3].

Р. Воглер пишет, что непосредственность в английском процессе гарантируется правилом о недопустимости доказательств «с чужих слов» (*Hearsay*), которое располагается в сердце состязательного метода, является центральной особенностью английского права уголовных доказательств, по крайней мере, с семнадцатого столетия, и, согласно К. Тапперу, заключается в том, что «заявление, кроме как сделанное лицом, дающим устные показания в судебном разбирательстве, является недопустимым доказательством любого утверждаемого факта» [12, р. 241].

Особенности доктринального понимания доказательств *Hearsay* в Великобритании и США подчеркиваются в определении, даваемом Н.В. Галяшиным: «Под производными доказательствами «*Hearsay*» в доктрине права Соединенного Королевства понимаются сведения, полученные с «чужих слов» и вне допроса свидетеля (потерпевшего, обвиняемого) в судебном заседании. В доктрине права США – это любые показания свидетеля (потерпевшего), которые получены вне очной ставки и которые не были или не могут быть подвергнуты процедуре проверки в ходе перекрестного допроса» [20, с. 192].

Основные правила *Hearsay*, изначально выработанные в практике английских судов, в настоящее время систематизированы в законодательстве Великобритании в главе 2 части 11 Закона об уголовной юстиции 2003 г. (*Criminal Justice Act 2003*), а в США – в статье 8 Федеральных правил о доказательствах США 1975 г. Указанная систематизация была направлена на минимизацию присущих данному институту недостатков, в том числе в связи с множеством исключений из него, выработанных в судебной практике. Обобщая критику правила *Hearsay*, Дж. Спенсер отмечает в числе претензий к нему иррациональность правила *Hearsay*, отсутствие базового принципа по отношению к традиционным исключениям, чрезмерное усложнение, исключение убедительных доказательств, приведение в замешательство свидетелей, произвольность, отсутствие различного подхода, несовместимость с Европейской конвенцией по правам человека [21, р. 14–19]. Р. Воглер иллюстрирует худшие недостатки правила *Hearsay* двумя примерами, в первом из которых в результате исключения доказательства имело место возможное осуждение невиновного (дело *R v Sparks*, 1964 г.), а во втором – потенциальное оправдание виновного (дело *R v Kearley*, 1992 г.) [12, р. 242].

С учетом канадского и австралийского подхода к решению вопросов исключения доказательств *Hearsay* в секциях (статьях) 114–136 Закона Соединенного Королевства об уголовной юстиции 2003 г. закреплено широкое право суда допускать доказатель-

ства Hearsay, когда это «служит интересам правосудия» [12, р. 243]. Н.В. Галяшин на основе анализа судебной практики Соединенного Королевства и США и законодательных инициатив отмечает тенденцию на дальнейшую либерализацию законодательства, регулирующего правило Hearsay [20, с. 72–73], другими словами, на смягчение данного правила в части запрета на использование обо-значенных доказательств.

Таким образом, непосредственность является неотъемлемым элементом англо-американской концепции судебного разбирательства, но не выступает здесь отдельным, четко сформулированным принципом, будучи «растворенной» в судебной процедуре, характеризующейся состязательностью, устностью, открытостью и спецификой применяемых правил доказывания.

В континентальном уголовном процессе принцип непосредственности возник в совершенно других условиях. Для понимания причин его рождения в процессуальной материи необходимо обратиться к истории формирования и развития самого инквизиционного процесса в средневековой Европе, юридико-технические особенности которого во многом стали следствием тесного переплетения таких факторов, как влияние канонического права, рецепция римского права и возрождение юридической науки.

Как писал А. Эмен, каноническое право первоначально признавало только обвинительную систему при рассмотрении уголовных дел, находящуюся под одновременным влиянием римского права и германских обычаев [22, р. 79]. Однако с 800-х годов в каноническом праве начался переход от *accusatio* к *inquisitio*, который завершился созданием Папой Римским Иннокентием III в 1200-х годах Святой инквизиции для борьбы с ересью.

Характеризуя различие процедур *accusatio* и *inquisitio*, О.И. Тогоева отмечает, что первая «представляла собой Божий суд, подразумевавший, что истина открыта лишь Господу, Высшему судии, единственному, кто может вынести решение»; в таком процессе судьи могли быть лишь пассивными наблюдателями, и их роль заключалась «в правильной *интерпретации* увиденного» [23, с. 183]. В то же время в процедуре *inquisitio* «у судей появлялись куда более обширные права. Из пассивных свидетелей уголовного процесса они превращались в его активных – если не самых активных – участников. Отныне «правду» о преступлении следовало искать именно им – а потому само понятие «правды» постепенно меняло свое содержание, его высокое значение снижалось. Истина, открытая лишь Господу, превращалась в *информацию о преступлении*, доступную людям и ими же собираемую» [23, с. 184].

В целом в XI – XII веках в Западной Европе происходят серьезные изменения в религиозной, экономической, социально-политической и культурной жизни общества. В результате Папской революции (1075–1122 гг.) Папа Римский становится главой западной церкви [24, с. 62] и вступает в борьбу за вер-

ховенство с императорами Священной Римской империи германской нации. Параллельно идут процессы образования национальных государств. Расширение торговли и возрастание популярности ярмарок способствуют росту городов и возникновению новой городской цивилизации, что, в свою очередь, стимулирует экономическое и культурное возрождение [25, р. 236]. Основываются и развиваются университеты, число которых к 1500 г. в Западной Европе достигает 70 [26, с. 127]. В указанных условиях возрастает интерес к праву, прежде всего, римскому, которое наряду с каноническим правом в числе основных предметов начинает изучаться в университетах. Римское право являлось источником универсальных правовых норм, вытеснявших обычное право, которое сильно мешало развитию экономики, в том числе торговли. Именно в римском праве сторонники и папства и светских властей находили аргументы для обоснования своего верховенства. Опять же, изучавшие в университетах римское право юристы рекрутировались судами для осуществления правосудия.

Синтез римского и канонического права привел к возникновению европейского общего права (*ius commune*), которое распространилось в континентальной Европе в течение XIII – XV веков.

После формального запрета в 1215 г. на Четвертом Латеранском соборе проведения судебного разбирательства посредством ордалий светские власти столкнулись с необходимостью развивать новые формы уголовного судопроизводства. Так, французская монархия вынуждена была делать фундаментальный выбор между двумя альтернативными методами установления фактических обстоятельств дела. Первым являлось групповое расследование, которое было развито во Франкской империи и все еще широко использовалось в судах Нормандии. Данный метод заключался в том, что королевские или герцогские чиновники принуждали отобранные группы местных жителей отвечать под присягой на вопросы, касающиеся налоговых и других дел. Известный в Англии еще англосаксонских времен он стал использоваться там королевской властью на регулярной основе после нормандского завоевания (1066 г.) и, в конце концов, трансформировался в суд присяжных системы общего права. Другим методом установления фактических обстоятельств дела было римско-каноническое доказательственное право, изначально применявшееся в церковных судах, в соответствии с которым отдельные свидетели допрашивались профессиональными судьями, устанавливавшими на основании полученных показаний факты [27, р. 24]. При этом процесс, развиваемый канонистами, примерно в XII в. начал фокусироваться на использовании письменной процедуры, поскольку письменность преимущественно была областью компетенции духовенства [28, р. 103].

В 1258 г. французский король Людовик IX своим ордонансом ввел римско-каноническую модель процесса в королевских судах. Данное решение во

многим было обусловлено тем, что королевские чиновники не могли заставить группы местных жителей отвечать на вопросы под присягой на обширных территориях страны, контролируемых в XIII в. могущественными местными правителями [27, р. 24]. В качестве высшей судебной инстанции в 1260 г. путем выделения из королевской курии (*Curia regis*) был создан Парижский парламент (*le Parlement*), совмещавший в себе суд первой инстанции для «королевских случаев» (*cas royaux*) и апелляционный суд для всех подданных королевства [29, с. 117–118]. Через два с половиной столетия королевские суды и французский король стали единым источником права, вытеснившим феодальных и местных судей, которые частично использовали обычное право [28, р. 104].

Сочетание активности судьи с письменным характером процесса заложило фундамент следственного метода установления фактических обстоятельств дела. Судьи, в качестве которых в церковных судах выступали священники, а в светских судах – закончившие университет юристы, обосновывали свои выводы с помощью полного фактических деталей письменного дела (досье).

Заметно возросшая роль судьи в уголовном процессе также повлекла за собой развитие подхода, в соответствии с которым совершение преступления стало делом государства и обвиняемого. Как пишет Дж. Блюменталь, то ли из-за возможного применения к осужденному конфискации, то ли из-за проводимого церковью разграничения между светскими «грехами», то есть преступлениями, над которыми последняя не имела юрисдикции, и религиозными грехами, на которые юрисдикция церкви распространялась, – уголовное право и процессуальное право стали областями, в рамках которых монархи защищали свои власти и юрисдикцию [28, р. 104].

При этом если во Франции, где нормы обычного права были кодифицированы, как метафорично подмечает П. Штейн, «рецепция римского права в практику судов происходила как плавно текущий ручей», то в Германии «она стала сильным наводнением» [30, р. 86].

Средневековые суды обычного права в Германии состояли из шеффенов, групп местных уважаемых мирян, чья правовая работа была лишь частью их повседневной деятельности и которые передавали свои знания обычаев из уст в уста. Процедура рассмотрения дел в таких судах была неофициальной и устной, доказательства основывались на древнем методе компургации (присяге). В своих решениях они обычно излагали факты и делали выводы без объяснения, как они к ним пришли [30, р. 89].

Но не позднее, чем к концу XV столетия данная система серьезно изменилась. С XIII в. жители Германии изучали право в университетах Италии и Франции, а с XIV в. университеты стали основываться в немецкоговорящих землях и городах, в том числе в Вене (1348 г.), Гейдельберге (1386 г.), Кельне (1388 г.). Пока суды шеффенов придерживались

традиционного устного судопроизводства, влияние римского права на практику было незначительным. Однако в последние десятилетия XV в. некоторые суды шеффенов, в частности во Франкфурте-на-Майне, допустили использование римско-канонической процедуры, с письменными заявлениями, подготовленными обученными адвокатами. Данные перемены произошли без внесения изменений в законодательство, а инициатива исходила от тяжущихся сторон и их юридических консультантов. Они нашли, что традиционный порядок рассмотрения дела не подходил для них, и единственной доступной альтернативой была процедура, применявшаяся в церковных судах [30, р. 89].

П. Штейн отмечает, что процедурные изменения не обязательно требовали замещения римским правом обычного права. Ведь во Франции письменная процедура долгое время использовалась судами, применявшими обычное право, без значительного изменения содержания, поскольку судьи и адвокаты, как правило, были обученными юристами. В то же время в Германии, где обычаи не были кодифицированы, необученные шеффены находили трудным справляться со сложными правовыми аргументами, поддерживаемыми цитатами из римского права, которые адвокаты сторон начали включать в письменные объяснения, с помощью которых они оказывали воздействие на суд [30, р. 90]. В связи с этим шеффены стали обращаться за помощью к городским адвокатам, юридически подготовленным чиновникам или к профессорам на факультет права университета за консультацией по местному и римскому праву.

Так возник немецкий институт *Aktenversendung* – практика направления сложных дел из судов на факультеты права для запрашивания консультации (заклечения). Письменный протокол всего дела направлялся на факультет права с просьбой выражения его коллективного мнения, которому суд затем считал своей обязанностью следовать. Помимо того, что профессора имели большие знания в праве, также считалось, что они будут рассматривать дело полностью беспристрастно. По словам П. Штейна, в беспокойные времена XVI и XVII веков судьи местных судов были рады частично избежать ответственности за непопулярные решения [30, р. 90]. Указанная практика получила официальное признание в Уголовно-судебном уложении императора Карла V (лат. *Constitutio Criminalis Carolina*) 1532 г., ст. 219 которого обязывала судей, которые не знали или не имели опыта применения имперского закона, обратиться за советом в «ближайший университет, город или другой источник правовых знаний» [30, р. 90]. К концу XVI в. практика *Aktenversendung* стала обычной и сохранялась до XIX в.

В 1495 г. законом императора Максимилиана I был создан Имперский камеральный суд (*Reichskammergericht*), в котором стала применяться римско-каноническая процедура. В основном данный суд выступал в качестве апелляционной инстанции

по отношению к региональным и местным судам. Модели Имперского камерального суда последовали и территориальные апелляционные суды, созданные местными князьями в Австрии, Саксонии, Баварии, Бранденбурге и других немецких государствах [25, p. 267].

Необходимо отметить, что развитие апелляционного пересмотра судебных решений в континентальной Европе наряду со следственным порядком стало одной из главных причин широкого распространения письменного начала в инквизиционном процессе, поскольку, как писал И.Я. Фойницкий: «Суд высший, проверявший решение низшего суда, вследствие отдаленности сторон и свидетелей не мог повторить устно допроса их и вынужден был ограничиваться записями их показаний, сделанными низшим судом» [31, с. 94]. При этом можно увидеть, что особенности образования национальных государств стали существенным фактором, повлиявшим на специфику судоустройства и судопроизводства в Англии и государствах континентальной Европы. В Англии после нормандского завоевания (1066 г.) возникла сильная монархическая власть, которая для своего дальнейшего укрепления содействовала развитию, начиная с XII в., судов общего права, рассматривавших дела с участием присяжных и составлявших основу королевской юстиции. В то же время в континентальной Европе средневековые монархи (короли, императоры) в условиях феодальной раздробленности и функционирования на подвластных (нередко лишь формально) территориях разнородных правовых систем (например, во Франции на юге господствовало писаное римское право, а на севере – обычное право) вынуждены были делать большую ставку на создание апелляционных судов, которые способствовали централизации власти и унификации правового пространства.

Вынесение апелляционным судом решения, равно как и предоставление профессорами факультета права (городскими адвокатами или юридически подготовленными чиновниками) консультации (заключения), было возможно только при условии «документирования в письменной форме хода судебного разбирательства в деталях» [32, p. 94]. В результате в Германии и частично во Франции предпринимались попытки обязать следователей помимо протоколов о содержании показаний вести протоколы о поведении показывающего (свидетеля, обвиняемого), с описанием его выражения лица, телодвижений и т.д. В Германии такие протоколы носили название *Geberdenprotokolle* [31, с. 94; 33, с. 37].

В конечном итоге письменность в инквизиционном процессе стала носить всеохватывающий характер. Как писал Ю. Глазер: «Чрезмерное накопление письменного материала затрудняло обозрение его и привело к двойной передаче его: необходимо было пользоваться извлечением, докладом на основании актов» [34, с. 201]. Это означало, что для разрешения дела по существу из актов следственного производства стали делать краткое извлечение – доклад,

который служил единственным основанием судебного решения. Таким образом, точно подмечает Д.Г. Тальберг, «решение судьи в каждом конкретном случае получало двойную, субъективную окраску: в следственном производстве и в докладе, извлеченном из актов этого производства» [33, с. 38].

Неудивительно, что в таких условиях в структуре уголовного процесса главенствующую роль приобрела стадия расследования, на которой осуществлялись все основные следственные действия, а роль суда в судебном разбирательстве сводилась к принятию решения на основе письменных материалов дела или даже извлечения из них.

Однако помимо письменного характера средневекового инквизиционного процесса для понимания причин возникновения принципа непосредственности в континентальном уголовном процессе необходимо рассмотреть и другие черты, присущие инквизиционной процедуре.

Усиление роли судьи и изменение характера истины в континентальном уголовном процессе XIII – XIV веков поставило на повестку дня проблему их ответственности за «неправильные» решения. В условиях господства в Средневековье религиозно-догматического типа мышления судьи боялись, что в случае привлечения к ответственности невиновного грех ляжет на их душу либо они подвергнутся мести или проклятию. В этой связи для защиты судей в процесс вводятся и получают развитие более формальные правила доказывания (к примеру, придание определенного веса показаниям различных свидетелей, запрет осуждения в отсутствие двух очевидцев или признания), имеющие каноническое происхождение. Соответственно закладываются основы теории формальных доказательств.

По мере того как правила доказывания, являвшиеся одновременно гарантиями защиты обвиняемых, становились все более сложными, все меньше подсудимых подходило для осуждения [28, p. 105]. Однако поскольку в инквизиционном процессе, сущность которого теперь можно было определить через возникшую к середине XIV в. во французской уголовной практике формулу «дабы узнать правду (*pour/ afin de savoir la verite*)», судьям рекомендовалось узнавать правду всеми возможными путями и способами [23, с. 184], в уголовном судопроизводстве различных государств Европы с XIII в. получила распространение и вплоть до середины XVIII в. последовательно использовалась пытка.

Этому способствовало изменение взглядов на обвиняемых и свидетелей, что характеризуется О.И. Тогоевой следующим образом: «Потенциальные преступники и свидетели по их делам, вероятно, воспринимались в условиях уголовной инквизиционной процедуры как *носители* «правды», т.е. как некие *объекты*, которые должны были находиться во власти судей, быть подвергнуты «изучению», дабы «правдоподобные» подозрения последних превратились в конце концов в «правду», которую они ищут» [23, с. 189–190].

С учетом отмеченных выше черт инквизиционного процесса проявилась последняя его существенная особенность – тайность. Дж. Блюменталь по этому поводу замечает: «В связи с тем, что судья больше не являлся беспристрастным, но прямо представлял государство против отдельного обвиняемого, и в связи с резким ростом использования письменных протоколов как обвинительных доказательств, новая власть судей легко привела к возникновению тайных процедур, которые способствовали использованию необоснованных показаний “с чужих слов” и косвенных сведений в качестве “доказательств” для осуждения или разрешения применять пытку в целях получения признания» [28, р. 106]. В Большом уголовном ордонансе Людовика XIV 1670 г. (Титул VI, ст. 1) указывалось, что свидетели должны быть заслушаны тайно и по отдельности [35, р. 40].

Таким образом, особенностями инквизиционного процесса, сформировавшегося в Средние века в государствах континентальной Европы, стали активная роль судьи в процессе, приведшая в отсутствие эффективных сдержек к фактическому слиянию функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела, письменный характер, применение теории формальных доказательств и пытки в доказывании, тайность.

Серьезные изменения инквизиционного процесса связаны с Великой французской революцией 1789 г. Идеологическую почву для этого подготовили философы эпохи Просвещения, в том числе Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Беккариа, критиковавшие римско-каноническую процедуру за авторитаризм, тайность и, особенно, за применение пытки и одновременно призывавшие к введению в континентальной Европе суда присяжных [27, р. 27]. В результате, как пишет Дж. Лангбейн, «Франция ввела институт суда присяжных по уголовным делам по образцу английского жюри присяжных в течение первых месяцев Революции и затем постоянно пересматривала его на протяжении нескольких десятилетий» [36, р. 13]. При этом следствием Великой французской революции стало не только падение Старого порядка (*Ancien Regime*) во Франции, но и коренной перелом в борьбе рационализма с религиозным догматизмом на всем общеевропейском пространстве.

Поэтому инквизиционный процесс просто не мог продолжать существовать в прежних формах. В связи со сменой мировоззренческой парадигмы одним из ключевых изменений, произошедших во французском уголовном процессе конца XVIII в., стала замена теории формальных доказательств теорией свободной оценки доказательств. Критерием оценки доказательств стало внутреннее убеждение (*conviction intime*) судьи.

Существенную трансформацию претерпел следственный метод установления фактических обстоятельств уголовного дела. В соответствии с Кодексом уголовного следствия 1808 г. предварительное рас-

следование, осуществляемое следственным судьей, оставалось письменным и тайным, а судебное разбирательство приобрело состязательный характер при сохранении активной роли судьи, рассматривающего дело по существу.

Указанные изменения, а также политико-идеологическая атмосфера того времени, наполненная восторженным отношением европейской общественности к английскому судопроизводству, обусловили построение судебного разбирательства во французском уголовном процессе на принципах устности и открытости. Дж. Лангбейн относительно введения в континентальном уголовном процессе устности пишет: «Пожалуй, ни один атрибут английского уголовного суда присяжных восемнадцатого столетия не произвел такого огромного впечатления на европейских наблюдателей, как устность судебного разбирательства. Теоретики впоследствии выделили много причин и преимуществ устности. Устность сохраняла так называемое «доказательство поведением», которое по общему мнению повышает правильность оценки судьей правдивости свидетелей. Европейцы видели в устности гарантию против политического подчинения и предвзятости профессиональных чиновников судебной власти. И устность была одним из способов обеспечения того, что обвиняемый будет иметь полную информацию о выдвинутых против него обвинениях и личности своих обвинителей» [36, р. 32].

Требование о том, что судебное разбирательство должно проводиться устно, было закреплено в ст. 317 французского Кодекса уголовного следствия 1808 г. В середине XIX в. Ф. Эли уже писал, что принцип, в соответствии с которым доказательства должны исследоваться устно и перед лицом, принимающим решение, являлся фундаментальным принципом французского уголовного права. Кроме того, он указывал, что только устное разбирательство может считаться совместимым с принципом «*conviction intime*», который требует, чтобы лицо, принимающее решение, несло личную ответственность за определение правильности обвинения [35, р. 50]. Наряду с устностью в процессуальном законодательстве Франции конца XVIII – начала XIX в. (например, в законе от 8–9 октября 1789 г., ст. 153 Кодекса уголовного следствия 1808 г.) был закреплен принцип открытости судебного разбирательства.

В открытой и устной процедуре французского судебного разбирательства, основанной на Кодексе уголовного следствия 1808 г. и французской теории уголовного процесса того периода, как видно, уже содержались элементы того, что сегодня составляет содержание принципа непосредственности в континентальном уголовном процессе, однако они были частью носящего более общий характер принципа устности. Во многом это было обусловлено тем влиянием, которое имела на реформирование уголовного процесса во Франции английская концепция судебного разбирательства.

Французские реформы оказали значительное воздействие на преобразование уголовного процесса в других европейских юрисдикциях, в том числе в немецких государствах. В Германии на законодательном уровне прорыв для устности и открытости судебного разбирательства наступил с принятием прусского Указа 1846 г., в §15 которого устанавливалось, что вынесению судебного решения должно предшествовать проведение устного судебного разбирательства перед судом, разрешающим дело по существу, в ходе которого должны быть заслушаны прокурор и обвиняемый, представление доказательств и защита обвиняемого должны производиться устно [32, р. 94]. Как и во Франции, в Германии в ходе реформ середины XIX в. в силу политических причин акцент первоначально делался на открытости и устности судебного разбирательства. Ю. Глазер данное обстоятельство характеризует следующим образом: «Внимание было обращено более на внушительное впечатление, доставляемое оживленными прениями, в которых друг друга сменяют обвинение и защитительная речь, чем на облегчение задачи судьи посредством непосредственного допроса обвиняемого и лиц, дающих показания, тем самым лицом, которое призвано к постановлению приговора; такой допрос делается еще более плодотворным вследствие участия сторон. Таким образом, *устность* ставилась выше *непосредственности*» [34, с. 199].

К середине XIX в. эстафету в развитии принципа непосредственности у Франции приняла Германия. Значительный вклад в разработку данного принципа внесли немецкие теоретики-правоведы П. Фейербах, К. Миттермайер, Г. Цахариз, являвшиеся по существу отцами-основателями принципа непосредственности в континентальной уголовно-процессуальной традиции.

Р. Воглер, анализируя возникновение принципа непосредственности в континентальном уголовном процессе, отмечает, что эпистемологическая линия разлома, разделяющая континентальный уголовный процесс на две половины (досудебное производство и судебное разбирательство), символизируется существованием содержащего официальные сведения письменного дела, функционально не важного для «справедливого и открытого» судебного разбирательства. В глазах англичан принцип непосредственности возник в континентальной Европе как попытка возвести мост через эту пропасть [12, р. 240].

В данном случае Р. Воглер правильно подчеркивает «скелетообразующее» значение уголовного дела (*dossier*) в континентальном уголовном процессе, однако главная задача, которую нужно было решить отцам-основателям принципа непосредственности, как представляется, была несколько иной. Ответ можно найти в трудах К. Миттермайера и Ю. Глазера. Как писал К. Миттермайер: «Сущность начала устности (непосредственного производства дела пред судом) заключается в том, что все производство, возникающее по обвинению, собрание и рас-

смотрение различных доказательств, могущих иметь влияние на решение, предложения и речи обвинителя и защитника должны происходить *пред теми судьями*, которые решают дело, – дабы они лично узнали не только то, что показывали лица, вызванные в суд, но и те средства, которые были употреблены для получения этих показаний, а равно способ представления их, а также могли сами принять необходимые меры для составления убеждения, основанного на полнейшем исследовании истины» [37, с. 247–248]. Согласно Ю. Глазеру, «новый процесс возвратил судье, постановляющему приговор, первенствующее положение, которое прежде занимал судья, производивший следствие, и восстановил устность и непосредственность, которые в самых широких размерах применялись и применяются у судьи-следователя, – в суде, рассматривающем дело по существу. Отсюда явилось требование, чтобы судья, призванный к решению вопроса о вине подсудимого, сам заслушивал те *показания*, из которых он должен почерпнуть материал для составления себе понятия о положении дела, сам видел документы и иные предметы, служащие доказательствами, чтобы предшествующие записи не составляли основания приговора, но служили бы только поводом для *непосредственного* предъявления доказательств» [34, с. 201].

Таким образом, принцип непосредственности, разработанный в немецкой теории уголовного процесса XIX в., стал если не основным, то одним из главных механизмов, позволивших окончательно перенести центр тяжести процесса доказывания, включавшего как собирание доказательств следственным судьей, так и исследование доказательств судьями, рассматривавшими дело по существу, из досудебного производства в стадию судебного разбирательства.

В результате произошло разделение принципов устности и непосредственности. М. Бохландер в системе принципов современного уголовного процесса Германии выделяет принцип устного представления доказательств (*Mündlichkeitsprinzip*), вытекающий, в частности, из § 250, 261, 264 УПК ФРГ, и принцип представления доказательств перед судьями, разрешающими дело по существу (*Unmittelbarkeitsprinzip*), выводимый из § 240, 250, 261 УПК ФРГ и требующий, чтобы все доказательства были представлены непосредственно судьям, которые будут разрешать дело по существу [38, р. 27].

При этом немецкая теория уголовного процесса не остановилась только на разграничении устности и непосредственности. В дальнейшем устность была подразделена на формальную и материальную [32, р. 93]. В настоящее время в уголовном процессе Германии выделяется формальная и материальная непосредственность. У. Хелльманн пишет, что как формальная непосредственность обозначается принцип, гарантирующий, что решения могут опираться исключительно на восприятие суда на основном судебном разбирательстве, тогда как матери-

альная непосредственность означает, что в исследовании доказательств, как правило, нельзя ограничиваться суррогатами доказательств, а необходимо привлекать доказательства, непосредственно затрагивающие подлежащий доказыванию факт [39, с. 69]. Разделение формальной и материальной непосредственности имеет место в теории уголовного процесса и других стран, чей процесс относится к континентальному типу, например Нидерландов [40, р. 249].

Как отмечал Ю. Глазер: «Недостаточно, однако, чтобы каждое доказательство в своей первоначальной чистоте доходило до сведения лица, решающего дело, но необходимо еще, чтобы и стороны ознакомились с каждым доказательством в том виде его, в котором оно представляется вниманию судьи. Стороны должны иметь возможность способствовать, непосредственно участвуя в разборе и оценке доказательств, составлению на основании их справедливого заключения, и разъяснять обстоятельства или опровергать неверные заключения доставлением на рассмотрение суда таких новых доказательств, какие они признают в данное время полезными» [34, с. 201–202]. Соответственно судебное разбирательство должно было охватывать все, что может оказать воздействие на восприятие судьи, рассматривающего дело по существу.

В судебном разбирательстве, построенном на принципе непосредственности, должна была быть сохранена активная роль суда в исследовании доказательств, в том числе для того, чтобы поддерживать преобладание такого исследования над расследованием дела, проводимым следственным судьей в досудебном производстве. Эта функция выполняется действующим в немецком уголовном процессе инквизиционным принципом (*Ermittlungsgrundsatz*), который в теории также именуется конструктивным принципом [39, с. 69], принципом расследования или материальной истины [41, с. 36–37]. Данный принцип, закрепленный, в частности, в § 155 (2) и 244 (2) УПК ФРГ, представляет собой, как пишет М. Бохландер, «правило, в соответствии с которым целью любого расследования и судебного разбирательства является установление материальной истины (*materielle Wahrheit*), а не истины, основанной на фактах, приведенных обвинением и защитой. Суд не связан какими-либо заявлениями сторон и исследует обстоятельства дела по своей инициативе» [38, р. 26].

В действующем УПК Франции принцип непосредственности можно вывести из ч. 2 ст. 427, которая устанавливает, что судья может основывать свое решение только на доказательствах, которые были представлены в ходе судебного заседания и состязательно были обсуждены перед ним. В ст. 310 УПК Франции применительно к роли судьи в судебном разбирательстве закреплено, что председатель наделен дискреционными полномочиями, в силу которых он может по чести и совести принимать любые меры, которые он сочтет полезными для установле-

ния истины [42]. Соответственно, как пишет Ж. Ходжсон: «Французский судья в судебном разбирательстве менее пассивен, чем его английский/валлийский коллега: его работа не просто вынести решение на основании доказательств, представленных сторонами, но активно искать истину» [43, р. 72]. В классическом французском учебнике уголовного процесса Ж. Праделя, как также отмечает Л.В. Головкин, «принцип поиска истины» (*principe de la recherche de la vérité*) назван одним из ключевых уголовно-процессуальных принципов [44, с. 75].

Таким образом, в континентальном уголовном процессе, в основе которого лежит следственный метод установления обстоятельств дела, принцип непосредственности обеспечивает процессуальный режим доказывания, в котором центральным элементом является исследование доказательств в судебном разбирательстве судьей, разрешающим дело по существу. Поддержание данного режима доказывания является функцией принципа материальной истины, в силу которого судье в судебном разбирательстве принадлежит активная роль в исследовании доказательств. В связи с этим активный судья в судебном разбирательстве создает противовес лицу, устанавливающему обстоятельства уголовного дела в ходе расследования, тем самым, обеспечивая баланс системы уголовного процесса.

Сравнительно-правовой анализ показал, что, несмотря на первоначально кажущуюся общность понимания непосредственности, причины возникновения, формы проявления и функциональная роль непосредственности в англо-американском и континентальном типах уголовного процесса различаются. В то же время процессы интеграции, приведшие в конечном итоге к созданию в XX в. общеевропейского правового пространства, не могли не сказаться на реальном сближении подходов к пониманию непосредственности. В данном отношении в качестве объединяющего начала для двух правовых традиций стал вопрос обеспечения обвиняемому права на справедливое судебное разбирательство, которому посвящена ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее – Конвенция). При этом из перечисленных в ст. 6 Конвенции прав, конструирующих право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, наибольшее отношение к принципу непосредственности имеют вытекающие из п. 1 и подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции права обвиняемого участвовать в разбирательстве его дела судом и допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Соответственно нельзя обойти стороной вопрос о том, какова практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по исследуемой проблематике.

Прямое упоминание принципа непосредственности содержится в решении ЕСПЧ от 09.07.2002 г. по делу *P.K. v. Finland* (№ 37442/97), в котором отмечено, что важным элементом справедливого уголовного судебного разбирательства является возможность обвиняемого провести очную ставку со свидетелем в присутствии судьи, который в конечном счете разрешает дело. Такой принцип непосредственности является важной гарантией в уголовном судопроизводстве, в силу которой наблюдения, сделанные судом относительно поведения и правдивости свидетеля, могут иметь важные последствия для обвиняемого. Поэтому обычно изменения состава суда после допроса в суде важного свидетеля должно приводить к повторному допросу этого свидетеля.

В указанном выше решении с учетом обстоятельств дела ЕСПЧ делает акцент на формальной непосредственности. Наглядными примерами дел, в которых выражена позиция ЕСПЧ по вопросам материальной непосредственности, являются постановления ЕСПЧ, вынесенные Большой Палатой, от 15.12.2011 г. по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» [46] и от 15.12.2015 г. по делу «Шатшашвили против Германии» [47].

Данные дела, рассмотренные ЕСПЧ с временным промежутком ровно в 4 года, показательны в силу наличия одновременно следующих обстоятельств. Во-первых, в обоих делах был поднят вопрос об оглашении показаний отсутствующих свидетелей, но при этом в первом случае государством-ответчиком была Великобритания, уголовное судопроизводство которой лежит в основе англо-американского типа уголовного процесса, а во втором – Германия, чье уголовное судопроизводство – характерный пример уголовного процесса континентального типа. Во-вторых, в обоих случаях первоначально вынесенные ЕСПЧ решения были пересмотрены Большой Палатой, причем обстоятельства пересмотра были противоположными. По делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» решение ЕСПЧ от 20.01.2009 г., которым признавалось нарушение требований п. 1 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции в отношении обоих заявителей, по требованию государства-ответчика было частично изменено Большой Палатой: по делу заявителя Аль-Хавайя было установлено, что требования ст. 6 Конвенции не нарушены. По делу «Шатшашвили против Германии», наоборот, ЕСПЧ изначально постановлением от 17.14.2014 г. установил отсутствие нарушения прав заявителя, предусмотренных п. 1 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции, а в результате пересмотра дела по требованию заявителя Большой Палатой нарушения указанных положений Конвенции были подтверждены.

Однако, в конечном счете, постановлением ЕСПЧ от 15.12.2011 г. по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» выработан трехэтапный тест, позволяющий оценить, нарушено или нет право заявителя на справедливое судебное

разбирательство, в связи с использованием показаний, ранее данных свидетелями, которые не присутствовали в суде, а в постановлении от 15.12.2015 г. по делу «Шатшашвили против Германии» даны более подробные разъяснения, как указанный тест должен применяться. В рамках применения обозначенного теста на первом этапе подлежит выяснению вопрос, имелась ли уважительная причина для неявки свидетеля, на втором – были ли показания отсутствующего свидетеля единственным или решающим основанием для осуждения подсудимого, на третьем – имелись ли достаточные уравновешивающие факторы, компенсирующие препятствия, с которыми сталкивалась сторона защиты. Как отметил ЕСПЧ в постановлении по делу «Шатшашвили против Германии», было бы целесообразно рассматривать три этапа теста Аль-Хавайя в порядке, определенном в этом постановлении. Однако все три этапа взаимосвязаны и вместе должны установить, было ли справедливым уголовное разбирательство в целом. Таким образом, в данном деле могло быть допустимо рассмотрение этапов в другом порядке, в частности, если один из этапов имел особое значение для вопроса о справедливости или несправедливости разбирательства. При этом в постановлении ЕСПЧ по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» Большая Палата, признавая ошибочность позиции нижней палаты и устанавливая, что законодательство Соединенного Королевства содержит эффективные гарантии, направленные на обеспечение справедливости, отметила, что правило «исключительности или решающей степени» не является абсолютным правилом и не может применяться негибким образом с игнорированием особенностей конкретной правовой системы. Соответственно ЕСПЧ констатировал невозможность формулирования абсолютно определенных критериев в вопросе установления допустимости оглашения показаний отсутствующих свидетелей.

Таким образом, примеры указанных дел в практике ЕСПЧ показывают всю сложность формирования единых правовых подходов в отношении государств с разными правовыми традициями, в том числе применительно к проблемам реализации принципа непосредственности.

Поэтому ниже следует рассмотреть, каким образом принцип непосредственности возник и развивался в отечественном уголовном процессе.

К середине XIX в. в России сформировался типичный инквизиционный процесс, основанный на следственном методе установления фактических обстоятельств дела, со всеми присущими тому в то время признаками. Я. Баршев, критикуя публичную и словесную форму производства, указывал, что началами отечественного уголовного судопроизводства являются письменность и публичность только посредством обнародования судебных актов [48, с. 66–69].

В результате судебной реформы 1864 г. российское уголовное судопроизводство было реформиро-

вано в значительной степени по французскому образцу: предварительное расследование, осуществляемое судебным следователем, строилось на принципах письменности и тайны следствия, тогда как судебное разбирательство, в котором судья, обязанный устанавливать истину, играл активную роль, основывалось на началах устности и гласности. В пореформенный период конца XIX – начала XX в. вопросы непосредственности и устности судебного разбирательства рассматривались в трудах всех выдающихся ученых-процессуалистов того периода, в том числе С.И. Викторского, Л.Е. Владимирова, М.В. Духовского, А.Ф. Кони, С.В. Познышева, Н.Н. Розина, В.К. Случевского, Д.Г. Тальберга, И.Я. Фойницкого. Практически все из них при этом четко разграничивали начала (принципы) непосредственности и устности, будучи знакомы с трудами немецких теоретиков процесса того времени, что прямо следует из работ, к примеру, Н.Н. Розина [49, с. 303] и В.К. Случевского [50, с. 53–54].

В советский период развития отечественного уголовного процесса значительный вклад в развитие учения о принципе непосредственности внесли, в частности, Т.Н. Добровольская, В.Я. Лившиц, М.С. Строгович, И.В. Тыричев. При этом акцент большинством советских процессуалистов делался на обязанности суда воспринимать доказательства из первоисточников, то есть на первое место была поставлена материальная, а не формальная непосредственность, как это было в уголовном процессе континентальных западноевропейских государств. У такого положения дел, как представляется, были следующие причины. Во-первых, философской основой советского права и теории доказательств в уголовном процессе выступал диалектический материализм, причем пропитанный коммунистической идеологией, что не могло не сказаться и на содержании принципа непосредственности. Во-вторых, фокусирование на требованиях к суду воспринимать доказательства из первоисточников, а не на том, что доказательства должны быть представлены перед судьей, разрешающим дело по существу, оттеняло проблемы, с одной стороны, гипертрофированной публичности в деятельности суда и, с другой стороны, фактического нахождения центра тяжести процесса доказывания в досудебном производстве.

Однако корни этих проблем были не в процессуальной активности суда как таковой или в распространении на суд принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, закрепленного в ст. 20 УПК РСФСР, потому что, как было показано выше, и активность суда, и принцип материальной истины присущи уголовному процессу Германии, Франции и других стран, уголовный процесс которых, относясь к континентальному типу, обеспечивает эффективное решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач, в том числе защиту прав участников процесса. Главная причина обозначенных проблем советского уголовного процесса кроется, думается, в нерешен-

ности вопроса обеспечения беспристрастности судьи в исследовании доказательств в судебном разбирательстве. При этом в условиях, когда судебная власть не была независимой в целом, поскольку, несмотря на формальное провозглашение независимости судей на конституционном уровне, согласно ст. 152 той же Конституции СССР 1977 г., судьи были ответственны перед избирателями и избравшими их органами и подотчетны им (а на практике партийным организациям), обеспечить беспристрастность и независимость судьи, разрешающего дело по существу, было невозможно.

В то же время содержащийся в УПК РСФСР 1960 г. принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела в связке с принципом непосредственности выполнял функциональную роль обеспечения непосредственного исследования доказательств судом первой инстанции. Как показывает практика Верховного Суда РФ, имевшая место в период действия УПК РСФСР 1960 г., нарушение принципа непосредственности (ст.ст. 240, 435 УПК РСФСР), например, выразившееся в оглашении показаний потерпевших и свидетелей при невыполнении требований закона по обеспечению их явки в суд и выяснению причин их неявки, одновременно являлось нарушением принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст.ст. 20, 429 УПК РСФСР) [51–53].

В действующем УПК РФ 2001 г. непосредственность вместе с устностью закреплена в ст. 240 в качестве общего условия судебного разбирательства, но не в гл. 2 УПК РФ как принцип уголовного судопроизводства. Данный факт уже сам по себе ставит вопрос о том, придает ли законодатель непосредственности значение принципа уголовного процесса. Кроме того, при принятии УПК РФ 2001 г. из него был исключен принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, что привело к разбалансированию системы российского уголовного процесса и, как представляется, послужило одной из главных причин развития в нем упрощенных производств и квазипроизводств, которые сконструированы без ориентации на достижение материальной истины по уголовному делу.

Суть того, как в современной теории уголовного процесса России понимается непосредственность, наиболее полно, думается, отражает определение, даваемое Д.А. Мезиновым: «Под началом непосредственности понимается такое общее правило исследования доказательств в судебном разбирательстве, согласно которому суд, рассматривающий уголовное дело, обязан в судебном заседании лично ознакомиться с доказательствами, на основании которых он будет разрешать уголовное дело по существу, и воспринять содержащиеся в них сведения об исследуемых фактах непосредственно из первоисточников этих сведений» [54, с. 123]. При этом указанное определение в значительной степени опирается еще на советскую доктрину уголовного процесса. В то

же время в современных условиях сужения действия непосредственности в российском уголовном процессе необходимо дальнейшее развитие доктринального понимания непосредственного исследования судом доказательств.

Пути решения обозначенной выше проблемы, как представляется, необходимо определять с учетом следующего.

Во-первых, непосредственность исследования судом доказательств должна рассматриваться в качестве полноценного принципа уголовного процесса России. Именно таковым она считается в континентальном уголовном процессе, в русле которого исторически развивался отечественный уголовный процесс, хотя и был деформирован в советский период. В качестве такового его рассматривает, как отмечалось, практика ЕСПЧ, а также практика Верховного Суда РФ, согласно которой непосредственность исследования доказательств в суде является основополагающим принципом уголовного процесса [55], нарушение которого противоречит фундаментальным основам уголовного судопроизводства [56, 57] и является безусловным основанием отмены приговора [58]. Более того, с учетом изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ, принцип непосредственности реализуется не только в судебном разбирательстве, но и согласно ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ теперь определяет деятельность участников уголовного процесса на предыдущих стадиях производства по уголовному делу.

Во-вторых, при определении содержания принципа непосредственности в современном уголовном процессе России целесообразно использовать теоретические наработки европейских ученых-процессуалистов, в том числе выделение формальной и материальной непосредственности, и обязательно учитывать положения международно-правовых договоров, участником которых является Россия, а также практику ЕСПЧ. Соответственно в содержание принципа непосредственности необходимо включать не только соблюдение требования к суду, рассматривающему дело по существу, лично воспринимать доказательства, но и реализацию прав обвиняемого, связанных с участием в исследовании доказательств, в том числе прав, вытекающих из п. 1 и подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции.

В-третьих, полноценная реализация принципа непосредственности в современном уголовном судопроизводстве России возможна только при возвращении в последнее принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (материальной истины). Данный принцип выполняет функцию обеспечения создаваемого принципом непосредственности процессуального режима доказывания, в котором центральным элементом является исследование доказательств в судебном разбирательстве судьей, разрешающим дело по существу. В условиях отсутствия в российском уголовном процессе, в основе которого лежит след-

ственный метод, принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела неизбежно нахождение центра тяжести процесса доказывания в досудебном производстве. Можно спрогнозировать, что эта проблема будет лишь усугубляться при дальнейшем увеличении доли дел, рассматриваемых в особых порядках судебного разбирательства, предусмотренных главами 40, 40.1, а также ст. 226.9 УПК РФ, поскольку при неисследовании судом в ходе судебного разбирательства доказательств в общем порядке уголовное судопроизводство в целом строится на начале письменности, а значит, в нем повышается значение лица, осуществляющего предварительное расследование, при соответственном уменьшении роли судьи, разрешающего дело по существу. В этой связи следует поддержать развитие практики Верховного Суда РФ, в соответствии с которой в ходе проверочных производств проведение судебного следствия в суде первой инстанции оценивается с точки зрения принципов всесторонности, полноты и непосредственности [59–61].

В-четвертых, уголовный процесс России в целом должен быть построен по формуле «сильный в собирании доказательств следователь, активный и беспристрастный в исследовании доказательств судья». Следственный метод с неизбежностью предполагает активность лица, устанавливающего обстоятельства дела. В досудебном производстве это следователь (в данном случае в широком значении, поскольку вопросы форм, организационного построения предварительного расследования, его реформирования и взаимодействия лиц, осуществляющих предварительное расследование, с прокурором находятся за пределами темы статьи). С учетом специфики современной российской теории доказательств, исходя из которой собирание доказательств остается максимально формализованным [62, с. 426], что одновременно служит гарантией прав участников уголовного судопроизводства, задача обеспечения эффективности расследования обуславливает роль следователя как лица, которое устанавливает обстоятельства дела посредством собирания доказательств, а не простого обнаружения информации, имеющей доказательственное значение, что составляет функцию полиции. При этом активный судья, исследующий доказательства в судебном разбирательстве, выступает противовесом следователю, собирающему доказательства в ходе предварительного расследования. Однако обязательным элементом обозначенной формулы является беспристрастность судьи, которая должна обеспечиваться гарантиями его независимости. В условиях отсутствия беспристрастности судьи значительно повышается риск возникновения гипертрофированной публичности, примером чего является советский уголовный процесс. В то же время сведение функций следователя к чисто полицейским или пассивность судьи в ходе судебного разбирательства снижают эффективность уголовного процесса и

приводят, в конечном счете, к невозможности выполнения стоящих перед ним задач, в том числе по установлению материальной истины.

Ж.-М. Ламбер завершает эпизод с очной ставкой, о котором шла речь в начале статьи, фразой: «Неуловимая истина часто с удовольствием смеется над теми, кто пытается ее поймать...» [1, с. 121]. Несмотря на ироничность данного выражения, в нем тонко подмечена сложность установления истины в

уголовном процессе, о чем автор, имея опыт следственного судьи, мог со знанием дела писать. Опираясь на обозначенную цитату, в заключение нельзя не отметить, что изменения, происходящие в уголовном судопроизводстве, не должны приводить к возникновению необходимости отвечать на вопрос о том, что делает истина, если при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовного дела ее и не собираются искать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламбер Ж.-М. Маленький судья. М., 1990. 352 с.
2. Федеральный закон от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13.07.2016 г. № 67-АПУ16-14СП // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.08.2016 г. № 70-АПУ16-2 // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
6. Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 305. С. 127–133.
7. Кайгородов А.А. Оглашение показаний подсудимого на судебном следствии // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сб. статей. Ч. 55 / под ред. М.К. Свиридова, Ю.К. Якимовича, О.И. Андреевой, И.В. Чадновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 82–90.
8. Ходжаева Е., Скугаревский Д. Extra Jus: две флешки вместо одной // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/11/24/666708-dve-fleshki-vmesto/> [Электронный ресурс]. электр. дан. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
9. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Консультант Плюс (Электронный ресурс): Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
10. Свиридов М.К. Непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сб. статей. Ч. 47 / под ред. С.А. Елисеева, В.А. Уткина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 175–176.
11. Склизов А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 22 с.
12. Vogler R. The Principle of Immediacy in English Criminal Procedural Law // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. May 2014. Vol. 126. Iss. 1. P. 239–247.
13. Davies M., Croall H., Tyrer J. Criminal Justice. An Introduction to the Criminal Justice System in England and Wales. Third Edition. 2005. 477 p.
14. Zander M. Cases and Materials on the English Legal System. Tenth Edition. Cambridge University Press, 2007. 861 p.
15. Warren M. Open Justice in the Technological Age // Monash University Law Review. 2013. Vol. 40. No. 1. P. 45–58.
16. Spigelman J.J. The Principle of Open Justice: A Comparative Perspective // UNSW Law Journal. 2006. Vol. 29 (2). P. 147–166.
17. Bosland J. and Gill J. The Principle of Open Justice and the Judicial Duty to Give Public Reason // Melbourne University Law Review. 2014. Vol. 38. P. 382–524.
18. Seigel L.J. Essentials of Criminal Justice. Seventh Edition. Wadsworth, 2011. 596 p.
19. Boggs D.J. The Right to a Fair Trial // University of Chicago Legal Forum. 1998. Iss. 1. P. 1–24.
20. Галяхин Н.В. Англосаксонская модель производных доказательств (Hearsay) и возможности ее использования в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 237 с.
21. Spencer J.R. Hearsay Evidence in Criminal Proceedings. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2008. 341 p.
22. Esmein A. A History of Continental Criminal Procedure with Special Reference to France. Boston, 1913. 640 p.
23. Тогоева О.И. Поиски «правды» в средневековом уголовном суде // Право в средневековом мире: сб. ст. / под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 182–195.
24. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. 624 с.

25. *Mousorakis G.* Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. Springer, 2015. 328 p.
26. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М., 2012. 584 с.
27. *Donovan J.M.* Juries and the Transformation of Criminal Justice in France. The University of North Carolina Press, 2010. 262 p.
28. *Blumenthal J.A.* Shedding Some Light on Calls for Hearsay Reform: Civil Law Hearsay Rules in Historical and Modern Perspective // *Pace International Law Review*. Spring 2001. Vol. 13. Iss. 1. P. 93–116.
29. Волкова Е.Г. Парижский парламент – высший апелляционный суд средневековой Франции // *Вестник Московского университета*. Сер. 11. Право. 2015. № 2. С. 117–127.
30. *Stein P.* Roman Law in European History. Cambridge University Press, 2004. 137 p.
31. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 1912. 567 с.
32. *Vormbaum T., Bohlander M.* (ed.) A Modern History of German Criminal Law. Springer, 2014. 304 p.
33. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Киев, 1880. 318 с.
34. Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. Т. 1: пер. с нем. А. Лихачева. СПб., 1884. 274 с.
35. *Summers S.J.* Fair Trials. The European Criminal Procedural Tradition and the European Court of Human Rights. Oxford and Portland, Oregon, 2007. 188 p.
36. *Langbein J.H.* The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution // *The Trial Jury in England, France, Germany 1700–1900*. Berlin: Duncker & Humblot, 1987. P. 13–39.
37. *Muttermaier K.J.O.A.* Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии, в отношении к уголовному судопроизводству. СПб., 1864. 580 с.
38. *Bohlander M.* Principles of German Criminal Procedure. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2012. 226 p.
39. Головенков П., Снуца Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хеллманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Universitätsverlag Potsdam, 2012. 404 с.
40. *Groenhuijsen M.S. and Selçuk H.* The Principle of Immediacy in Dutch Criminal Procedure in the Perspective of European Human Rights Law // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. May 2014. Vol. 126. Iss. 1. P. 248–276.
41. Бойкле В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник. 6-е изд., с доп. и изм.: пер. с нем. Я.М. Плоскиной / под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004. 352 с.
42. Criminal Procedure Code of French Republic (as of 2006) (English version) // <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/> [Электронный ресурс]. электр. дан. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
43. *Hodgson J.* French Criminal Justice. A Comparative Account of the Investigation and Prosecution of Crime in France. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2005. 281 p.
44. Головки Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 65–87.
45. *P.K. v. FINLAND*, № 37442/97, ECtHR (Fourth Section), Decision (Final) of 09.07.2002 // <http://freecases.eu/Doc/CourtAct/4551022/12/> [Электронный ресурс]. электр. дан. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
46. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15.12.2011 г. по делу «Аль-Хавая и Тахири (Al-Khawaja and Tahery) против Соединенного Королевства» (жалоба № 26766/05 и 22228/06) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
47. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15.12.2015 г. по делу «Шатшавили против Германии (Schatschaschwili v. Germany)» (жалоба № 9154/10) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
48. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. 297 с.
49. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 2-е изд., с изм. и доп. СПб., 1914. 547 с.
50. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб., 1913. 670 с.
51. Определение Верховного Суда РФ от 15.01.1998 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
52. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.01.1999 г. № 30п99пр // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
53. Определение Верховного Суда РФ от 11.04.2001 г. по делу № 16-о00-95 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
54. Мезинов Д.А. Непосредственность судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, тенденции реализации в современной судебной практике // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 309. С. 123–126.
55. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.10.2006 г. № 81-О06-61 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).

56. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 11.03.2014 г. № 47-АПУ14-6 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
57. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 24.04.2014 г. № 205-АПУ14-2 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
58. *Определение* Верховного Суда РФ от 13.03.2013 г. № 18-Д12-119 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
59. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 16.12.2015 г. № 72-АПУ15-49 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
60. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 19.01.2016 г. № 67-АПУ15-42 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
61. *Апелляционное* определение Верховного Суда РФ от 05.04.2016 г. № 67-АПУ16-3 // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система. Версия Проф, сетевая. электр. дан. (39 кб.). М.: АО Консультант плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. Сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный (дата обращения 30 ноября 2016 г.).
62. *Курс уголовного процесса* / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. М., 2016. 1278 с.

INCONSISTENT TRUTH OR THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE IMMEDIACY PRINCIPLE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS IN THE COMPARATIVE CONTEXT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 36–54. DOI 10.17223/23088451/8/7

Aleksandr A. Mikhaylov, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: principle of immediacy, oral nature, disclosure of evidence, right to a fair trial, real of substantive truth.

The paper deals with the problem of reduced space for the principle of immediacy in the Russian criminal process. According to the author, one of the main reasons for this problem is the imbalanced system of principles in the modern Russian criminal justice. The analysis of the origin and specificity of the immediacy principle in the Anglo-American and continental criminal proceedings shows that immediacy is an integral part of the Anglo-American concept of litigation, yet it is not a separate, clearly formulated principle: it is “dissolved” in the judicial procedure characterised by adversariality, oral nature, openness and specificity of applied evidentiary rules. In the continental criminal process, which is based on the investigative method of establishing the circumstances of the case, the immediacy principle provides a procedural regime of proof, in which the central element is the examination of evidence in the trial by the judge who decides the case ad rem. The maintenance of this regime of proof is a function of the principle of substantive truth, due to which the judge in the trial has an active role in the study of evidence. In this regard, an active judge in the court proceedings creates a counterbalance to the person who establishes the circumstances of the criminal case during the investigation, thereby ensuring the balance of the criminal process system. In the author's opinion, the full implementation of the immediacy principle in modern Russian criminal justice is possible only when the principles of thoroughness, completeness and objectivity of investigating the circumstances of the criminal case (substantive truth) are returned to the latter. On the whole, the construction of the criminal process in Russia, taking into account the investigative method, must be carried out in accordance with the formula “an investigator, strong in collecting evidence, a judge, active and impartial in investigating evidence.”

REFERENCES

1. Lambert, J.-M. (1990) *Malen'kiy sud'ya* [A Little Judge]. Translated from French. Moscow: Progress.
2. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy zakon ot 02.03.2016 № 40-FZ “O vnesenii izmeneniy v st. 281 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”* [Federal Law No. 40-FZ of March 2, 2016, “On Amendments to Art. 281 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194689/. (Accessed: 30th November 2016).
3. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 13.07.2016 № 67-APU16-14SP* [Appeal Definition № 67-APU16-14SP of the Supreme Court of the Russian Federation of July 13, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=467818>. (Accessed: 30th November 2016).
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11.08.2016 № 70-APU16-2* [Appeal Definition № 70-APU16-2 of the Supreme Court of the Russian Federation of August 11, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=472181#0>. (Accessed: 30th November 2016).
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.11.2016 № 55 “O sudebnom prigovore”* [Resolution No. 55 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016, “On the judicial sentence”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/. (Accessed: 30th November 2016).
6. Trubnikova, T.V. (2008) *Rassmotrenie dela v otsutstvie podsudimogo (zaочноe proizvodstvo) v sisteme uproschennykh sudebnykh ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv RF* [Examination of the case in the absence of the defendant (extramural proceedings) in the system of simplified criminal proceedings of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 305. pp. 127–133.

7. Kaygorodov, A.A. (2012) Oglashenie pokazaniy podsudimogo na sudebnom sledstvii [Disclosure of the defendant's evidence at the judicial investigation]. In: Sviridov, M.K., Yakimovich, Yu.K., Andreeva, O.I. & Chadnova, I.V. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 82–90.
8. Khodzhaeva, E. & Skugarevskiy, D. (2016) *Extra Jus: dve fleshki vmesto odnoy* [Extra Jus: two flash drives instead of one]. [Online] Available from: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/11/24/666708-dve-fleshki-vmesto/>. (Accessed: 30th November 2016).
9. Russian Federation. (2016) *Federal'nyy zakon ot 03.07.2016 № 323-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti"* [Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on Improving the Foundation and Order of Exemption from Criminal Responsibility"]. [Online] Available from: . (Accessed: 30th November 2016).
10. Sviridov, M.K. (2010) Neposredstvennost' issledovaniya dokazatel'stv v sudebnom razbiratel'stve [Immediate investigation of evidence in court proceedings]. In: Eliseev, S.A. & Utkin, V.A. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 175–176.
11. Sklizkov, A.N. (2007) *Printsip neposredstvennosti ugolovnogo sudoproizvodstva* [The principle of immediacy of criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladivostok, 2007. 22 s.
12. Vogler, R. (2014) The principle of immediacy in English Criminal Procedural Law. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 126(1). pp. 239–247.
13. Davies, M., Croall, H. & Tyrer, J. (2005) *Criminal Justice. An Introduction to the Criminal Justice System in England and Wales*. 3rd ed.
14. Zander, M. (2013) *Cases and Materials on the English Legal System*. 10th ed. Cambridge University Press.
15. Warren, M. (2013) Open Justice in the Technological Age. *Monash University Law Review*. 40(1). pp. 45–58.
16. Spigelman, J.J. (2006) The Principle of Open Justice: A Comparative Perspective. *UNSW Law Journal*. 29(2). pp. 147–166.
17. Bosland, J. & Gill, J. (2014) The Principle of Open Justice and the Judicial Duty to Give Public Reason. *Melbourne University Law Review*. 38. pp. 382–524.
18. Seigel, L.J. (2011) *Essentials of Criminal Justice*. 7th ed. Wadsworth.
19. Boggs, D.J. (1998) The Right to a Fair Trial. *University of Chicago Legal Forum*. 1. pp. 1–24.
20. Galyashin, N.V. (2016) *Anglosaksonskaya model' proizvodnykh dokazatel'stv (Hearsay) i vozmozhnosti ee ispol'zovaniya v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [The Anglo-Saxon model of derived evidence (Hearsay) and the possibility of its use in Russian criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
21. Spencer, J.R. (2008) *Hearsay Evidence in Criminal Proceedings*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.
22. Esmein, A. (1913) *A History of Continental Criminal Procedure with Special Reference to France*. Boston: Boston, Little, Brown, and company.
23. Togoeva, O.I. (2008) Poiski "pravdy" v srednevekovom ugolovnom sude [The search for "truth" in a medieval criminal court]. In: Varyash, I.I. & Popova, G.A. (eds) *Pravo v srednevekovom mire* [Law in the medieval world]. Moscow: RAS. pp. 182–195.
24. Berman, G. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Western tradition of law: The era of formation]. 2nd ed. Translated from English by N. Nikonova, N. Deev. Moscow: Norma.
25. Mousorakis, G. (2015) *Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition*. Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-12268-7.
26. Maddison, E. (2012) *Kontury mirovoy ekonomiki v 1-2030 gg. Ocherki po makroekonomicheskoy istorii* [Contours of the World Economy, 1-2030AD: Essays in Marco-Economic History]. Translated from English by Yu. Kapturevsky. Moscow: The Gaidar Institute.
27. Donovan, J.M. (2010) *Juries and the Transformation of Criminal Justice in France*. The University of North Carolina Press.
28. Blumenthal, J.A. (2001) Shedding Some Light on Calls for Hearsay Reform: Civil Law Hearsay Rules in Historical and Modern Perspective. *Pace International Law Review*. 13(1). pp. 93–116.
29. Volkova, E.G. (2015) Parizhskiy parlament – vysshiy apellyatsionnyy sud srednevekovoy Frantsii [The Paris Parliament as the highest appellate court of medieval France]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya II. Pravo – MSU Bulletin. Series II. Law*. 2. pp. 117–127.
30. Stein, P. (2004) *Roman Law in European History*. Cambridge University Press.
31. Foyntskiy, I.Ya. (1912) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
32. Vormbaum, T. & Bohlander, M. (eds) *A Modern History of German Criminal Law*. Springer.
33. Talberg, D.G. (1880) *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Russian Criminal Proceedings]. Kyiv: [s.n.].
34. Glazer, Yu. (1884) *Rukovodstvo po ugolovnomu protsessu* [Criminal Procedure Guidance]. Vol.1. Translated from German by A. Likhachev. St. Petersburg: [s.n.].
35. Summers, S.J. (2007) *Fair Trials. The European Criminal Procedural Tradition and the European Court of Human Rights*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.
36. Langbein, J.H. (1987) The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution. In: Schioppa, A. (ed.) *The Trial Jury in England, France, Germany 1700-1900*. Berlin: Duncker & Humblot. pp. 13–39.
37. Mittermayer, K.Yu.A. (1864) *Zakonodatel'stvo i yuridicheskaya praktika v novyem ikh razvitiy, v otnoshenii k ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Legislation and legal practice in their newest development, in relation to criminal proceedings]. St. Petersburg.
38. Bohlander, M. (2012) *Principles of German Criminal Procedure*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.

39. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO) – Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona so vstupil'noy stat'ey professora Uve Khell'manna "Vvedenie v ugolovno-protsessual'noe pravo FRG"* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO) – Scientific and practical commentary and translation of the text of the law with an introductory article by Professor Uwe Hellmann "Introduction to the Criminal Procedural Law of the Federal Republic of Germany"]. Potsdam: Universitätsverlag.
40. Groenhuijsen, M.S. & Selçuk, H. (2014) The Principle of Immediacy in Dutch Criminal Procedure in the Perspective of European Human Rights Law. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 126(1). pp. 248–276.
41. Boykle, V. (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo FRG* [Criminal Procedure Law of the Federal Republic of Germany]. 6th ed. Translated from German by Ya.M. Ploshkina. Krasnoyarsk: RUMTs YuO.
42. France. (n.d.) *Criminal Procedure Code of French Republic (as of 2006) (English version)*. [Online] Available from: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/>. (Accessed: 30th November 2016).
43. Hodgson, J. (2005) *French Criminal Justice. A Comparative Account of the Investigation and Prosecution of Crime in France*. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing.
44. Golovko, L.V. (2012) The theoretical grounds for modernization of the doctrine of substantive truth in criminal process. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal – Criminalist's Library Scientific Journal*. 4. pp. 65–87. (In Russian).
45. EU. (2002) *P.K. v. FINLAND, № 37442/97, ECtHR (Fourth Section), Decision (Final) of 09.07.2002*. [Online] Available from: <http://freecases.eu/Doc/CourtAct/4551022/12/>. (Accessed: 30th November 2016).
46. ECHR. (2011) *Informatsiya o Postanovlenii ESPCh ot 15.12.2011 po delu "Al-Khavayya i Takhiri (Al-Khawaja and Tahery) protiv Soedinennogo Korolevstva" (zhaloba № 26766/05 i 22228/06)* [Information on the ECHR Decision of December 15, 2011, in the case of Al-Khawaja and Tahery v. The United Kingdom (Complaints No. 26766/05 and 22228/06)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=277784#0>. (Accessed: 30th November 2016).
47. ECHR. (2015) *Informatsiya o Postanovlenii ESPCh ot 15.12.2015 po delu Shatshashvili protiv Germanii (Schatschaschwili v. Germany) (zhaloba № 9154/10)* [Information on the ECHR Decree of December 15, 2015 in the case of Shatschaschwili v. Germany (Complaint No. 9154/10)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=461939#0>. (Accessed: 30th November 2016).
48. Barshev, Ya. (1841) *Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. St. Petersburg: [s.n.].
49. Rozin, N.N. (1914) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. 2nd ed. St. Petersburg: Pravo.
50. Sluchevskiy, V.K. (1913) *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroystvo – sudoproizvodstvo* [Russian criminal process. Courts – legal proceedings]. 4th ed. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
51. The Supreme Court of the Russian Federation. (1998) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 15.01.1998* [Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of January 15, 1998]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=35854#0>. (Accessed: 30th November 2016).
52. The Supreme Court of the Russian Federation. (1999) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda RF ot 20.01.1999 № 30p99pr* [Decision № 30p99pr of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of January 20, 1999]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=79429#0>. (Accessed: 30th November 2016).
53. The Supreme Court of the Russian Federation. (2001) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11.04.2001 po delu № 16-o00-95* [The definition of the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2001, in case No. 16-o00-95]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=15931#0>. (Accessed: 30th November 2016).
54. Mezinov, D.A. (2008) Neposredstvennost' sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie, znachenie, tendentsii realizatsii v sovremennoy sudebnoy praktike [The immediacy of the trial in criminal proceedings: The concept, meaning, trends of implementation in modern judicial practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 123–126.
55. The Supreme Court of the Russian Federation. (2006) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 25.10.2006 № 81-O06-61* [Cassation determination № 81-O06-61 of the Supreme Court of the Russian Federation of October 25, 2006]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=248979#0>. (Accessed: 30th November 2016).
56. The Supreme Court of the Russian Federation. (2006) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11.03.2014 № 47-APU14-6* [Appeal definition № 47-APU14-6 of the Supreme Court of the Russian Federation from March 11, 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=389362#0>. (Accessed: 30th November 2016).
57. The Supreme Court of the Russian Federation. (2014) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 24.04.2014 № 205-APU14-2* [Appeal definition № 205-APU14-2 of the Supreme Court of the Russian Federation of April 24, 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=394005>. (Accessed: 30th November 2016).
58. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 13.03.2013 № 18-D12-119* [Definition № 18-D12-119 of the Supreme Court of the Russian Federation from March 13, 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=327747#0>. (Accessed: 30th November 2016).
59. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 16.12.2015 № 72-APU15-49* [Appeal definition № 72-APU15-49 of the Supreme Court of the Russian Federation of December 16, 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=452105#0>. (Accessed: 30th November 2016).

60. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 19.01.2016 № 67-APU15-42* [Appeal definition № 67-APU15-42 of the Supreme Court of the Russian Federation of January 19, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=452697#0>. (Accessed: 30th November 2016).
61. The Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Apellyatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 05.04.2016 № 67-APU16-3* [Appeal definition № 67-APU16-3 of the Supreme Court of the Russian Federation of April 5, 2016]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=463147#0>. (Accessed: 30th November 2016).
62. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovnogo protsessa* [Criminal process]. Moscow: Statut.

А.В. Пилюк

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ С ОБВИНЯЕМЫМ СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПРЕОДОЛИМЫ ЛИ ПОРОКИ?

Рассматриваются проблемы, возникающие при применении института особого порядка разрешения уголовных дел при заключении с обвиняемым соглашения о сотрудничестве. На основании анализа норм действующего законодательства и изменений, внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 322-ФЗ делается вывод о бесперспективности совершенствования норм главы 40.1 УПК РФ. Высказывается предложение рассматривать уголовные дела в отношении всех соучастников в рамках единого производства, без выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении соучастяющего лица.

Ключевые слова: *уголовный процесс, дифференциация уголовно-процессуальных форм, упрощенное уголовное судопроизводство, особый порядок принятия судебного решения, лица, сотрудничающие со следствием.*

С начала реформы законодательства РФ, с принятием Концепции судебной реформы традиционно декларировалось, что суд в Российской Федерации – орган правосудия, что он независим и беспристрастен.

Вместе с тем при изучении норм главы 40.1 УПК РФ создавалось впечатление, что суд вообще не призван осуществлять правосудие, до недавнего времени в данной части УПК вообще ничего не упоминалось о допросе подсудимого и об исследовании доказательств его личной виновности. Задачей суда, по мнению законодателя, являлась проверка того, как, в чем и каким образом подсудимый, с которым прокурором было заключено соглашение о сотрудничестве, оказал помощь органам предварительного расследования в осуществлении уголовного преследования его соучастников или даже иных лиц. В ч. 3 ст. 317.7 УПК РФ указывается, что судебное заседание по делу начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, после чего государственный обвинитель подтверждает содействие подсудимого следствию, а также разъясняет суду, в чем именно оно выразилось. Частью 4 ст. 317.7 УПК РФ, определяющей порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, установлено, что судом при рассмотрении дела в особом порядке должны быть исследованы: 1) характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; 2) значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; 3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым; 4) степень

угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица; 5) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд должен постановить обвинительный приговор и с учетом положений ч. 2 и 4 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации назначить подсудимому наказание с учетом положений ст.ст. 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть с применением более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, с применением условного осуждения или с освобождением от отбывания наказания.

Возможно, осознанием нелогичности подобного положения вещей законодателем были вызваны изменения в УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Указанным законом в ст. 317.7 УПК РФ добавлен новый пункт 3.1, в соответствии с которым судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением, и предлагает подсудимому дать показания по существу предъявленного обвинения, после чего участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель вправе задать подсудимому вопросы. Подсудимый также сообщает суду, какое содействие следствию им оказано и в чем именно оно выразилось, и отвечает на вопросы участников судебного заседания.

Обращает внимание, что положения главы 40 УПК РФ нормами о допросе обвиняемого и о возможности постановки перед ним вопросов участниками уголовного судопроизводства дополнены не

были, хотя это было бы логичным, помимо прочего, Положения глав 40 и 40.1 УПК РФ расположены в одном разделе УПК.

Изменения, внесенные в УПК Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 322-ФЗ, следует оценить положительно, однако, как представляется, они не могут помочь в преодолении глобальных пороков, характерных для института особого порядка разрешения уголовных дел при заключении с обвиняемым соглашения о сотрудничестве.

К числу основных признаков, отличающих уголовное судопроизводство правового государства, и, следовательно, к числу основных требований, предъявляемых к такому судопроизводству, относятся наличие в нем процессуальных гарантий. Данное понятие родственно, но не тождественно понятию «принцип», в самом общем понимании процессуальные гарантии – средства, которыми охраняются и обеспечиваются права и законные интересы участвующих в уголовном судопроизводстве лиц. В литературе выделяются не только средства обеспечения прав и интересов отдельных участников уголовного судопроизводства – подсудимого, потерпевшего, лица, которому преступлением причинен имущественный вред (гражданского истца) и т.д., не только гарантии – обязанности государственных органов, но также и гарантии – принципы правосудия, обеспечивающие эффективное функционирование всей системы уголовного судопроизводства [1, с. 3–18].

Со второй половины XX в. наметилась тенденция к закреплению и классификации предпосылок справедливого судебного разбирательства, к разработке определенных унифицированных правил – «стандартов правосудия», в которых, помимо прочего, излагаются наиболее важные организационные принципы судопроизводства по уголовным делам и основания ограничения прав личности. Например, пунктами 2 и 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого ООН 16 декабря 1966 г., Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией в марте 1998 г., закреплено положение о том, что каждый человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена законным порядком и каждый обвиняемый имеет право при рассмотрении предъявленного ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможность для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником; быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, безвозмездно

для него в любом таком случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него; пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке; не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным [2, с. 234–235].

Ответим на вопрос: зачем органу расследования и прокурору прибегать к помощи лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, в избличении иных лиц? Ответ в общих чертах прост: доказательств их вины либо нет, либо их недостаточно для преследования в обычном порядке и без такой помощи выполнение органами расследования своих прямых обязанностей представляется им затруднительным. Если же лицо не может сообщить ничего интересного для правоохранительных органов, заключение соглашения с ним, как указано в приказе Генеральной прокуратуры № 107 от 15 марта 2010 г., бесперспективно и, следовательно, нежелательно.

Интересно, что, несмотря на это, в процессе изучения судебной практики нам не встретилось дел, где нельзя было обойтись без заключения соглашения о сотрудничестве. Например, прокурором г. Мегиона в 2015 г. было заключено соглашение с одним из членов этнической группы, устанавливавшей на банкоматы скимминговые устройства и затем совершавшей хищения с пластиковых счетов граждан путем изготовления фальшивых пластиковых карт. Все банкоматы были оборудованы видеокамерами и все члены группы были засняты на видеодиски, у обвиняемых были произведены обыски и изъяты денежные средства, ноутбуки и скимминговые устройства. Соглашение было заключено с одним из четверых обвиняемых, причем данное лицо на личном автомобиле возило иных членов группы по адресам банкоматов, определяя, какие банкоматы подойдут для установки скиммингов, то есть его роль в преступлении была далеко не последней [3]. Прокурором г. Лабытнанги также в 2013 г. заключено соглашение с одним из шести членов ОПГ, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 228.1 УК РФ, при этом доказательств вины всех членов ОПГ было вполне достаточно [4].

Лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, содержащееся, как правило, в следственном изоляторе, в стесненных условиях, зачастую подавленное психологически уже в результате самого факта его уголовного преследования, очень заинтересовано в сотрудничестве со следствием, по крайней мере, государство посредством норм главы 40.1 УПК РФ его к такому сотрудничеству подталкивает и стимулирует, обещая существенное снижение наказания в обмен на предоставление им сведений в

отношении иных лиц. И чем более психически неустойчиво и неуравновешено такое лицо, чем более оно стеснено в условиях содержания, тем более оно желает сотрудничать. Достаточно очевидно, что сведения, сообщаемые таким лицом в отношении соучастников, могут не соответствовать действительности.

При этом поведение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в части желания сотрудничать с органами расследования диспозитивно, никто не может запретить ему сотрудничать и давать изолирующие показания в отношении иных лиц.

Корень зла, как представляется, кроется в положении п. 4 абз. 1 ст. 154 УПК РФ, в нормах уголовно-процессуального закона, предусматривающих выделение уголовного дела в отношении сотрудничающего лица в отдельное производство с рассмотрением такого дела в особом порядке, фактически без исследования доказательств, в то время как уголовное дело в отношении его соучастников (действительных либо предполагаемых) рассматривается в порядке общем. Это приводит к тому, что в рамках двух различных производств, без постановки вопросов сообщаемых друг другу, без сопоставления и исследования сообщаемых ими сведений, без оценки и проверки всего доказательственного массива определить степень достоверности сообщаемых тем или иным участником процесса сведений крайне затруднительно.

И предварительное следствие, и судебное разбирательство при едином расследовании и одновременном рассмотрении дела позволяют установить роль каждого из соучастников точнее и полнее, чем при выделении дел. Раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении соучастников преступления способствует возникновению множества коллизий и сложностей. Большинство опрошенных практических работников не видит смысла в выделении дела в отношении лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Более 95 % опрошенных не знают и не слышали о случаях угроз, насилия и т.д. в отношении лиц, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве, а также не видят смысла в хранении каких-либо документов по уголовному делу в отдельном конверте, так как все предполагаемые соучастники преступления и все лица, которые сотрудничают со следствием, хорошо известны и их соучастникам, и их родственникам. Наиболее частая реакция на заключение сделки – не угрозы и не действия по нейтрализации сотрудничающего, а подача аналогичного ходатайства «изобличаемого лица» с просьбой заключить сделку также и с ним.

Отметим и еще один момент. В соответствии с ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ в соглашении о сотрудничестве, заключаемом прокурором с обвиняемым (подозреваемым) должны быть указаны, помимо прочего: описание преступления с указанием времени,

места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с нормами... Кодекса; пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление; смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве. Нетрудно заметить, что квалификация, предлагаемая следователем и прокурором, является предварительной и отражает лишь их точку зрения, в дальнейшем с ней может не согласиться суд, так как вопросы окончательной квалификации совершенного преступления, определения смягчающих обстоятельств, норм уголовного законодательства, которые должны (а «не могут») быть применены к подсудимому – прерогатива исключительно суда, и никого более. Если они будут решаться судом, никакого значения квалификация преступления прокурором и определение им перечня смягчающих обстоятельств для суда иметь не должны. Иными словами, в дальнейшем суд не должен отвечать за правильность квалификации и за иные обстоятельства, определенные обвинителем. Обязательства перед обвиняемым (подозреваемым) берет также прокурор, а не суд, он, по логике вещей, и должен нести ответственность за их выполнение. Исходя из этого, если уж органы предварительного расследования и прокурор, с одной стороны, и обвиняемый, добровольно и в присутствии защитника выразивший желание сотрудничать, с другой стороны, намерены осуществлять какую-либо совместную деятельность по изобличению иных лиц, они вправе это делать на стадии предварительного расследования. Суд в дальнейшем должен не проверять значение сотрудничества, не оценивать, хорошо ли сотрудничал обвиняемый, он должен принять решение прежде всего о виновности как сотрудничающего, так и его соучастников, причем на основании всего комплекса доказательств. Само сотрудничество следует расценивать как смягчающее ответственность и наказание сотрудничающего обстоятельство.

Подводя итог, выскажем свое мнение: от использования упрощенной формы разрешения уголовного дела судом при заключении с обвиняемыми соглашений о сотрудничестве в том виде, в котором этот институт закреплен в действующем УПК РФ, следует отказаться. Лица, желающие сотрудничать со следствием и давать показания в отношении соучастников преступления, должны делать это в рамках общего, обычного порядка разрешения уголовного дела, без выделения дел в отношении них в отдельное производство. Для поощрения таких лиц в УК и УПК РФ следует сохранить преференции по наказанию, аналогичные действующим в настоящее время в отношении сотрудничающих со следствием лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. 199 с.
2. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Изд-во МНИПМ, 1998. 600 с.
3. Архив Мегионского городского суда ХМАО-Югры. Уголовные дела № 1-112/2015, 1-129/2015.
4. Архив Лабитнангского городского суда ЯНАО. Уголовные дела № 1- 213/2013, 1-297/2013.

SPECIAL PROCEDURE FOR THE RESOLUTION OF THE CRIMINAL CASE WHEN CONCLUDING THE AGREEMENT ON COOPERATION WITH THE ACCUSED: IS IT POSSIBLE TO OVERCOME THE DEFECTS?

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 55–58. DOI 10.17223/23088451/8/8

Aleksey V. Pilyuk, Megion City Court (Megion, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru

Keywords: criminal procedure, differentiation of criminal procedure forms, simplified criminal proceedings, special order of taking a judicial decision, persons cooperating with the investigating authorities.

Both preliminary investigation and judicial proceedings in the course of a one-stage trial make it possible to establish the role of each of the accomplices more accurately and completely than in case of severance. When accomplices are severed, it can lead to conflicts and difficulties. Most of the interviewed practitioners do not see any sense in severing the defendant with whom the cooperation agreement has been concluded. More than 95% of respondents do not know or have never heard about threats, violence, etc. in respect of people with whom the cooperation agreements have been concluded. They also do not see any sense in storing any documents in the criminal case in a separate envelope, since all alleged accomplices in the crime and all persons who cooperate with the investigation authorities are well known to both their accomplices and their relatives. The most frequent reaction to the agreement is neither threats nor actions to nullify the cooperation agreement, but filing a similar petition by the “exposed person” with a request to conclude a cooperation agreement as well. The simplified form of criminal case resolution by a court with concluding agreements with co-defendants must be discarded in the form it exists in the current Code of Criminal Procedure. People who want to cooperate with the investigating authorities and give evidence against their accomplices should do it within the framework of the general, usual procedure for resolving a criminal case, without severance. To encourage such people, the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should retain preferential punishments similar to those currently in effect for those who cooperate with the investigating authorities.

REFERENCES

1. Kutsova, E.F. (1973) *Garantii prav lichnosti v sovetskom ugolovnom protsesse* [Guarantees of individual rights in the Soviet criminal process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
2. Gomien, D., Harris, D. & Zwaak, L. (1998) *Evropeyskaya konventsiya o pravakh cheloveka i Evropeyskaya sotsial'naya khartiya: pravo i praktika* [European Convention on Human Rights and the European Social Charter: law and practice]. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law.
3. *The Archive of the Megion City Court of KhMAO-Ugra*. Criminal cases No. 1-112 / 2015, 1-129 / 2015.
4. *The Archive of the Labytnang City Court of YaNAO*. Criminal cases No. 1- 213/2013, 1-297 / 2013.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI 10.17223/23088451/8/9

Н.В. Ольховик

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Рассматриваются основные положения нормативных правовых актов об общественном контроле и обосновываются правовые основания осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций и направления их совершенствования.

Ключевые слова: права человека, общественный контроль, уголовно-исполнительные инспекции.

Правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, составляют Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации (например, Федеральный закон от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (например, закон Томской области № 110-ОЗ от 6.06.2006 г. «Об общественной палате Томской области» и закон Томской области № 25-ОЗ от 13.04.2016 г. «Об отдельных вопросах организации осуществления общественного контроля на территории Томской области»), муниципальные нормативные правовые акты. Осуществление общественного контроля за деятельностью в области обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественной безопасности и правопорядка, за деятельностью полиции, органов следствия, прокуратуры и судов, а также за деятельностью, связанной с исполнением наказаний, контролем за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, содержанием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказанием психиатрической помощи, регулируется Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Уголовно-исполнительные инспекции, как известно, являются учреждениями, исполняющими в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меру пресечения в виде домашнего ареста, но не относятся к местам принудительного

содержания, следовательно, положения Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» на деятельность уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний не распространяется. Таким образом, общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций по исполнению уголовных наказаний должен регулироваться специальным законом, регулирующим специфическую область осуществления общественного контроля, и нормы этого закона будут являться специальными по отношению к нормам, предусмотренным Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (общие нормы). Учитывая отсутствие специальных норм, регулирующих вопросы общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций, считаем возможным применение к регулированию этих отношений общих норм об общественном контроле, но только в части осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций не по исполнению наказаний. Руководствуясь Положением уголовно-исполнительные инспекции, помимо исполнения уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения свободы, осуществляют: контроль за поведением условно осужденных и осужденных, в отношении которых отбывание наказания отсрочено; контроль за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений; предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в инспекциях; выполняют иные задачи, возложенные на инспекции в соответствии с законодательством Российской Федерации. Таким образом, осуществление

общественного контроля по этим направлениям деятельности уголовно-исполнительных инспекций возможно, а правовые основания для его осуществления устанавливает Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон).

Этот Закон под общественным контролем понимает деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемую в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений. Субъектами общественного контроля в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» являются: Общественная палата Российской Федерации; общественные палаты субъектов Российской Федерации; общественные палаты (советы) муниципальных образований; общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Для осуществления общественного контроля в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации, могут создаваться также общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля, иные организационные структуры общественного контроля. Следует также отметить, что ст. 9 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» не упоминает граждан, которые могут участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. Хотя в самом тексте этого Закона указывается, что граждане участвуют в осуществлении общественного контроля в качестве общественных инспекторов и общественных экспертов в порядке, установленном упомянутым Федеральным законом и другими федеральными законами. Общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации вправе участвовать в осуществлении общественного контроля в соответствии с настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами. Учитывая сложившуюся практику участия общественности в деятельности уголовно-исполнительных инспекций наиболее оптимальным видится, прежде всего, осуществление общественного контроля членами Общественного Совета при Федеральной службе исполнения наказаний и общественных советов при ее территориальных органах. Однако Положения, на основании которых функционируют эти общественные советы,

такого не предусматривают и нуждаются в дополнении не только в части определения направлений деятельности, но и прав, а также обязанностей членов общественных советов.

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» определяет права и обязанности субъектов общественного контроля. Субъекты общественного контроля вправе: 1) осуществлять общественный контроль в формах, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами; 2) выступать в качестве инициаторов, организаторов мероприятий, проводимых при осуществлении общественного контроля, а также участвовать в проводимых мероприятиях; 3) запрашивать в соответствии с законодательством Российской Федерации у органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, необходимую для осуществления общественного контроля информацию, за исключением информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, сведения о персональных данных, и информации, доступ к которой ограничен федеральными законами; 4) посещать в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, соответствующие органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 5) подготавливать по результатам осуществления общественного контроля итоговый документ и направлять его на рассмотрение в органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, и в средства массовой информации; 6) в случае выявления фактов нарушения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций направлять в соответствии с федеральным законодательством материалы, полученные в ходе осуществления общественного контроля, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченным по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации и в органы прокуратуры; 7) обращаться в суд в защиту прав неопределенного кру-

га лиц, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в случаях, предусмотренных федеральными законами; 8) пользоваться иными правами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Субъекты общественного контроля при его осуществлении обязаны: 1) соблюдать законодательство Российской Федерации об общественном контроле; 2) соблюдать установленные федеральными законами ограничения, связанные с деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления; 3) не создавать препятствий законной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 4) соблюдать конфиденциальность полученной в ходе осуществления общественного контроля информации, если ее распространение ограничено федеральными законами; 5) обнародовать информацию о своей деятельности по осуществлению общественного контроля и о результатах контроля в соответствии с настоящим Федеральным законом; 6) нести иные обязанности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Исходя из толкования Закона, общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций, не связанной с исполнением наказаний, может осуществляться в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, в иных формах, не противоречащих настоящему Закону, а также в таких формах взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия. При этом общественный контроль может осуществляться одновременно в нескольких формах. Порядок осуществления общественного контроля в перечисленных формах определяется в настоящее время только этим Законом. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» заполнил правовой вакуум в сфере контроля общественности, о чем уже неоднократно отмечалось в научной литературе [1–3]. Вместе с тем, урегулировав права и обязанности субъектов общественного контроля, принципы, формы его осуществления, ответственность за воспрепятствование общественному контролю и ответственность субъектов общественного контроля, законодательство нуждается в совершенствовании. Во-первых, федеральное законодательство не предусматривает порядка взаимодействия различных субъектов общественного контроля. Во-вторых, отраслевое законодательство не упоминает некоторых субъектов общественного контроля в качестве таковых. Например, действующее уголовно-исполнительное зако-

нодательство России (ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) устанавливает правовые основы участия общественных объединений в осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека, а также содействия общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания. В этой правовой норме упоминаются общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения и попечительские советы при воспитательных колониях. Однако субъектами общественного контроля за обеспечением прав человека в исправительных центрах, исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации признает только общественные наблюдательные комиссии. Таким образом, действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации не упоминает общественные советы вообще, в том числе и в качестве субъектов общественного контроля. В-третьих, в соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» осуществление общественного контроля регулируется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами. Следовательно, регулирование вопросов общественного контроля может осуществляться как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации. Более того, Федеральный закон оставляет пространство для детальной регламентации определенных вопросов на уровне субъектов Российской Федерации. Так, законом субъекта Российской Федерации должны быть урегулированы: случаи и порядок посещения субъектами общественного контроля органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций; вопросы участия общественных советов при органах власти в осуществлении общественного контроля; полномочия, порядок организации и деятельности общественных инспекций и групп общественного контроля; порядок учета итоговых документов общественного контроля при оценке эффективности деятельности государственных и муниципальных организаций; необходимость учета органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами и организациями предложений, рекомендаций и выводов, содержащихся в итоговых документах, подготовленных по результатам общественного контроля; порядок организации и проведения общественной проверки; порядок проведения общественной экспертизы и общественного обсуждения; случаи проведения общественных (публичных) слушаний помимо предусмотренных федеральным законодательством (ч. 2 ст. 25 Феде-

рального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»).

Проведенный анализ нормативных правовых актов позволяет сделать следующие выводы и сформулировать ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» предусматривает правовые основания осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительных инспекций, не связанной с исполнением наказаний. Предметом общественного контроля должна стать деятельность уголовно-исполнительных инспекций по осуществлению контроля за поведением условно осужденных и осужденных, в отношении которых отбывание наказания отсрочено; за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений; предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в инспекциях, а также за выполнением иных задач, возложенных на инспекции в соответствии с законодательством Российской Федерации. В Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» необходимо определить порядок взаимодействия различных субъектов общественного контроля. Следует подвергнуть ревизии отраслевое за-

конодательство в части регламентации деятельности некоторых субъектов общественного контроля. В частности, необходимо дополнить ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации нормой, предусматривающей общественные советы при Федеральной службе исполнения наказаний и ее территориальных органах в качестве субъектов общественного контроля. Анализ закона Томской области № 25-ОЗ от 13.04.2016 г. «Об отдельных вопросах организации осуществления общественного контроля на территории Томской области» свидетельствует о том, что не все из перечисленных вопросов стали предметом его регулирования. В Законе Томской области следует предусмотреть пределы участия общественных советов при органах власти в осуществлении общественного контроля (ч. 1 ст. 13 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»); определить порядок учета итоговых документов общественного контроля при оценке эффективности деятельности государственных и муниципальных органов, учреждений и организаций; определить порядок организации и проведения общественной проверки, общественной экспертизы, общественного обсуждения и общественных (публичных) слушаний помимо предусмотренных федеральным законодательством (ч. 2 ст. 25 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриб В.В. Общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации как участники общественного контроля: российский и зарубежный опыт // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 3–6.
2. Дидикин А.Б. Правовые формы участия граждан в общественном контроле // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 21–24.
3. Ольховик Н.В. Взаимодействие общественных наблюдательных комиссий и общественных советов при территориальных органах ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 2 (153). С. 21–26.

THE LEGAL BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF PENITENTIARY INSPECTORATES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 59–63. DOI 10.17223/23088451/8/9
Nikolay V. Oklkhovik, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Keywords: human rights, public control, penitentiary inspectorates.

Federal Law 212-FZ of 21 July 2014 “On the Basics of Public Control in the Russian Federation” contains legal grounds for exercising public control over the activities of penitentiary inspectorates that are not related to punishment execution. The subject of public control should be the activities of penitentiary inspectorates on monitoring the behaviour of probationers and convicts whose sentence was suspended; the presence of suspects or the accused at the place of the execution of the preventive measure in the form of house arrest and their observance of prohibitions and (or) restrictions imposed by the court; prevention of crimes and other offenses by persons registered with the inspectorates, as well as other tasks assigned to inspectorates in accordance with the legislation of the Russian Federation. The author comes to a conclusion that the federal legislation should fix the order of interaction of various subjects of public control. It is necessary to supplement Article 23 of the Penal Code of the Russian Federation with a norm providing for public councils at the Federal Penitentiary Service and its territorial bodies as subjects of public control. In the laws of the subjects of the Russian Federation, it is necessary to determine the subject of the participation of public councils in the bodies of power in the exercise of public control; cases and the order of the account of final documents of public control in the estimation of the efficiency of the state and municipal organisations' activities; the procedure for organising and conducting public inspections; the procedure for conducting public examination; the procedure for conducting public discussion; additional cases of holding public hearings.

REFERENCES

1. Grib, V.V. (2015) Public associations and other non-government noncommercial organizations as participants of the public control: Russian and foreign experience. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom – Civil Society in Russia and Abroad*. 4. pp. 3–6. (In Russian).
2. Didikin, A.B. (2015) Legal forms of participation of citizens in public control. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom – Civil Society in Russia and Abroad*. 1. pp. 21–24. (In Russian).
3. Ol'khovik, N.V. (2015) Cooperation of public monitoring committees and social councils at the local bodies of FPS of the Russian Federation. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 2 (153). pp. 21–26. (In Russian).

С.М. Савушкин

**ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Рассматриваются тенденции изменения структуры исправительных учреждений в направлении их гибридации. Продолжающаяся трансформация исправительных учреждений может привести к ликвидации отдельных видов исправительных учреждений. В условиях создания изолированных участков различных видов на территории исправительных учреждений будет происходить улучшение правового статуса осужденных в направлении обеспечения их безопасности и увеличения вероятности отбытия наказания на территории субъекта, где они проживали или были осуждены.

Ключевые слова: *виды исправительных учреждений, структура исправительных учреждений, дифференциация осужденных.*

В исправительных учреждениях (далее – ИУ) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ) происходят количественные и качественные изменения состава осужденных. Гуманизация уголовного законодательства способствует тому, что наименее опасную часть преступников осуждают к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, как это и должно быть, по нашему мнению. По данным всемирной тюремной интерактивной информационной базы данных Россия по состоянию на 01.08.2016 г. занимала десятое место по числу осужденных к лишению свободы на душу населения (Institute for Criminal Policy Research. <http://www.prisonstudies.org>). Десять лет назад в мировом рейтинге мы занимали вторую позицию (World Prison Population List <http://www.webcitation.org/6183crMfV>).

В 2007 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 883,4 тыс. человек, в 2012 г. – 701,9 тыс. человек, а по состоянию на 1 января 2017 г. – 630,1 тыс. человек.

В 2015 г. общее число зарегистрированных преступлений среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составило 940. В воспитательных колониях (далее – ВК) совершено 5 преступлений, в тюрьмах – 2, в следственных изоляторах (далее – СИЗО) – 90, в помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора (далее – ПФРСИ), – 5. Основная часть совершенных преступлений в УИС приходится на исправительные колонии (далее – ИК) – 838. Уровень преступлений среди осужденных, содержащихся в ИК ФСИН России, в расчете на 1 000 человек составил 1,59.

В.А. Уткин отмечает, что на сегодняшний день происходят существенные изменения в структуре контингента осужденных в исправительных колониях для взрослых [1, с. 12]. Доля осужденных к лишению свободы в 2 раза и более увеличилась с 52 % в 2003 г. до 63 % в 2015 г. При этом последовательно снижается удельный вес осужденных молодежного возраста (18–25 лет). Если в 2010 г. она составляла примерно 23,4 % всех осужденных в исправи-

тельных колониях, то в 2013 г. – 18,9 %, а в 2015 % – всего 16,2 %. За убийства из числа отбывающих наказание в исправительных колониях в 2003 г. было осуждено 15,8 % человек, в 2010 г. – 24,7 %, в 2015 г. – 27,5 %. Возрастает общее число и удельный вес отбывающих наказание за преступления, связанные с наркотиками: в 2003 г. – 9,7 % всех осужденных; в 2010 г. – 17,9 %; в 2015 – 25,6 %.

Также хотелось бы сказать и о динамике изменения численности осужденных, содержащихся в воспитательных колониях. Так, по состоянию на 2015 г. в воспитательных колониях содержалось 1 683 осужденных, что на 5,4 % меньше, чем АППГ – 1 779. Было совершено 5 преступлений, 2 – дезорганизация (одно совершено по ч. 3. ст. 321 УК РФ). Также было 27 попыток дезорганизации, 10 попыток захватов заложников и 72 попытки побега, которые были предотвращены, а общее число предотвращенных преступных намерений, деяний составило 720 при наличии 770 осужденных, состоящих на профилактическом учете.

В.И. Селиверстов отмечает, что в зависимости от характера и тяжести совершенных преступлений, а также поведения в местах лишения свободы уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ) выделяет 22 категории осужденных, имеющих различное правовое положение. При присоединении к этому числу осужденных, которые должны содержаться отдельно или раздельно от других категорий, данное число категорий достигает сорока. Дальнейшая дифференциация осужденных, по его мнению, будет связана со значительными материальными затратами и может повлечь сокращение социально полезных связей осужденных с семьей и другими категориями граждан [2, с. 18]. С этим сложно поспорить, так как на данный момент указанное число категорий требует значительных материальных затрат, что особенно заметно в период оптимизации бюджетных расходов.

Механизм распределения осужденных по ИУ нуждается в совершенствовании. Он будет заключаться в том числе и в пересмотре категорий осуж-

денных, которые должны содержаться изолированно друг от друга. Уже на сегодняшний день закрепленные положения ст. 74 в процессе отбывания наказания могут пересматриваться. Сначала исправительная колония общего или строгого режима, а позже по ходатайству администрации ИУ суд может перевести осужденного в колонию-поселение или при признании его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания перевести в тюрьму. А ведь далеко не всех переводят в тюрьму после признания их злостными нарушителями.

Одним из оснований дифференциации осужденных в исправительных учреждениях можно выделить факт постановки осужденного на профилактический учет. На 1 октября 2016 г. на профилактическом учете исправительных колоний территориальных органов УИС состояло 83 171 осужденных, из них: 40,13 % – склонных к суициду и членовредительству; 25,96 % – склонных к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность; 13,21 % – склонных к употреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих препаратов и алкогольных напитков; 8,44 % – склонных к совершению побега; 7,85 % – склонных к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка; 6,26 % – склонных к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь-декабрь 2015 г. / Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2016. С. 32).

Повторное нарушение установленного порядка отбывания наказания является основанием для признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Данная часть осужденных представляет небольшую часть осужденных к лишению свободы, но довольно криминально опасную, что позволяет констатировать о необходимости содержания определенной их части отдельно от общей массы осужденных.

В.Е. Южанин предлагает оставить ПКТ в качестве меры взыскания, а ЕПКТ определить иное назначение – меры безопасности [3, с. 11]. Нам представляется, что указанное предложение могло бы улучшить ситуацию, если бы не факт того, что не во всех регионах в ЕПКТ обеспечивается должная изоляция.

По нашему мнению, необходимо законодательное закрепление изменений, согласно которым категории осужденных состоящих на профилактическом учете как лидеры или активные участники группировок отрицательной направленности, возможно в рамках реализации мер безопасности переводить в строгие условия содержания.

По состоянию на 01.01.2016 г. 20 596 осужденных находилась в запираемых помещениях для содержания осужденных в строгих условиях отбывания наказания, водворенных в ШИЗО, переведенных в ЕПКТ, ПКТ, одиночную камеру колонии особого

режима (Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь-сентябрь 2015 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2016. С. 17).

Однако сохраняется проблема обеспечения личной безопасности осужденных в связи с противоправными действиями, а также негативным влиянием лидеров и членов группировок криминально ориентированных осужденных и злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания. Так, в Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы 2017–2025 годы» отмечается, что только в 12 субъектах РФ имеющиеся единые помещения камерного типа позволяют обеспечить эффективную изоляцию указанных лиц от основной массы осужденных (Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы) : Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 г. № 2808-п // <http://www.pravo.gov.ru>).

В уголовно-исполнительной классификации ИУ прежде всего выделяется четыре вида, а в дальнейшем законодатель определяет подвиды исправительных колоний (колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого и особого режимов).

По мнению В.А. Уткина, основанному на анализе авторитетных международных документов, вид учреждения, в сущности, определяется двумя критериями: 1) качественно отличной степенью (мерой) изоляции от общества и 2) способами внутреннего организационно-пространственного размещения осужденных (общежития либо камеры). С этих позиций во всяком случае следует разделять по первому критерию так называемые «открытые» и «закрытые» учреждения, а по второму (среди «закрытых») – исправительные колонии (с размещением осужденных в общежитиях) и тюрьмы (с камерным содержанием той или иной степени строгости). Такой подход продемонстрирован, в частности, в ст.ст. 9, 60, 62 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. С учетом этой градации в России, впрочем, как и за рубежом, фактически существует всего три вида учреждений: «открытые» (исправительные колонии-поселения), «закрытые» (охраняемые исправительные и воспитательные колонии) и тюрьмы (которые, как известно, в лексиконе осужденных именуются как «крытые»).

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (ст. 8) высказывались на этот счет предельно конкретно, не отдавая предпочтения ни одному из вариантов: «Различные категории заключенных содержатся в различных заведениях или в разных частях того же заведения с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними.

Статистические данные о численности осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, а также сложность транспортной логистики говорят о необходимости обсуждения перспектив отбывания

наказания данной категории осужденных в локальных участках исправительных колоний общего режима. Данные изменения могут относиться и к бывшим сотрудникам правоохранительных органов и судов.

В 2009 г. осужденный В.П. Кирильчук, до привлечения к уголовной ответственности проживавший и работавший в Самарской области, как бывший сотрудник правоохранительных органов был направлен для отбывания наказания в специализированное исправительное учреждение Республики Мордовия. В. П. Кирильчук считал, что такое перемещение нарушает его права, в частности, является причиной изменения привычных климатических условий, разрыва социальных связей, а также создает трудности для реализации права на юридическую помощь, поскольку его представитель проживает в том же регионе, где ранее проживал он сам. Конституционный Суд РФ, изучив представленные им материалы, не нашел оснований для принятия его жалобы к рассмотрению. Но перечисленные аргументы осужденным могут являться маленьким камнем в основе пересмотра ч. 3 ст. 80 УИК РФ в части возможности отбывания наказания данной категорией осужденных в локальных участках исправительных колоний, расположенных на территории субъектов, где они были осуждены.

В долевом соотношении количества осужденных, содержащихся в различных видах ИУ, доминирующее место занимают исправительные колонии строгого режима (54,3 %), исправительные колонии общего режима занимают второе место (26,8 %), во всех остальных видах исправительных учреждений осужденных содержится не более 6 % (Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь-декабрь 2015 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2016. С. 7).

На сегодняшний день возможна трансформация структуры исправительных учреждений в направлении объединения нескольких учреждений под общим периметром (общей охраной) и как следствие уменьшение служб охраны. Речь идет не о повсеместной практике объединения учреждений, а учреждениях, архитектура которых позволяет проводить данные изменения. Данный опыт необходимо учитывать при строительстве новых учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. На сегодняшний день данный опыт используется в 7 исправительных колониях, 3 воспитательных колоний и 18 следственных изоляторов, которые находятся на территории и под охраной других учреждений (Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Январь-декабрь 2015 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2015 г. С. 315). В какой-то мере два учреждения, находящихся под периметром одного учреждения, можно считать одним ИУ с разными видами режима.

Согласно действующему законодательству, в исправительных колониях могут создаваться изолированные участки с различными видами режима, а также изолированные участки, функционирующие как тюрьма. На сегодняшний день пенитенциарная система России включает в себя 8 тюрем. Количество содержащихся в них лиц, которые отбывают наказание, 1 705.

Очередным шагом трансформации исправительных учреждений является возможность создания на территории ИУ транзитно-пересыльных пунктов (далее – ТПП). Порядок создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при ИУ и СИЗО УИС определяется приказом МЮ России от 22.08.2014 г. № 179 «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы». ТПП имеют тюремные начала в части содержания осужденных в камерах.

С 1 января 2017 г. допускается создание исправительных центров в качестве изолированных участков в структуре ИУ, и данное новшество является очередным этапом в трансформации ИУ. Исправительные центры исполняют уголовные наказания в виде принудительных работ. В отдельных случаях возможны случаи, когда осужденные к принудительным работам будут пересекаться с осужденными к лишению свободы, которым разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ИУ.

Изменения структуры и системы ИУ определяются реалиями времени и оказывают существенное влияние на развитие института дифференциации осужденных к лишению свободы. Необходимо комплексно анализировать перспективы реализации международных стандартов исполнения наказания в виде лишения свободы, учитывать географические особенности РФ, от которых в большой степени зависит транспортная логистика (конвоирование осужденных и свидания с родственниками).

В отношении отдельных ИУ, количество осужденных в которых значительно меньше установленного лимита наполнения, проводятся мероприятия, направленные на их ликвидацию и перепрофилирование (изменение типов учреждений, видов режима). Закрытие в первую очередь подлежат исправительные учреждения со значительным износом основных фондов, с ветхими и аварийными зданиями, в которых отсутствует производственная база для трудоустройства осужденных, исправительные учреждения, находящиеся в зонах подтопления, а также расположенные на значительном расстоянии от областных центров. В 2011 г. было ликвидировано 22 таких исправительных учреждения, в 2012 г. – 12, в 2013 г. – 19, в 2014 г. – 19, в 2015 г. – 15 исправительных учреждений.

Процесс ликвидации ИУ связан с изменением численности осужденных, а также их физическим устареванием. На балансе учреждений УИС числятся 54 457 зданий и сооружений, из которых более 60 % построены в середине XX в. без соблюдения строительных, санитарных и пожарных правил и норм, 19 % зданий являются деревянными (Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы): Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 г. № 2808-р // <http://www.pravo.gov.ru>).

В определенной мере на структуру ИУ оказывает процентное отношение осужденных, освободившихся из исправительных учреждений без профессии, и числа обученных и обучающихся осужденных, что является показателем государственной программы «Юстиция», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 312. Разумным продолжением обучения осужденных являются мероприятия, направленные на трудоустройство 100 тыс. осужденных. Данное мероприятие предусматривается концепцией Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)».

Одной из целей концепции развития УИС РФ до 2020 г. является совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития [1, с. 14]. Для достижения поставленной цели необходимо решить одну из задач, направленную на создание условий для постепенного снижения количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении в исправительных учреждениях.

Одним из мероприятий, которое планируется выполнить в процессе реализации концепции, является дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим – с другой). Нам представляется избыточным перечень оснований для перевода в колонию-поселение. Можно исключить из ст. 78 УИК РФ основание, позволяющее переводить положительно характеризующихся осужденных (за особо тяжкие преступления) из исправительных колоний строгого режима в колонию-поселение. Первая причина такого преступления обосновывается большой разницей между осужденными по совершенному преступлению в соответствии с основами классической школы уголовного права, а вторая – законодатель позволяет использовать социологическую школу при переводе, что видится заманчивым приемом, но не совсем верным.

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) требуют индивидуального подхода к заключенным, а следовательно, и наличия гибкой системы их классификации. Отмечается, что группы заключенных рекомендуется помещать в отдельных тюремных учреждениях, подходящих для работы с каждой из них. Одинаковые меры охраны для каждой группы являются не обязательным условием для учреждений такого типа. В зависимости от групп заключенных желательно градуировать строгость этих мер. Одной из целей Правил Манделы является отделение заключенных от тех, кто в силу своего преступного прошлого или своих черт характера грозит оказать на них плохое влияние. Фактически Правила рекомендуют проводить прогнозирование возможного противоправного поведения заключенного на основе определенных критериев, в том числе и черт характера. Представляется актуальным в дальнейших работах проанализировать судебную практику по переводу из исправительных колоний общего и строго режима в колонию-поселение для вычленения критериев, на основании которых осужденных считают положительно характеризующимися и достойными такого перевода.

В Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» отмечается, что сложившаяся в настоящая время система исправительных учреждений и их территориальное расположение не позволяют в полном объеме осуществить законодательно закрепленный принцип отбывания осужденными наказания в ИУ в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены (Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы): Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 г. № 2808-р // <http://www.pravo.gov.ru>).

Хотелось бы отметить, что данное требование не является правовым принципом. Данное положение закреплено в ст. 73 УИК РФ. В данном случае отсутствует необходимость ровняться на Европу в контексте географических особенностей и плотности населения. В России на один субъект Федерации приходится 1,75 млн жителей (без учета Москвы и Московской области, в указанных двух субъектах проживает около 20 млн человек), а, например, в США и Бразилии на один субъект приходится примерно по 5 млн человек, т.е. больше, чем у нас, в 2,5–3 раза. Общее количество субъектов у нас на сегодняшний день – 85, в то время как в Бразилии – 27, Германии – 16, Индии – 36, в США – 50. В тринадцати субъектах РФ население меньше 500 тыс. человек. Создавать в каждом из них все виды исправительных учреждений не представляется разумным.

Н.В. Бозо и Г.В. Михеева отмечают, что в настоящее время существует необходимость глубокого реформирования всей административно-террито-

риальной организации России с изменением характера и масштаба ее звеньев, прежде всего основных, поскольку они малопригодны для налаживания действенного государственного управления в условиях рыночной экономики [4, с. 191]. При объединении субъекта РФ, в котором отсутствуют отдельные исправительные учреждения с субъектом РФ, где такие проблемы отсутствуют, автоматически в двух регионах пропадут нарушения ст. 73 УИК РФ в части отбывания наказания в пределах территории субъекта РФ, в котором осужденные проживали или были осуждены.

По мнению В.Е. Южанина, необходимо, чтобы групповая дифференциация и распределение осужденных в ИУ осуществлялась с учетом меняющейся структуры пенитенциарных учреждений, в которых могут создаваться различные изолированные участки с содержанием в них разного контингента осужденных [5, с. 14].

Можно отметить этапы трансформации:

- в 2001 г. появилась возможность создания в одной исправительной колонии изолированных участков с различными видами режима;

- в 2003 г. появилась возможность создания в воспитательных колониях изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима;

- в 2012 г. для временного содержания осужденных, следующих к месту отбывания наказания либо перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, при исправительных учреждениях и следственных изоляторах стали создаваться транзитно-пересыльные пункты;

- в 2013 г. в исправительных колониях разрешили создавать изолированные участки, функционирующие как тюрьма;

- с 1 января 2017 г. разрешено создавать изолированные участки, функционирующие как исправительные центры при исправительных учреждениях.

В заключение можно констатировать, что опыт трансформации исправительных учреждений в направлении развития тюремных начал и гибридации является положительным. Имеется необходимость ликвидации воспитательных колоний и пересмотра положений, направленных на конвоирование осужденных бывших сотрудников правоохранительных органов и судов в отдельные исправительные учреждения, расположенные в определенных субъектах, а взамен создавать изолированные участки в колониях, расположенных в субъектах, где они проживали или были осуждены. Такую трансформацию необходимо проводить с учетом архитекторики исправительных учреждений, которые находятся в удовлетворительном состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. Судебная практика и уголовно-исполнительная политика // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.): в 2 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 10–16.
2. Селиверстов В.И. Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе // Актуальные вопросы юриспруденции. 2009. № 5. С. 16–20.
3. Южанин В.Е. Режимы наказания, обеспечения его отбывания и безопасности в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1 (84). С. 9–12.
4. Бозо Н.В., Михеева Г.В. Влияние изменений в административно-территориальном делении РФ на социальные и экономические показатели // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 190–197.
5. Южанин В.Е. Современные проблемы классификации осужденных и распределения их в исправительном учреждении // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 14–18.

PROSPECTS OF THE TRANSFORMATION OF THE SYSTEM AND STRUCTURE OF CORRECTIONAL FACILITIES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 64–69. DOI 10.17223/23088451/8/10

Sergey M. Savushkin, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: crimjust@mail.ru

Keywords: types of correctional facilities, structure of correctional facilities, differentiation of convicts.

The article examines the trends in the structure of correctional facilities in terms of their hybridization. The ongoing transformation of correctional facilities may lead to the elimination of their separate types. The stages of the transformation of the system and structure of correctional facilities are as following. In 2001, it became possible to make isolated sections with different types of regime in one correctional facility. In 2003, it became possible to make isolated sections in educative colonies that function as correctional colonies of general regime. In 2012, transit points were established in prisons and detention facilities for temporary detention of convicts who are sent to the place of serving punishment or transferred from one place of serving punishment to another. In 2013, correctional colonies were allowed to make isolated sections that function as prisons. From January 1, 2017, it is allowed to establish isolated sections that function as correctional centres at correctional facilities. It can be concluded that the experience of transforming correctional facilities towards prison principles development and hybridization is positive. There is a need to eliminate educative colonies and review provisions on conveying the convicted former law enforcement and court officers to separate correctional facilities located in certain RF subjects, and, in return, to establish isolated sections in colonies located in the RF subjects where such officers lived or were convicted. The transformation must be carried out taking into account the architectonics of correctional facilities that are in a satisfactory condition.

REFERENCES

1. Utkin, V.A. (2016) [Judicial practice and the penal policy]. *Ugolovno-ispolnitel'naya politika i voprosy ispolneniya ugovolnykh nakazaniy* [The penal policy and execution of criminal punishments]. Proc. of the international conference. Ryazan. 24–25 November 2016. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii. pp. 10–16. (In Russian).
2. Seliverstov, V.I. (2009) Nekotorye napravleniya ugovolno-ispolnitel'noy politiki Rossii na sovremennom etape [Some directions of the penal policy of Russia at the present stage]. *Aktual'nye voprosy yurisprudentsii*. 5. pp. 16–20.
3. Yuzhanin, V.E. (2014) Modes of punishment, ensuring its security and serving in prisons. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment*. 1 (84). pp. 9–12. (In Russian).
4. Bozo, N.V. & Mikheeva, G.V. (2015) Influence of changes in administrative-territorial division of the Russian Federation on social and economic indicators. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 400. pp. 190–197. (In Russian).
5. Yuzhanin, V.E. (2015) Modern problems of classification and distribution of prisoners in correctional institutions. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 2. pp. 14–18. (In Russian).

УДК 343.137.5: 343.850: 343.26

DOI 10.17223/23088451/8/11

П.В. Тепляшин

ПРИБАЛТИЙСКИЙ ТИП ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ

Обосновывается, что для прибалтийского пенитенциарного типа характерна реализация преимущественно западноевропейских образцов обращения с заключенными, что предполагает в основном тюремно-покамерное размещение осужденных с элементами прогрессивной системы. Показано участие стран в международных проектах, внедрение индивидуальных программ отбывания наказания и использование токсикологического тестирования осужденных. Обращается внимание на недостатки в организации деятельности тюрем.

Ключевые слова: Департамент пенитенциарных учреждений Литвы, модель размещения осужденных, проект «Норд-Балт», Таллиннская тюрьма.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (в редакции от 23 сентября 2015 г.) говорится о совершенствовании деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития [1]. Реализация таких стандартов отражается в практической стороне деятельности органов управления и функционирования исправительных учреждений, процедурах обращения с осужденными и опыте правового регулирования их исправления и реабилитации в зарубежных странах. Соответственно обратиться к научно обоснованным перспективам модернизации отечественного законодательства в сфере исполнения уголовных наказаний и по новому взглянуть на правоприменительную практику, сопутствующую реформированию уголовно-исполнительной системы, позволяет исследование европейских пенитенциарных систем.

Научный интерес представляет прибалтийский тип европейских пенитенциарных систем (Эстония, Латвия, Литва), который обладает определенными особенностями, заслуживающими самостоятельного рассмотрения. Так, в условиях распространенного мнения о том, что эталонной моделью обращения с осужденными выступают пенитенциарные системы стран Западной Европы, государства, представляющие прибалтийский тип, являются своеобразной площадкой верификации активно внедряемых западных образцов в сфере исполнения уголовных наказаний. Более того, как и Россия, прибалтийские государства осуществляют активные пенитенциарные преобразования, но вместе с тем переживают дефицит их экономического сопровождения.

Прибалтийский пенитенциарный тип (Эстония, Латвия, Литва) основывается на тесном географическом и историческом соседстве трех государств, в настоящее время заинтересованных в восприятии как можно в большей степени идеалов западноевропейского права для модернизации публичного права, на которое определенное время оказывалось воздействие со стороны социалистической правовой системы.

Органы управления пенитенциарными учреждениями в государствах прибалтийского пенитенциарного типа подведомственны соответствующим министерствам юстиции.

Тюремная администрация Латвии осуществляет управление исправительными учреждениями (всего их 12), подразделяющимися в зависимости от степени обеспечения безопасности персонала и общества на три типа: закрытого (4 учреждения), полуоткрытого (к данному виду можно также отнести исправительную колонию для несовершеннолетних юношей) и открытого (4). В Латвии несовершеннолетние мужского пола отбывают наказание в исправительном учреждении для несовершеннолетних в Цесисе, несовершеннолетние женщины в отдельном блоке тюрьме Ильгюциемс. При этом значимость для тюремного ведомства задач по ресоциализации и социальной адаптации осужденных объясняет подчиненность ему также Государственной службы пробации, созданной в 2003 г. Не случайно специалистами отмечается, что «появление института пробации в Латвии продолжает реформу уголовно-исполнительной системы, начавшуюся с тюремной реформы, отмены смертной казни» [2, с. 132].

Департаменту пенитенциарных учреждений Литвы подчиняется 9 учреждений, включая 4 исправительных дома, 1 исправительный дом – следственный изолятор, 2 следственных изолятора, 1 тюрьму, 1 тюремную больницу, а также учебный центр для сотрудников и 4 службы пробации [3].

Тюремная служба Эстонии для государства с наибольшим населением имеет достаточно разветвленную систему, которая находится под непосредственным контролем со стороны Канцелярии Канцлера юстиции [4]. Таллиннская и Тартуская тюрьмы относятся к исправительным учреждениям закрытого типа, в первой из которых находится медицинское исправительное учреждение, мужская закрытая тюрьма Вильянди, которая имеет открытое отделение для содержания несовершеннолетних юношей, учреждение Харку и Муру представляет объединение закрытой и открытой тюрем, включая отдельные блоки для содержания несовершеннолетних девушек, престарелых осужденных и лиц женского

пола, проходящих реабилитацию после лечения от наркотической зависимости. Виру – объединение закрытой и открытой тюрем, арестного дома и следственного изолятора [5].

Среди основных правовых актов, регламентирующих сферу исполнения уголовных наказаний в Латвии, следует отметить Конституцию 1998 г., Уголовный кодекс 1998 г., Кодекс об исполнении наказаний 1998 г., Тюремный закон об администрации 2002 г., Тюремные административные правила 2005 г., Тюремные внутренние правила 2006 г. В Литве – это Конституция 1992 г., Уголовный кодекс 2000 г., Закон о судах 1994 г., Уголовно-процессуальный кодекс 2002 г., Правила для пенитенциарных учреждений, утвержденные Министерством юстиции в 2000 г., Служебный устав Департамента пенитенциарных учреждений 2000 г. С 2000 г. принимаются Уставы тюрем, закрепляющие основные задачи пенитенциарных учреждений, включая подготовку осужденных к освобождению и интеграции в общество. Также следует обратить внимание на Санитарные правила для помещений, содержания и охраны здоровья в местах содержания под стражей в Республике Литва, изначально утвержденные Министерством здравоохранения в 1999 г., на основании которых были разработаны стандарты по минимальной площади для каждого заключенного, в том числе отбывающих наказание, и закреплены гарантии на отдых, ежедневную прогулку на открытом воздухе продолжительностью не менее часа (независимо от поведения заключенного), предусмотрена возможность готовить самостоятельно пищу, более частое получение передач и увеличение их разрешенного веса. Среди основных эстонских источников следует отметить Уголовный кодекс 2001 г. (также официально именуемый Пенитенциарным кодексом), Уголовно-процессуальный кодекс 2003 г., Кодекс этики тюремных служащих 2008 г., Закон от 19 ноября 1997 г. № 87 «О пенитенциарном регистре», Закон от 14 июня 2000 г. № 58 «О тюремном заключении», а также постановление Министерства юстиции от 30 ноября 2000 г. № 72 «О правилах внутреннего распорядка тюрьмы».

На основе информации, полученной на официальном сайте Международного центра тюремных исследований [6], можно сделать вывод, что прибалтийскому типу (приводятся средние по трем странам величины) свойственен один из самых высоких среди всех типов европейских пенитенциарных систем коэффициент заключенных (274), что при ниже нормативной наполняемости исправительных учреждений (90,8 %) свидетельствует о значительных площадях и количестве исправительных учреждений (включая тюремные больницы и учреждения предварительного заключения) Латвии, Литвы и Эстонии (по 11, 15 и 4 соответственно в каждой стране). При этом следует учитывать, что в этих странах за последние десятилетия наблюдается снижение общего числа заключенных. Например, в Латвии, Литве и Эстонии в 1992 г. содержалось

8340, 9175 и 4778 заключенных соответственно, в 1995 г. – 9457, 12782 и 4401, в 1998 г. – 10070, 13628 и 4769, в 2004 г. – 8179, 8063 и 4577, в 2007 г. – 6548, 8079 и 4310, в 2010 г. – 7055, 8655 и 3555, по состоянию на апрель 2014 г. в Латвии – содержалось уже только 5280 заключенных, по состоянию на сентябрь 2013 г. в Литве – 9509, по состоянию на сентябрь 2014 г. в Эстонии 3075 лиц находилось в тюремном заключении. Эти статистические данные говорят о том, что для прибалтийского типа пенитенциарной системы свойственно, с одной стороны, традиционно высокий уровень «тюремного населения», с другой – положительная динамика (при определенной «волнообразности») в части постепенного снижения фактического количества осужденных. Также следует указать на ощутимый удельный вес заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных (13,5 %).

Данный тип по существу имеет переходный характер, поскольку он характеризуется попыткой отхода от советской модели пенитенциарной системы к реализации образцов преимущественно западноевропейской модели. Например, ярко это прослеживается в рамках реализованного в период с 1997 по 2004 г. проекта «Норд-Балт» – своеобразное содружество между отдельными исправительными учреждениями Швеции, Норвегии и Латвии. По мнению О.А. Ивановой, позитивная роль проекта состоит в том, что если «десять лет назад абсолютное большинство осужденных проводило время в праздности, то сегодня 30 % из них работают или осваивают профессию. Это тоже, конечно, малый показатель, но по сравнению с тем, что было, прогресс налицо. Самый большой процент работающих и осваивающих профессии – в Ильгюциемской женской тюрьме (90 %). Сейчас трудоустройством осужденных занимается специально созданный в Управлении местами заключения отдел занятости, который договаривается с частными фирмами об обучении заключенных разным профессиям» [7, с. 61].

Наблюдается достаточно активное сотрудничество с пенитенциарными органами управления европейских стран и участие в различных международных проектах по развитию прогрессивных форм и методов обращения с осужденными. Так, совместно с Европейским институтом по предупреждению преступности и борьбе с ней (The European Institute for Crime Prevention and Control) Литва, Латвия и Эстония принимает участие в проекте «DAPHNE Strong», который координируется Научно-исследовательским институтом медицинской ассоциации Германии и финансируется программой Европейской комиссии DAPHNE III [8]. Причем нельзя не заметить, что начиная с 2011 г. первыми активными участниками проекта выступили такие государства, как Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания [9]. Целью проекта выступает оптимизация существующих европейских программ и практик обращения с заключенными женщинами, испытывавшими различные формы физического и сексуального насилия [10].

Основными зарубежными партнерами по линии оптимизации практики обращения с осужденными выступают Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Великобритания, Германия и Грузия. В частности, общение эстонских пенитенциарных специалистов с коллегами тюремной системы Великобритании осуществляется в рамках программы Европейского Союза EQUAL развития международного партнерства «New Horizons» и при посредничестве Целевого учреждения по предупреждению преступности (Kuriteoennetuse Sihtasutus), Германии – посредством прохождения непродолжительного обучения в образовательных заведениях, занимающихся обучением тюремных работников, Швеции – в рамках проекта «Представитель для контактов», что привело к значительным корректировкам штатной структуры и функций персонала Таллиннской тюрьмы, Норвегии – по реализации применяемой в норвежских исправительных учреждениях с 2003 г. мультимодальной мотивационной программы для женщин-заклученных [11, р. 298] (VINN – от норвежского слова «vin» – выиграть), которая представляет налаживание сотрудничества между сотрудниками исправительного учреждения и осужденными женщинами с целью формирования последними личной автономии, сильных качеств личности, извлечения внутренних ресурсов за счет увеличения объема персональной осведомленности и расширения стратегии выживания [12, р. 81–96]. Кроме того, Министерство юстиции Эстонии принимало участие в двухгодичной программе TACIS, проходившей под управлением Европейской комиссии, в рамках которой проводятся консультации и обучение по организации профессионального обучения заключенных, по программам возвращения в общество, особенностям процесса досрочного освобождения, а также с принципами обеспечения надзора и безопасности в местах лишения свободы.

Специалистами в области пенитенциарной компаративистики не без основания делается вывод о том, что международные проекты позволили Эстонии «приблизить деятельность пенитенциарных органов к международным стандартам, реформировать систему пенитенциарных органов, улучшить статус лиц, отбывающих наказание» [13, с. 32].

Условия содержания заключенных во многих исправительных учреждениях строятся на тюремно-покамерной модели размещения осужденных с элементами прогрессивной системы (высокий, средний и низкий уровни), при которой исправительное воздействие предусматривает допуск осужденного к различным фазам воздействия (используются элементы французского типа пенитенциарной системы). Также допускается размещение осужденных по четыре в камере с попытками организации исправительного воздействия посредством использования труда (как оплачиваемого, так и неоплачиваемого) заключенных в мастерских и мини-цехах (используются элементы германского типа пенитенциарной системы).

В некоторых полуоткрытых тюрьмах, в первую очередь в Латвии, осужденные размещаются в общежитиях по 30–60 человек, что, как отмечается в специальных исследованиях, является наследием советских времен [14]. Однако тяготение к западной модели режима демонстрирует повышение требований к обеспечению безопасности исправительных учреждений и постепенный переход к покамерному принципу размещения осужденных. Соответственно закономерной является модель, на которую указывает такой видный отечественный ученый-пенитенциарист, как В.А. Уткин, согласно которой элементы режима уже не имеют четкой детализации в правовых актах, он устанавливается и меняется во внесудебном порядке, но в условиях судебного контроля, критериями строгости режима выступают личность осужденного и динамика её изменения в процессе отбывания наказания [15, с. 53–54].

Однако в следственных изоляторах и закрытых исправительных учреждениях (в том числе в Рижской центральной тюрьме) практикуется камерное содержание осужденных с ежедневными прогулками около 1 часа. В полуоткрытых тюрьмах осужденным предоставляется возможность посещения в рамках исправительного учреждения школы, профессионального училища, ремесленных цехов, комнат психологической разгрузки и работы с воспитателями, досуговые и спортивные площадки, мест приготовления и приема пищи, санитарно-прачечных и иных помещений. В открытых тюрьмах при отсутствии дисциплинарных взысканий предусмотрены длительные свидания, упрощенный пропускной режим, кратковременные выходы для посещения социальных служб, допускается раз в месяц покидать исправительное учреждение, закрепления на несколько дней в целях установления, закрепления или сохранения социально-полезных связей [16].

Достаточно активно внедряются индивидуальные программы отбывания наказания. Например, согласно ч. 1 ст. 16 Закона Эстонии от 14 июня 2000 г. № 58 «О тюремном заключении», в отношении осужденного, срок отбывания тюремного заключения которого превышает один год, составляется индивидуальная программа исполнения наказания, в которой предусматривается: 1) размещение заключенного в тюрьме; 2) перевод заключенного в тюрьму открытого типа или другую тюрьму закрытого типа; 3) трудоспособность и профессиональные навыки заключенного; 4) необходимость в получении заключенным общего образования или профессионального образования либо трудового обучения; 5) применяемые к заключенному льготы; 6) меры, необходимые для подготовки заключенного к освобождению; 7) иные меры, необходимые для достижения целей исполнения наказания в виде лишения свободы. В ч. 2 указывается, что с заключенным обсуждается составленная в отношении него индивидуальная программа исполнения наказания.

Рассматриваемый тип европейских пенитенциарных систем характеризуется широкой практикой

использования токсикологического тестирования (при поступлении и затем, как правило, дважды в течение года) направляемых в исправительные учреждения осужденных, ведение электронных баз данных, специально предназначенных для учета заболеваний (в основном, иммунодефицита, гепатита В и С, наркомании, туберкулеза) лиц, отбывающих наказания, результатов проводимого лечения и реабилитации. Например, в тюрьмах Эстонии в конце 2012 г. 15,6 % всех заключенных имели диагноз ВИЧ-инфицирования, а 28,5 % – больные наркоманией (50 % из которых использовали опиаты). Однако именно в этой стране наблюдаются установления диагноза отрицательного диагноза ВИЧ-инфицирования при освобождении в 97 % (по состоянию на март 2013 г.) [17, р. 33]. При этом важно заметить, что указанное государство находится на третьем месте среди европейских государств (после России и Украины) по уровню ВИЧ-инфицирования населения (27,3 на 100 тыс.) [18], поэтому, на фоне выводов специалистов о сложной обстановке с охраной здоровья лиц, содержащихся в местах изоляции от общества, в целом по Европе [19, р. 5–8], действия администрации Тюремного управления Эстонии наглядно отражают их усилия по лечению и реабилитации больных осужденных.

Обращает внимание достаточно детальная правовая регламентация и энергичная работа пенитенциарных учреждений по воспитательной и ресоциализирующей работе с несовершеннолетними осужденными. Так, согласно ч. 1 ст. 62 Кодекса об исполнении наказаний Латвии, работа с осужденными в местах лишения свободы должна осуществляться в рамках ресоциализации и в целях обеспечения того, чтобы молодые люди могли приобретать общее образование. Причем в соответствии с ч. 7 ст. 50.7 отмеченного Кодекса процесс образования в отношении несовершеннолетних в исправительных учреждениях должен быть приближен к требованиям общеобразовательных учреждений, что необходимо регулировать инструкцией, согласованной с министерством образования и науки и утвержденной министром юстиции. Статья 50.18 указанного правового акта Латвии (в редакции от 1 февраля 2015 г.) регламентирует процедуру принятия решения аттестационной комиссии исправительного учреждения по смягчению режима исполнения наказания в целях ресоциализации несовершеннолетнего осужденного, а также по рассмотрению вопроса об его оставлении в воспитательном учреждении по достижении 18-летнего возраста с целью закончить учебный год либо даже до окончания всего срока назначенного наказания, но не более чем до достижения им 25-летнего возраста, с целью получения общего образования.

Однако проблемы общения разновозрастных осужденных потребовали и достаточно твердых мер дисциплинарного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в воспитательных учреждениях. Например, ст. 70 Кодекса об исполнении наказа-

ний Латвии в качестве одного из дисциплинарных взысканий предусматривает водворение несовершеннолетнего осужденного за нарушение порядка отбывания наказания в дисциплинарный изолятор, а за грубое и систематическое нарушение дисциплины в одиночную камеру на срок до 10 суток. В связи с этим Витолдс Захарс (руководил Латвийской тюремной администрацией с 1997 по 2002 г.) и Марис Стиврениекс справедливо полагают, что применение такого дисциплинарного взыскания «может иметь непоправимое психологическое воздействие и травмировать психику несовершеннолетнего осужденного» [20, р. 226].

Появление и строительство частных тюрем и даже следственных изоляторов (особенно в Латвии) во всех трех странах обусловлено отчасти формированием доверия общественности к данному институту, а также предопределено проблемами государственного финансирования пенитенциарных учреждений и их решением посредством государственно-частного экономического партнерства в этой сфере. Однако задачи по охране в данных исправительных учреждениях остаются возложенными на государство.

В отчетах представителей Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ), посетивших с визитом государства, пенитенциарные системы которых охватываются прибалтийским типом, обнаруживается ряд проблем, связанных с исполнением тюремного заключения. Так, отмечены проблемы, связанные с трудоустройством осужденных в исправительных учреждениях (например, в Таллиннской тюрьме из 664 осужденных имеют возможность работать только 138 заключенных), переполненностью тюрем, ограниченным доступом к естественному свету и слабой вентиляцией помещений, словесными оскорблениями и чрезмерным применением силы в отношении осужденных со стороны персонала [21]. В Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 г. по итогам визита в Эстонию указывается на слабую доступность заключенных к медицинской помощи и возможность телефонных разговоров с родственниками, проблемы с пожарной безопасностью, а также на периодические факты самоубийств осужденных и лиц, содержащихся под стражей [22].

По результатам посещения СРТ с 12 по 17 сентября 2013 г. Латвии в отчете отмечается на необходимость увеличения в некоторых тюрьмах размеров помещений, где осужденные принимают пищу, смотрят телевизор, общаются, а также на минимизацию применения наручников, поскольку их использование лишь провоцирует заключенных на дальнейшее нарушение дисциплины. Отмечена недостаточность применения мер безопасности внутри тюремного периметра (указанная проблема была затронута в связи с участвовавшими массовыми беспорядками в закрытых тюрьмах Латвии, случае побега в одной из тюрем в 2013 г.), нехватка целенаправ-

ленных исправительных мероприятий (работа, образование) в тюрьмах закрытого, а также частично закрытого (полукрытого) типа. Комитет предписывает обеспечивать осужденным условия для физического развития, в частности установить какие-либо тренажеры и турники на территории, где осужденные находятся на прогулке. Вызвал возмущение тот факт, что вследствие нехватки медицинского персонала администрация тюрем зачастую использует самих осужденных в качестве медбратьев [23]. На ситуацию с плохим медицинским обслуживанием, слабой инфраструктурой, недостаточным жизненным пространством (некоторые заключенные проживали на площади в 27 квадратных футов или меньше, тогда как положено не менее 43 квадратных футов) и случаи суицидов, по которым затягивается расследование, указывается и в Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2014 г. по итогам визита в Латвию [24].

Также одной из негативных тенденций в тюрьмах Латвии выступает наличие феномена криминальной субкультуры. Причем данное явление достаточно сильно распространено в учреждении для несовершеннолетних лиц мужского пола. Витолдс Захарс и Марис Стиврениекс отмечают, что последствием такой ситуации выступает более высокий рецидив преступлений несовершеннолетних лиц, отбывших тюремное заключение (37,5 %), тогда как у освобожденных взрослых осужденных рецидив составляет 20,6 % [20, с. 223].

Принять меры по устранению чрезмерного применения силы в тюрьмах, улучшению материальных условий содержания под стражей (в докладе приводятся такие недостатки, как ограниченность естественного освещения, отсутствие перегородок между туалетами в камерах, грязные матрасы и одеяла и т.д.), по сокращению перенаселенности мест содержания под стражей и систематической сегрегации приговоренных к пожизненному заключению обязал Литву СРТ по итогам посещения государства в период с 27 ноября по 4 декабря 2012 г. Непосредственно в отношении посещенных тюрем, делегация Комитета получила ряд достоверных сообщений о намеренном жестоком физическом обращении и чрезмерном применении силы (в основном, битьё руками, ногами и дубинками), допускаемом сотрудниками тюрем в Алитусе и Шяуляе. В некоторых случаях делегация собрала медицинские свидетельства, подтверждающие соответствие этих утверждений действительности. Кроме того, отмечен высокий уровень насилия среди заключенных тюрьмы в Алитусе, что отчасти связано с тем, что лишь небольшое число надзирателей бывают в помещениях, где живут заключенные, в течение дня и еще меньше – в ночное время и в выходные дни. Обращается внимание на бедность материальных условий содержания, перенаселенность большинства посещенных учреждений, а также нехватку медицинских работников и ресурсов в тюрьмах в Алитусе и Лукишке [25]. Отмечается переполненность большинства

исправительных учреждений и их несоответствие международным стандартам в области обращения с осужденными в Национальном докладе Государственного департамента США по правам человека 2013 г. по итогам визита в Литву [26].

Представленная краткая характеристика прибалтийского типа европейских пенитенциарных систем показывает его определенные особенности, вызванные в первую очередь одним из самых высоких среди всех типов европейских пенитенциарных систем коэффициентом заключенных, ощутимым удельным весом заключенных, являющихся гражданами иностранных государств, в общей массе осужденных. Рассмотренному типу свойственен отход от советской модели содержания осужденных и реализация преимущественно западноевропейских образцов обращения с заключенными, поэтому условия содержания заключенных во многих исправительных учреждениях предполагают тюремно-покамерное размещение осужденных с элементами прогрессивной системы. Повышаются требования к режиму как средству обеспечения безопасности исправительного учреждения, его элементы уже не имеют четкой детализации в правовых актах, он устанавливается и меняется во внесудебном порядке. Имеет место достаточно детальная правовая регламентация и энергичная работа пенитенциарных учреждений по воспитательной и ресоциализирующей работе с несовершеннолетними осужденными.

Наблюдается достаточно активное сотрудничество с органами управления исправительными учреждениями европейских стран и участие в различных международных проектах («DAPHNE Strong», «New Horizons», VINN, TACIS и др.), а также внедрение индивидуальных программ отбывания наказания и использование токсикологического тестирования осужденных.

Появление и строительство частных тюрем обусловлено отчасти формированием доверия общественности к данному институту, а также предопределено возможностью решения проблем государственного финансирования пенитенциарных учреждений посредством государственно-частного экономического партнерства в этой сфере.

Однако имеются замечания и рекомендации со стороны контролирующих органов Совета Европы и иных правозащитных организаций относительно функционирования исправительных учреждений.

Таким образом, в условиях дефицита приемлемых для российской правовой действительности зарубежных моделей обращения с осужденными и критического отношения к результатам компаративистской пенологии анализ прибалтийского пенитенциарного типа позволяет пристальнее присмотреться к перспективам реформы отечественной уголовно-исполнительной системы, получившей с сентября 2015 г. новый концепт, и обуславливает закономерный научный интерес к типологическому компаративистскому анализу всей европейской пенитенциарной карты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 г. «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» (ред. от 23.09.2015) // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
2. *Волов В.Т., Тейван-Трейновский Я.С.* Институт пробации как механизм социально-правового воздействия на личность с противоправным поведением // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3. С. 127–134.
3. *Департамент* тюрем при Министерстве юстиции Литовской Республики. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kaldep.lt/ru/departament-penitenciarnych-utchrezdenii/html> электр. дан. Режим доступа: Компьютер. (дата обращения: 11.02.2016).
4. *Канцелярия* Канцлера юстиции Эстонии. [Электронный ресурс] URL: <http://oiguskantsler.ee/ru/mesta-lisheniya-svobody-v-estonii> электр. дан. Режим доступа: Компьютер. (дата обращения: 11.02.2016).
5. *Тюремная служба* Эстонии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vangla.ee/ru> электр. дан. Режим доступа: Компьютер. (дата обращения: 11.02.2016).
6. *International Centre for Prison Studies.* [Электронный ресурс] URL: <http://www.prisonstudies.org/map/europe>. Режим доступа: Компьютер. (дата обращения: 21.01.2016).
7. *Иванова О.А.* Об опыте реформирования пенитенциарной системы Латвии // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 1. С. 60–63.
8. *European Commission. Justice. Daphne III.* [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/justice/criminal/programme/daphne-programme/index_en.htm Режим доступа: Компьютер. (дата обращения: 14.02.2016).
9. *STRONG – Capacity building of female prisoners with a history of violence and abuse – Resource Material – WIAD – Scientific Institute of the Medical Association of German Doctors, Bonn, Germany. Project Manager: Dr Caren Weilandt,* 2013. [Электронный ресурс] URL: http://philipus.de/daphne-strong.eu/DOCS/final_material/resource_material_UK.pdf. Режим доступа: Компьютер. (дата обращения: 14.02.2016).
10. *STRONG – Capacity building for female prisoners with a history of violence and abuse.* [Электронный ресурс] URL: <http://www.heuni.fi/en/index/researchareas/prison/strong-capacitybuildingforfemaleprisonerswithahistoryofviolenceandabuse.html> (дата обращения: 14.02.2016).
11. *MacDonald M.* Women prisoners, mental health, violence and abuse // *International Journal of Law and Psychiatry.* 2013. V. 36. Iss. 3–4. P. 293–303.
12. *Højdahl T., Magnus J.H., and Langeland E.* «A bridge to change»: Experiences of participation in «VINN» – a motivational program for convicted women. A qualitative study // *EuroVista.* 2014. V. 3. No. 2. P. 81–96.
13. *Иванова О.А.* Опыт реформ пенитенциарной системы Эстонии // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 2. С. 29–32.
14. *Kamenska A., Pīce I., and Laganovska K.* Prison conditions in Latvia. European Prison Observatory. Detention conditions in the European Union. [Электронный ресурс] URL: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinLatvia.pdf> (дата обращения: 17.02.2016).
15. *Уткин В.А.* Режим лишения свободы: между карой и безопасностью // *Правовые проблемы укрепления российской государственности:* сб. ст. Ч. 66 (изд. доп. и перераб.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 53–55.
16. *Centre for Crime and Justice Studies.* Prison conditions in Latvia. [Электронный ресурс] URL: <http://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/Prison%20conditions%20in%20Latvia.pdf> (дата обращения: 17.02.2016).
17. *Kivimets K. and Uskila A.* HIV testing and counselling in Estonian prisons, 2012 to 2013: aims, processes and impacts // *Eurosurveillance.* 2014. V. 19. Iss. 47. P. 31–37.
18. *European Centre for Disease Prevention and Control (ECDC) and World Health Organization Regional Office for Europe.* HIV/AIDS Surveillance in Europe 2011. Stockholm: ECDC. 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ecdc.europa.eu/en/publications/Publications/20121130-Annual-HIV-Surveillance-Report.pdf> (дата обращения: 17.02.2016).
19. *Abbing H.R.* Prisoners right to healthcare, a European perspective // *European Journal of Health Law.* 2013. V. 20. Iss. 1. P. 5–19.
20. *Zahars V. and Stivrenieks M.* Security implementation facets: peculiarities of execution of the sentence of imprisonment in respect of convicted minors // *Journal of Security and Sustainability Issues.* 2015. V. 4. No. 3. P. 221–231.
21. *Report to the Estonian Government on the visit to Estonia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 30 May to 6 June 2012.* URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/est/2014-01-inf-eng.pdf> (дата обращения: 19.02.2016).
22. *Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Эстония (U.S. Department of State. Human Rights Report 2013: Estonia).* [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220486.pdf> (дата обращения: 19.02.2016).
23. *Report to the Latvian Government on the visit to Latvia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 17 September 2013.* [Электронный ресурс] URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/lva/2014-05-inf-eng.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).
24. *Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2014: Латвия (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Latvia).* [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/documents/organization/236754.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).
25. *Report to the Lithuanian Government on the visit to Lithuania carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 27 November to 4 December 2012.* [Электронный ресурс] URL: <http://www.cpt.coe.int/documents/ltu/2014-18-inf-eng.pdf> (дата обращения: 21.02.2016).
26. *Национальный доклад Государственного департамента США по правам человека 2013: Литва (U.S. Department of State. Human Rights Report 2014: Lithuania).* [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/documents/organization/220511.pdf> (дата обращения: 22.02.2016).

THE BALTIC TYPE OF THE EUROPEAN PENITENTIARY SYSTEMS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 70–77. DOI 10.17223/23088451/8/11

Pavel V. Teplyashin, Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pavlushat@mail.ru

Keywords: Department of Penitentiary Institutions of Lithuania, model of convicts' accommodation, Nord-Balt project, Tallinn prison.

The article examines the Baltic type of penitentiary systems which acts as a site for the verification of the actively implemented Western models in the sphere of criminal sentence execution. It shows that this type is characterized by one of the highest prisoner rates among all types of European penitentiary systems, as well as by a large number of prisoners who are citizens of foreign states in the total number of convicts. The Baltic type is characterized by the departure from the Soviet model of the penitentiary system and by the implementation of predominantly Western European models. This is facilitated by the active cooperation of Latvia, Lithuania and Estonia with the authorities of penitentiary institutions of European countries and their participation in various international projects on the development of progressive forms and methods of treatment of prisoners (DAPHNE Strong, New Horizons, VINN, TACIS, etc.). Prison conditions in many correctional facilities are based on a prison cell model of prisoners' accommodation with elements of a progressive system. In some semi-open prisons, primarily in Latvia, convicts are accommodated in dormitories for 30–60 people. However, the Western model of the regime sets more requirements for ensuring the security of correctional facilities. The elements of the regime are not clearly detailed in legal acts, they are established and changed in the extrajudicial order, but under judicial control, the personality of the convicted person and its changes while serving the sentence are the criteria for changing the regime. Correctional institutions actively introduce individual programs for punishment execution, and use toxicological testing. There is quite a detailed legal regulation and vigorous work of penitentiary institutions on educational and resocialising work with underage convicts. The emergence and construction of private prisons and pre-trial detention centres in the three countries (especially in Latvia) is partly conditioned by the public trust in this institution, and is also predetermined by the solution of problems of state funding of penitentiary institutions through public-private economic partnership in this area. It is emphasised that reports of the representatives of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment who visited the Baltic countries note violations of the rights of convicts or other shortcomings in the organization of the activities of prisons. A conclusion is drawn that the analysis of the Baltic penitentiary type allows to look more closely at the prospects of reforming the domestic penitentiary system.

REFERENCES

1. The Government of the Russian Federation. (2010) Rasporuyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 1772-r of 14 oktyabrya 2010 goda «O Kontseptsii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda» (red. Ot 23.09.2015) [Order of the Government of the Russian Federation No. 1772-r of October 14, 2010 “On the Concept of the Development of the Penitentiary System of the Russian Federation until 2020” (as amended on September 23, 2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 43. Art. 5544.
2. Volov, V.T. & Teyvan-Treynovskiy, Ya.S. (2013) Institut probatsii kak mekhanizm sotsial'no-pravovogo vozdeystviya na lichnost' s protivopravnym povedeniem [Institute of probation as a mechanism of social and legal influence on the person with illegal behaviour]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Samara Law Institute*. 3. pp. 127–134.
3. Ministry of Justice of the Republic of Lithuania. (n.d.) *Departament tyurem pri Ministerstve yustitsii Litovskoy respubliki* [Prison Department of the Ministry of Justice of the Republic of Lithuania]. [Online] Available from: <http://www.kaldep.lt/ru/departament-penitenciarnych-utchrezdenii/html>. (Accessed: 11th February 2016).
4. Chancellor of Justice of Estonia. (n.d.) *Kantselyariya Kantslera yustitsii Estonii* [Chancellery of the Chancellor of Justice of Estonia]. [Online] Available from: <http://oiguskantsler.ee/ru/mesta-lisheniya-svobody-v-estonii>. (Accessed: 11th February 2016).
5. Estonia. (n.d.) *Tyuremnaya sluzhba Estonii* [The Prison Service of Estonia]. [Online] Available from: <http://www.vangla.ee/ru>. (Accessed: 11th February 2016).
6. Prisonstudies.org. (n.d.) *International Centre for Prison Studies*. [Online] Available from: <http://www.prisonstudies.org/map/europe>. (Accessed: 21st January 2016).
7. Ivanova, O.A. (2014) The issues of penal system reforming in Latvia. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii – Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service*. 1. pp. 60–63. (In Russian).
8. European Commission. Justice. (2013) *Daphne III*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/justice/criminal/programme/daphne-programme/index_en.htm. (Accessed: 14th February 2016).
9. WIAD – Scientific Institute of the Medical Association of German Doctors. (2013) *STRONG – Capacity building of female prisoners with a history of violence and abuse*. Bonn. [Online] Available from: http://philipus.de/daphne-strong.eu/DOCS/final_material/resource_material_UK.pdf. (Accessed: 14th February 2016).
10. WIAD – Scientific Institute of the Medical Association of German Doctors. (2013) *STRONG – Capacity building for female prisoners with a history of violence and abuse*. Bonn. [Online] Available from: <http://www.heuni.fi/en/index/researchareas/prison/strong-capacitybuildingforfemaleprisonerswithahistoryofviolenceandabuse.html>. (Accessed: 14th February 2016).
11. MacDonald, M. (2013) Women prisoners, mental health, violence and abuse. *International Journal of Law and Psychiatry*. 36:3–4. pp. 293–303. DOI: 10.1016/j.ijlp.2013.04.014
12. Højedahl, T., Magnus, J.H. & Langeland, E. (2014) «A bridge to change»: Experiences of participation in «VINN» – a motivational program for convicted women. A qualitative study. *EuroVista*. 3:2. pp. 81–96.
13. Ivanova, O.A. (2014) The experience of the reforms of penal system of Estonia. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii – Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service*. 2. pp. 29–32. (In Russian).

14. Kamenska, A., Pūce, I. & Laganovska, K. (2013) *Prison conditions in Latvia*. Rome: Antigone Edizioni. [Online] Available from: <http://www.prisonobservatory.org/upload/PrisonconditionsinLatvia.pdf>. (Accessed: 17th February 2016).
15. Utkin, V.A. (2015) Rezhim lisheniya svobody: mezhdru karoy i bezopasnost' [The regime of deprivation of liberty: between punishment and security]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Vol. 66. Tomsk: Tomsk State University. pp. 53–55.
16. Kamenska, A., Pūce, I. & Laganovska, K. (2013) *Prison conditions in Latvia*. Rome: Antigone Edizioni. [Online] Available from: <http://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/Prison%20conditions%20in%20Latvia.pdf>. (Accessed: 17th February 2016).
17. Kivimets, K. & Uusküla, A. (2014) HIV testing and counselling in Estonian prisons, 2012 to 2013: aims, processes and impacts. *Eurosurveillance*. 19:47. pp. 31–37.
18. European Centre for Disease Prevention and Control (ECDC) and World Health Organization Regional Office for Europe. (2012) *HIV/AIDS Surveillance in Europe 2011*. Stockholm: ECDC. 2012. [Online] Available from: <http://www.ecdc.europa.eu/en/publications/Publications/20121130-Annual-HIV-Surveillance-Report.pdf>. (Accessed: 17th February 2016).
19. Abbing, H.R. (2013) Prisoners right to healthcare, a European perspective. *European Journal of Health Law*. 20:1. pp. 5–19.
20. Zahars, V. & Stivrenieks, M. (2015) Security implementation facets: peculiarities of execution of the sentence of imprisonment in respect of convicted minors. *Journal of Security and Sustainability Issues*. 4:3. pp. 221–231.
21. CPT. (2012) *Report to the Estonian Government on the visit to Estonia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 30 May to 6 June 2012*. [Online] Available from: <http://www.cpt.coe.int/documents/est/2014-01-inf-eng.pdf>. (Accessed: 19th February 2016).
22. U.S. Department of State. (2013) *Human Rights Report 2013: Estonia*. [Online] Available from: <http://www.state.gov/documents/organization/220486.pdf>. (Accessed: 19th February 2016).
23. CPT. (2013) *Report to the Latvian Government on the visit to Latvia carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 12 to 17 September 2013*. [Online] Available from: <http://www.cpt.coe.int/documents/lva/2014-05-inf-eng.pdf>. (Accessed: 20th February 2016).
24. U.S. Department of State. (2014) *Human Rights Report 2014: Latvia*. [Online] Available from: <http://www.state.gov/documents/organization/236754.pdf>. (Accessed: 20th February 2016).
25. CPT. (2012) *Report to the Lithuanian Government on the visit to Lithuania carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT) from 27 November to 4 December 2012*. [Online] Available from: <http://www.cpt.coe.int/documents/ltu/2014-18-inf-eng.pdf>. (Accessed: 21st February 2016).
26. U.S. Department of State. (2014) *Human Rights Report 2014: Lithuania*. [Online] Available from: <http://www.state.gov/documents/organization/220511.pdf>. (Accessed: 22nd February 2016).

О.Н. Уваров

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ
В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ
В СЛУЧАЕ НАСТУПЛЕНИЯ У ОСУЖДЕННОГО
ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА ЛИБО ИНОЙ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ,
ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ ИХ ОТБЫВАНИЮ**

Решение вопроса об исполнении наказания в случае наступления у осужденного психического расстройства или иной тяжелой болезни, препятствующей его отбыванию, регламентировано ч. 5 и 6 ст. 175 УИК РФ, где прямо указано на то, что такой осужденный вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от наказания, при этом, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ, этот осужденный, в определенных случаях, освобождается судом от дальнейшего его отбывания. В свою очередь, ч. 8 ст. 175 УИК РФ определяет, что подача ходатайства об освобождении по приведенным основаниям возможна после медицинского освидетельствования осужденного и обнаружения у него заболевания, входящего в специальный перечень.

Ключевые слова: осужденные, освобождение от отбывания наказания по болезни, обязательные работы, исправительные работы.

Решение вопроса об исполнении наказания в случае наступления у осужденного психического расстройства или иной тяжелой болезни, препятствующей его отбыванию, регламентировано ч. 5 и 6 ст. 175 УИК РФ, где прямо указано на то, что такой осужденный вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от наказания, при этом, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 81 УК РФ, этот осужденный, в определенных случаях, освобождается судом от дальнейшего его отбывания. В свою очередь, ч. 8 ст. 175 УИК РФ определяет, что подача ходатайства об освобождении по приведенным основаниям возможна после медицинского освидетельствования осужденного и обнаружения у него заболевания, входящего в специальный перечень. Правила медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью, и перечень таких болезней утверждены Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54.

Таким образом, решение вопроса об освобождении осужденных в случае наступления у них психического расстройства или иной тяжелой болезни, препятствующих отбыванию назначенных им наказаний, представляется вполне определенно реализуемым отмеченным выше порядком. Вместе с тем, если приведенный вывод справедлив для осужденных к лишению свободы, то в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, такой подход вызывает некоторые сомнения.

Следует отметить, что, например, осужденные к наказаниям в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничения свободы, в связи с возникшей тяжелой болезнью, в соответствии со ст. 175 УИК РФ не освобождаются. Кроме того, при более вни-

мательном рассмотрении становится очевидным, что Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью», ориентировано, в первую очередь, на определение возможности осужденного по состоянию здоровья находиться в местах лишения свободы и не делает акцента на оценку возможности либо невозможности выполнения осужденным определенной физической работы. Однако в случаях с исправительными либо обязательными работами, в отличие от лишения свободы, значима оценка именно возможности выполнения осужденным определенного ее вида и объема, так как общеизвестно, что эти наказания непосредственно связаны с выполнением осужденным соответствующего объема такой работы.

В рассматриваемом аспекте ч. 3 ст. 26 УИК РФ и ч. 4 ст. 42 УИК РФ, определяющие случаи, когда тяжелая болезнь возникает у осужденного к обязательным либо соответственно исправительным работам и становится препятствием для их отбывания, относятся к специальным нормам, регулирующим лишь строго определенные случаи. При этом следует подчеркнуть, что ст. 81 УК РФ не требует избирательности при своем применении в ходе исполнения лишения свободы, обязательных либо исправительных работ, действие же ч. 5, 6 и 8 ст. 175 УИК РФ все же скорректировано для обязательных или исправительных работ соответствующими специальными нормами, а, следовательно, их исполнение в случае тяжелой болезни осужденного к этим видам наказания осуществляется в соответствии с последними. Таким образом, право на обращение в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего отбывания наказания появляется у осужденного к обязательным либо исправитель-

ным работам в случаях возникновения тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания, отличных от случаев с осужденными к лишению свободы.

Для осужденного, как к обязательным, так и к исправительным работам, основным условием назначения, исполнения, а также отбывания наказания рассматривается его трудоспособность, следовательно, препятствие к его отбыванию может быть выражено лишь нетрудоспособностью последнего, а точнее, степенью такой нетрудоспособности. Нетрудоспособность – это такое состояние организма, обусловленное болезнью, травмой, ее последствиями или другими причинами, когда выполнение осужденным профессионального труда частично либо полностью, в течение ограниченного времени или постоянно невозможно. Нетрудоспособность, как минимум, подразделяется на полную, стойкую и временную. Полная нетрудоспособность – это полная невозможность выполнения любого труда, которая сопровождается необходимостью создания специального режима и проведения лечения (в нашем случае для осужденного – это признание его инвалидом первой группы). Стойкая нетрудоспособность, как постоянная (длительная), частичная (полная) потеря трудоспособности, в любом случае влечет за собой признание осужденного инвалидом. При этом установление инвалидности, в том числе определение ее сроков и степени утраты осужденным трудоспособности, осуществляется федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы с использованием утвержденных классификаций и критериев. На их основании имеющий вторую группу инвалидности осужденный способен к выполнению трудовой деятельности лишь в специально созданных условиях с использованием вспомогательных технических средств, а осужденный с третьей группой – к выполнению трудовой деятельности в обычных условиях труда при снижении квалификации, тяжести, напряженности и (или) уменьшении объема работы.

Таким образом, наличие у осужденного инвалидности второй или третьей группы (а в возрасте до 18 лет – отнесение его к категории «ребенок-инвалид») должно рассматриваться при ограничении трудоспособности как обусловленное болезнью, препятствующей отбыванию обязательных либо исправительных работ. В этих обстоятельствах уголовно-исполнительной инспекции необходимо выяснить в учреждении медико-социальной экспертизы, в чем конкретно выражается ограничение трудоспособности осужденного и способен

ли он выполнять тот объем трудовой функции и в тех условиях, которые предусмотрены соответствующим наказанием. При этом лишь в случае объективной неспособности осужденного отбывать обязательные либо исправительные работы соответственно уголовно-исполнительная инспекция принимает меры к организации обращения в суд по существу вопроса об освобождении такого осужденного от дальнейшего отбывания наказания в связи с болезнью. В любом случае осужденному должно быть разъяснено право на обращение в суд с этим вопросом самостоятельно.

Говоря о временной нетрудоспособности, необходимо учитывать, что она обусловлена невозможностью выполнения профессионального труда в обычных производственных условиях в течение определенного промежутка времени (не отнесенного к длительному). Документом, подтверждающим временную нетрудоспособность, является листок временной нетрудоспособности. При амбулаторном лечении заболеваний (травм), отравлений и иных состояний, связанных с временной потерей трудоспособности, листки нетрудоспособности сроком до 15 календарных дней включительно выдает единолично лечащий врач. При сроках временной нетрудоспособности, превышающих 15 календарных дней, листок нетрудоспособности выдается и продлевается по решению врачебной комиссии, назначаемой руководителем медицинской организации. По решению врачебной комиссии листок нетрудоспособности может быть выдан на срок не более 10 месяцев, а в отдельных случаях (травмы, состояния после реконструктивных операций, туберкулез) – на срок не более 12 месяцев. Учитывая приведенные обстоятельства, помимо инвалидности второй и третьей группы, к препятствиям для отбывания наказания в виде обязательных либо исправительных работ должны быть отнесены заболевания, в связи с которыми листок нетрудоспособности выдается и продлевается по решению врачебной комиссии (т.е. при сроках временной нетрудоспособности, превышающих 15 календарных дней). Нетрудоспособность сроком до 15 дней (включительно) не может рассматриваться как препятствующая отбыванию таких наказаний и должна учитываться лишь как основание временного (на период действия листка нетрудоспособности) приостановления их отбывания. В таких случаях уголовно-исполнительная инспекция обязана убедиться в подлинности представленного осужденным листка нетрудоспособности, установление же иных обстоятельств его выдачи не является в данном случае обязательным.

ON PUNISHMENT EXECUTION IN THE FORM OF COMPULSORY COMMUNITY SERVICE AND CORRECTIONAL LABOUR IN THE EVENT THE CONVICT DEVELOPS A MENTAL DISORDER OR ANOTHER SERIOUS DISEASE THAT PREVENTS SERVING THE SENTENCE

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 78–80. DOI 10.17223/23088451/8/12

Oleg N. Uvarov, Corrective Services of the RF Federal Penitentiary Service in Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: crimjust@mail.ru

Keywords: convicts, exemption from serving a sentence in the event of a disease, compulsory community service, correctional labour.

A Group II or III disability of the convict (a “disabled child” qualification for minors) should be considered as a result of a disease that prevents serving their sentence in the form of compulsory community service or correctional labour. In these circumstances, penitentiary inspectorates need to contact a medical and social expertise institution to clarify what the convict's incapacity to work consists in, and whether they are able to work in the volume and under conditions provided for by their punishment. In case the convict is objectively unable to do compulsory or correctional work, the penitentiary inspectorate takes measures to organise an appeal to the court on the merits of the issue of releasing the convicted person from further serving a sentence on the grounds of their disease. In any case, the convicted person must be explained the right to apply to the court with this matter on their own. Speaking about temporary incapacity for work, it is necessary to take into account that it is caused by the impossibility to perform professional work in usual working conditions for a certain period of time (not referred to as a long-term one). The document proving temporary incapacity for work is a temporary incapacity certificate. For outpatient treatment of diseases (injuries), poisonings and other conditions associated with temporary disability, incapacity certificates for up to 15 calendar days inclusive are issued by the physician. If the period of temporary incapacity for work exceeds 15 calendar days, the incapacity certificate is issued and prolonged by the decision of a medical commission appointed by the head of a medical organisation. By the decision of the medical commission, the incapacity certificate can be issued for a period of up to 10 months, and in some cases (trauma, condition after reconstructive surgery, tuberculosis) up to 12 months. Taking into account the circumstances mentioned above, in addition to Group II and III disabilities, factors that prevent serving the sentence in the form of compulsory community service or correctional labour should include diseases for which incapacity certificates are issued and prolonged by the decision of a medical commission (when temporary incapacity for work exceeds 15 calendar days). Incapacity for work for up to 15 days (inclusive) cannot be considered as a prevention for serving such sentences and should be taken into account only as the basis for temporary (for the period of the incapacity certificate validity) suspension of their serving. In such cases, the penitentiary inspectorate is obliged to verify the authenticity of the incapacity certificate the convict has; the establishment of other circumstances of its issuance is not mandatory in this case.

Р.З. Усеев

**МУЛЬТИРЕЖИМНОСТЬ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ:
ПРИЧИНЫ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

В последние десятилетия в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы наблюдается тенденция мультирежимности. Фактически каждое учреждение размещает на своей территории тот или иной объект, который характеризуется другим порядком исполнения и отбывания наказания или содержания под стражей. Этот порядок отличается от установленного порядка основного учреждения. Предлагается выявить причины мультирежимности исправительных учреждений, провести ее классификацию и определить дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: мультирежимность, гибридность, комплексность, исправительное учреждение, уголовно-исполнительная система.

Современная уголовно-исполнительная система России (далее – УИС) представлена широким спектром органов, учреждений, предприятий и иных подразделений. Фактически все они в большей или меньшей степени выполняют задачи по обеспечению исполнения и отбывания уголовных наказаний и содержания под стражей.

Указанная выше задача является для УИС магистральной. Ее выполняют специально созданные места изоляции – исправительные учреждения (далее – ИУ) и следственные изоляторы (далее – СИЗО).

Бесспорно, лишение свободы и содержание под стражей относительно иных мер государственного принуждения являются с позиции реализации общественных отношений и происходящих процессов самыми сложными и разнообразными. Во многом это касается установленного порядка исполнения и отбывания наказания (содержания под стражей) – режима, который в т.ч. лежит в основе вида ИУ.

В настоящий момент российская уголовно-исполнительная система обладает широкой системой статических мест изоляции. В нее входят исправительные колонии (далее – ИК) общего, строгого и особого режимов, колонии-поселения; воспитательные колонии (далее – ВК); тюрьмы; лечебно-профилактические учреждения (далее – ЛПУ); лечебные исправительные учреждения (далее – ЛИУ) и СИЗО. По определению – эти учреждения, предназначенные для исполнения (отбывания) лишения свободы и содержания под стражей, являются самостоятельными и имеют статус юридического лица. Априори каждое учреждение воспринимается относительно закрепленного за ним вида режима. Однако, как показывает практика, это не совсем так, поскольку отдельное место изоляции УИС может представлять из себя систему видов учреждений (режимов). Речь идет о состояниях и явлениях, которые наука обозначила как «мультирежимность» [1, с. 9–17], «гибридность» [2, с. 7–11] и «комплексность» [3, с. 40].

На сегодняшний день литература рассматривает такие вопросы. Еще в 2008 г. В.А. Уткин отмечал, что «будущие места лишения свободы в России в

большинстве своем воплотят в себе черты тюрьмы и колонии, превратившись в учреждения «гибридного» типа» [4, с. 149–156].

В чем же причины гибридизации учреждений? Попробуем разобраться.

Во-первых, это география российских ИУ (СИЗО) и значительные расстояния между ними. В настоящий момент места изоляции покрывают практически всю территорию страны¹. Они размещены в каждом субъекте РФ, кроме г. Севастополя, Ненецкого автономного округа и Чукотского автономного округа. В целом же количество учреждений и их набор отчасти коррелируют с численностью населения региона, отчасти – со сложившейся системой исправительных учреждений, сохранившихся с советского периода [5, с. 7]. Отсюда большие расстояния между местами изоляции, которые даже в пределах одного субъекта РФ могут достигать до 1700 км (Красноярский край). В этом аспекте кустовой способ размещения учреждений по-прежнему конкурирует с индивидуально расположенными местами изоляции.

Во-вторых, территориальные органы ФСИН России не располагают полным набором видов ИУ, определенных ст.ст. 74, 80 УИК РФ. В настоящий момент таких примеров по стране нет. Усугубляется это еще и тем, что с середины 2007 г. осужденные могут отбывать наказание на территории того субъекта РФ, в котором имеются условия для их размещения. По определению это может быть любой территориальный орган ФСИН России.

В-третьих, реализация практически «спящего» до 2010 г. принципа дифференциации осужденных (ч. 2 ст. 80 УИК РФ), в части, касающейся раздельного содержания лиц, впервые осужденных к лишению свободы (т.н. первоходов) от ранее отбывавших лишение свободы (т.н. вторыхходов). В итоге только в 2010 г.

¹ Расстояние между самыми западными (ФКУ ИК-4, ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Калининградской области, п. Колосовка) и самыми восточными учреждениями УИС (ФКУ ИК-5, ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Камчатскому краю, г. Петропавловск-Камчатский) составляет более 7400 км, что равняется приблизительно расстоянию от Москвы до Нью-Йорка (США).

между ИУ было перемещено более 153 тыс. осужденных, в том числе 112 тыс. в ИК строгого режима и 41 тыс. – общего режима [6, с. 4], в т.ч. в ИУ других регионов РФ. В результате такой дифференциации уполномоченный по правам человека в РФ констатировал нарушение прав осужденных [7].

В-четвертых, сокращение в последние годы количества ИУ и СИЗО в РФ. Всего же в ближайшие годы этот вопрос должен затронуть порядка ста учреждений по стране [8]. Так, только в 2015 г. в УИС России принято решение о ликвидации 15 ИУ и одного объединения исправительных колоний. В целом же за указанный год достигнута самая низкая численность осужденных, подозреваемых и обвиняемых в новейшей истории РФ [9, с. 4].

В принципе, на практике все указанные выше причины являются взаимосвязанными и дополняют друг друга.

Вопросы правового регулирования мультирежимности находят отражение как в международных стандартах, так и в российском уголовно-исполнительном законодательстве.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. закрепляют положение, по которому различные категории заключенных содержатся в отдельных заведениях или в разных частях одного и того же заведения (правило 8). Этот вопрос продолжают Европейские пенитенциарные правила 2006 г. Они отмечают, что для конкретных категорий заключенных должны использоваться отдельные пенитенциарные учреждения или отдельные отделения пенитенциарных учреждений (правило 104.1). В конце концов, в законодательстве РФ мультирежимность также находит отражение в части создания:

- изолированных участков с различными видами режима (ст. 74 УИК РФ);

- транзитно-пересыльных пунктов (далее – ТПП) (ст. 76 УИК РФ).

- помещений, функционирующих в режиме СИЗО на базе учреждений, исполняющих наказания (далее – ПФРСИ) (ст. 5.1 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»);

- объединений исправительных колоний (далее – ОИК) (ст. 6 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»);

- изолированных участков с различными условиями отбывания наказания или видом тюремного режима (ст.ст. 87, 118, 121, 123, 125, 127, 131, 133 УИК РФ).

По мнению автора, в основе мультирежимности ИУ лежит несколько компонентов:

1. Собственно сам режим как установленный порядок исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы (содержания под стражей) в месте размещения изолированных лиц, а также сопутствующий ему различный объем правоограничений.

2. Архитектура мест содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых. Этот компонент практически базируется либо на отрядно-лагерной форме содержания лиц (общежития, жилые комнаты и помещения), либо камерно-тюремной, где центральное место занимают камеры.

3. Фортификация, т.е. система физических преград (барьеров) в форме рубежей (границ), в пределах которых содержатся разные категории осужденных, подозреваемых и обвиняемых [10, с. 38–41]. В условиях представленной нами мультирежимности рубежами фортификации будут являться ограждения изолированных участков либо ограждения, разделяющие разные виды ИУ (при условии, что они размещаются под одним охраняемым периметром).

Анализ законодательства и сложившейся практики показывает, что в настоящий момент для российских ИУ характерна достаточно широкая мультирежимность. Попробуем провести ее классификацию.

Итак, на наш взгляд, мультирежимность ИУ можно классифицировать на две большие группы:

I. Мультирежимность мест отбывания наказаний и содержания под стражей УИС (межвидовая мультирежимность).

а) Размещение под охраняемым периметром территории ИУ изолированных участков, функционирующих как исправительный центр (рис. 1).

Рис. 1

Такой формат мультирежимности еще раз доказывает универсальность мест изоляции УИС, которые становятся своеобразным центром исполнения и отбывания иных наказаний. Проблемность практического воплощения в жизнь отдельных видов наказаний априори определяет обеспечительный функционал мест лишения свободы по принципу: «Если не исправительные учреждения, то кто же?» В итоге они становятся для иных мер государственного принуждения (прежде всего, наказаний) своеобразным стартапом.

Представленный вид мультирежимности является теоретическим, поскольку введение наказания в виде принудительных работ отложено до 2017 г., следовательно, места отбывания наказания – исправительные центры – сегодня не функционируют. Можно предположить, что рассматриваемые изолированные участки могут быть созданы по подобию действующих сегодня участков при ИК, функционирующих как колонии-поселения. То есть отсутствие по закону вооруженной изоляции в отношении

осужденных к принудительным работам, ставит вопрос о необходимости их размещения за пределами охраняемого периметра базового учреждения.

Очевидно, места изоляции УИС могли бы стать стартовой площадкой для «спящего» почти 20 лет наказания в виде ареста. Сегодня литература предлагает для этого воспитательные колонии (либо территории и объекты вместо воспитательных колоний) [1, с. 16], в целом исправительные учреждения [11, с. 92–96]; СИЗО, тюрьмы и даже ЛИУ [12, с. 69, 70].

б) Совместное размещение нескольких самостоятельных ИУ под одним охраняемым периметром (рис. 2).

Рис. 2

Данная форма мультирежимности сложилась исторически. Становление и развитие ИУ и СИЗО страны (1930–1980-е годы) показывает, что расширение производственной базы, постоянная смена организационных структур (лагерей, пунктов, отделений, колоний), изменение видов режима учреждений вело к тому, что под одним охраняемым периметром мест лишения свободы появлялись самостоятельные участки, отделения, помещения, больницы. Некоторые из них в итоге «перерождались» в самостоятельные учреждения.

Такая мультирежимность характерна тем, что несколько учреждений, имеющих статус самостоятельных юридических лиц, размещены под одним охраняемым периметром (например, ФКУ ИК-6 (строгий режим) и ФКЛПУ ОТБ ГУФСИН России по Самарской области (туберкулезная больница)). При этом вооруженную охрану этих учреждений, как правило, обеспечивает подразделение (отдел охраны) одного из учреждений.

в) Совместное размещение нескольких самостоятельных ИУ и СИЗО под одним охраняемым периметром (рис. 3):

Рис. 3

Такая мультирежимность во многом является продолжением предыдущей. Причем, как показывает практика, эффект мультирежимности в таких местах изоляции УИС получал свое развитие не только в советские годы, но и в период перестройки

и даже в последние десятилетия. Так, закрытие в начале 1990-х годов лечебно-трудовых профилакториев № 5 и 6 Красноярского края побудило руководство УИС региона впоследствии оборудовать на их базе три самостоятельных ИУ в структуре объединения исправительных колоний (далее – ФКУ ОИК-36 ГУФСИН России по Красноярскому краю) под одним охраняемым периметром. Однако на этом мультирежимность не закончилась. Более 10 лет назад (2005 г.) объединение пополнилось СИЗО, ранее являвшимся помещением, функционирующим в режиме СИЗО. В настоящий момент на базе ФКУ ОИК-36 ГУФСИН России по Красноярскому краю под одним охраняемым периметром функционируют четыре (!) самостоятельных учреждения: ИК-5 (строгий режим), ИК-34 (особый режим), ЛИУ-35 (туберкулезная больница) и СИЗО-6.

г) Размещение под охраняемым периметром территории ИУ изолированных участков, функционирующих как ИУ с иными видами режима, в т.ч. тюрьмы (рис. 4).

Рис. 4.3

Одна из самых распространенных форм мультирежимности в ИУ. Фактически за два с лишним года законодатель установил правило, по которому при местах изоляции УИС могли создаваться изолированные участки. Так, с 2001 г. на территории ИК вводятся изолированные участки с различными видами режима. А с 2003 г. при ВК образуются изолированные участки, функционирующие как ИК общего режима. Спустя десятилетие (лето 2013 г.) ч. 2 ст. 74 УИК РФ дополняется положением, по которому в ИК могут создаваться изолированные участки, функционирующие как тюрьма. Можно ли заявить, что «тюрьма все-таки проникает в лагерь»?

Теперь, думаем, нет. Поскольку провозглашенная в Концепции развития УИС до 2020 г. (редакция 2010 г.) «тюрьмизация» была обречена на неудачу, а соответствующий раздел документа в сентябре 2015 г. утратил силу [13, с. 16]. Видимо поэтому, нововведения трехлетней давности никак не получат должного практического воплощения.

д) Размещение при ИУ (вне охраняемого периметра) участков, функционирующих как колонии-поселения (см. рис. 5).

Рис. 5

Такой вид мультирежимности, как правило, направлен на обеспечение деятельности базовых учреждений (особенно ЛПУ и ЛИУ). В то же время это своеобразный элемент прогрессивной системы отбывания наказания. Поскольку положительно характеризующийся осужденный в порядке ст. 78 УИК РФ может быть переведен для отбывания наказания не в колонию-поселение, возможно в т.ч. другого региона, а в участок колонии-поселения при базовом учреждении.

Анализ географии ИУ страны показывает, что указанная форма мультирежимности приобретает сегодня в территориальных органах ФСИН России массовый характер. Можно предположить, что ФСИН России в последнее десятилетие в целях своей же безопасности избрало новый тренд, выраженный в замене осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя, на осужденных участка колоний-поселений при базовых ИК. Об это свидетельствует официальная статистика ФСИН России. Так, за 7 лет (с 2007 по 2013 г.) только в ИК строгого режима количество осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя, уменьшилось более чем в 4,5 раза с 2101 до 455 осужденных [14].

II. Мультирежимность объектов одного ИУ (внутривидовая мультирежимность).

а. Мультирежимность объектов ИУ, выполняющих обеспечительные задачи для территориального органа ФСИН России (рис. 6).

Рис. 6

Представленная форма мультирежимности определяет в своей основе обеспечительный функционал процесса изоляции личности. В этом случае ИУ либо СИЗО начинают выполнять функции, которые выходят за рамки характерных для них природных задач. Содержание же осужденных, подозреваемых и обвиняемых в помещениях, функционирующих в режиме СИЗО (далее – ПФРСИ), единых помещениях камерного типа (далее – ЕПКТ), транзитно-пересыльных пунктах (далее – ТПП) традиционно воплощается в жизнь в условиях тюремно-камерной формы их содержания. Практика показывает, что если учреждение располагает дополнительными камерными площадями (помимо стандартных штрафных изоляторов и помещений камерного типа в ИК), то, очевидно, это место изоляции будет нести (нести) на своей базе дополнительную нагрузку по содержанию осужденных, подозреваемых и обвиняемых на дочерних объектах – в ПФРСИ, ЕПКТ либо ТПП.

б) Мультирежимность условий отбывания наказания в ИУ (на примере исправительных и воспитательных колоний, кроме колоний-поселений) (рис. 7).

Эффект мультирежимности прослеживается не только на уровне видов ИУ и объектов, выполняющих обеспечительные задачи (ПФРСИ и др.). По сути, сами условия отбывания наказания в ИУ и есть различный мини-режим. Конечно же, это так.

Рис. 7

Дело в том, что каждое условие отбывания наказания характеризуется своим установленным порядком, а также объемом правоограничений. По аналогии с видами ИУ возможно оценить условия отбывания наказания. Так, льготные условия в ВК и облегченные условия в ИК общего режима (при условии, что осужденные проживают и работают за пределами своих учреждений) есть своеобразный аналог условиям отбывания наказаний в отношении осужденных в колонии-поселении. В то же время содержание осужденных в ШИЗО (дисциплинарном изоляторе) – это, по сути, условия тюрьмы. Вместе с тем в мультирежимности очевидны определенные проблемы:

1. При осложнении оперативной обстановки в учреждении (например, массовые беспорядки, групповые неповиновения) в него могут быть вовлечены все категории осужденных этого учреждения, в т.ч. осужденные изолированных участков. Фактически такая ситуация имела место в июне 2015 г., когда осужденные участка колонии-поселения при ФКУ ИК-7 УФСИН России по Республике Башкортостан (г. Мелеуз) в количестве 66 человек поддержали противоправные действия осужденных указанного учреждения, отбывающих наказание в строгом режиме, а именно: забаррикадировались в жилых помещениях отряда участка колонии-поселения.

Однако на уровне самостоятельных видов ИУ, находящихся под одним охраняемым периметром, также возможны подобные негативные процессы. Так, в мае-июне 2015 г. произошедшие в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Башкортостан (г. Салават, строгий режим) массовые беспорядки и групповые неповиновения осужденных перекинулись на смежное (находящееся под одним периметром) с колонией ФКУ ЛИУ-19 для содержания осужденных, больных открытой формой туберкулеза.

2. Наличие при учреждениях изолированных участков либо смежных учреждений так или иначе может порождать неформальные контакты между разными категориями осужденных (общение, выкрики, перебросы, передачу вещей и предметов и т.д.).

3. Практический работник такого учреждения должен обладать широкими знаниями, умениями и навыками деятельности. Особенно это касается того персонала, который осуществляет свои полномочия как в камерно-тюремных условиях (например, участок ПФРСИ, тюрьмы в ИК и т.д.), так и в отрядно-

лагерных (участки ИК иных режимов и т.д.). Это касается в первую очередь руководящего состава мультирежимных учреждений.

4. В отдельных случаях усложняется идентификация осужденных разных режимов, которая приводит к недовольству. Так, осужденным разных ИУ в ОИК-36 ГУФСИН России по Красноярскому краю (под одним периметром объединения расположено четыре самостоятельных учреждения) нашиваются отличительные знаки (полоски из материала разных цветов). Это, по мнению отдельных осужденных указанного объединения, противоречит законодательству РФ, унижает человеческое достоинство и приносит нравственные страдания [15].

Каковы же перспективы мультирежимности ИУ?

Думается, что в условиях сокращения или даже некоторого увеличения численности осужденных, подозреваемых и обвиняемых тенденция мультирежимности учреждений продолжится. Для лиц, содержащихся в ИУ, будут сохраняться социально полезные связи. Им не придется отбывать наказание в другом ИУ иного населенного пункта или даже региона. Одновременно, такая мультирежимность ИУ выгодна с позиции материально-технического и коммунально-бытового обслуживания учреждения. Однако, по мнению автора, возникает важнейший вопрос: готова ли в среднесрочной и долгосрочной перспективе отрядно-лагерная система содержания лиц обеспечить мультирежимность учреждения?

В том виде, в котором это происходит сегодня, видимо, сможет. Вместе с тем на волне сокращений мест лишения свободы возможно увеличение мультирежимных объектов в том или ином учреждении. Думается, что здесь необходима новая концепция ИУ, которой пока нет.

Очевидно, что вопросы мультирежимности в перспективе будут строиться вокруг своеобразной конкуренции отрядно-лагерной и тюремно-камерной системы содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых.

В настоящий же момент вопрос о «тюрьмизации» ИУ снят с повестки дня уголовно-исполнительной политики [16]. Видимо, пока у «тюрьмы» нет возможности не только «войти в лагерь», но и заменить его. Скорее наоборот. Отрядная система в организационно-управленческом аспекте расширяется и укрупняется, поскольку получает развитие эксперимент в ряде ИУ территориальных органов ФСИН России по внедрению модели центров ис-

правления осужденных (далее – центры). Центры создаются из двух или трех отрядов осужденных, которые, как правило, размещаются в одном жилом здании или изолированном участке [17]. Но не стоит забывать, что Концепция развития УИС до 2020 г. сохранила такой аспект, согласно которому размещение осужденных и одновременное их присутствие в многоместных общежитиях делает невозможным пресечение нежелательных контактов между ними. В свою очередь, действующие сегодня принципы раздельного содержания осужденных не позволяют эффективно решать эту проблему. В связи с этим мы считаем, что вводимые сегодня Центры (хотя бы и в экспериментальном порядке) должны учесть положения отмененных теоретических моде-

лей колоний-поселений с обычным и усиленным наблюдением, разработанных ФСИН России в 2011 г. В них основным местом размещения осужденных являлась комната на 6 человек, а не общежитие [18].

Таким образом, за последние 15 лет российские ИУ сделали значительный шаг в сторону их мультирежимности. Представляется, что мультирежимность должна лечь в основу нового гибридного типа ИУ. Для этого типология тюрьмы должна стать определяющей. По мнению автора, она должна учитывать архитектурную и фортификационную концепции, концепцию надзора, а также концепцию камеры/общежития. Но это уже совсем другой вопрос, который на сегодняшний день находится в авторской проработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2014. № 4. С. 9–17.
2. Уткин В.А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 7–11.
3. Горбань Д.В. «Комплексные» исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 40.
4. Уткин В.А. «Тюремный» вектор в уголовно-исполнительной системе // Отечественные записки. 2008. № 2 (41). С. 149–156.
5. Аверкина К.В. География и экономика российской пенитенциарной системы // Демоскоп Weekly. 2015. № 651–652. – С. 7.
6. Реймер А.А. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года – главный программный документ реформирования отечественной пенитенциарной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2. С. 4.
7. Селиверстов В.И. Куда социальный лифт теперь вывезет экс-директора ФСИН // Независимая газета. 2015. 07 апреля.
8. Петров И. ФСИН ликвидирует и реорганизует 100 колоний // Российская газета. 2015. 05 июня.
9. Обеспечено стабильное функционирование УИС // Преступление и наказание. 2016. № 4. С. 4.
10. Усеев Р.З. Понятие, формы и рубежи пенитенциарной фортификации // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 38–41.
11. Нечаев А.Д., Усалева В.В. Проблемы создания учреждений, исполняющих наказания в виде ареста // Вопросы современной юриспруденции: Сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практич. конф. № 3 (45). Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2015. С. 92–96.
12. Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов. М.: Норма, 2006. С. 69, 70.
13. Уткин В.А. Пенитенциарные стандарты Совета Европы и векторы реформирования уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 16.
14. Отчет ФСИН России (форма 8-УИС) о количестве исправительных колоний, лечебных исправительных и лечебно-профилактических учреждений, больниц, численности, составе и движении осужденных, содержащихся в них за 2007. М.: ФСИН России, 2008. С. 1.
15. Решение по делу Дудинского районного суда Красноярского края № 2-601/2011~М-559/2011 [Электронный ресурс] // Росправосудие [Официальный сайт]. URL: <https://rospravosudie.com/court-dudinskij-rajonnyj-sud-krasnoyarskij-krajs/act-407292311/> (дата обращения: 17.05.2016).
16. О внесении изменений в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 23.09.2015 г. № 1877-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 40. Ст. 5581.
17. О проведении эксперимента по апробации модели Центра исправления осужденных исправительного учреждения: Распоряжение ФСИН России от 30.04.2015 г. № 63-р. [Электронный ресурс] // ФСИН России [Официальный сайт]. URL: http://www.fsin.su/Original_doc/model_ispravitel'nogo_centra.doc. (дата обращения: 17.05.2016).
18. Модель колоний-поселений с обычным и усиленным наблюдением // Информационное письмо ФСИН России от 26.05.2011 г. № 5-9796-05т. М.: ФСИН России, 2011. С. 1.

MULTI-REGIME CORRECTIONAL FACILITIES: CAUSES, CLASSIFICATION, PROSPECTS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 81–88. DOI 10.17223/23088451/8/13

Renat Z. Useev, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Samara, Russian Federation). E-mail: crimjust@mail.ru

Keywords: multiple regime, hybridism, complexity, correctional facility, correctional system.

The detachment system in the organizational managerial aspect is expanding and enlarging, as an experiment is developing in a number of correctional facilities of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia to introduce a model of correctional centres for convicts. The centres are formed from two or three detachments of convicts that, as a rule, are accommodated in one residential building or in an isolated section. However, the Concept of the Development of the Penitentiary Service until 2020 has retained a point that placing convicts and their simultaneous presence in multi-lodging dormitories makes it impossible to prevent undesirable contacts between them. Thus, the current principles of separate detention of convicts do not allow to effectively solve this contradiction. In this regard, the author believes that the new correctional centres, though being experimental, should take into account the provisions of the abolished theoretical models of colonies-settlements with the usual and intensive supervision the RF Federal Penitentiary Service developed in 2011. According to these models, the main accommodation of convicts was a room for 6 people, not a dormitory. Thus, over the past 15 years, Russian correctional facilities have made a significant step towards multi-regime functioning. It seems that their multi-regime functioning should form the basis of a new hybrid type of a correctional institution. For this, the typology of prison should be decisive.

REFERENCES

1. Utkin, V.A. (2014) «Multiregime» correctional facilities: reality and prospects. *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 4. pp. 9–17. (In Russian).
2. Utkin, V.A. (2014) Hybrid correctional facilities and international standards. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 2 (18). pp. 7–11. (In Russian).
3. Gorban', D.V. (2015) «Kompleksnye» ispravitel'nye uchrezhdeniya v penitentsiarnoy sisteme Rossii na sovremennom etape ee reformirovaniya [“Complex” correctional institutions in the penitentiary system of Russia at the present stage of its reform]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*. 1. pp. 38–43.
4. Utkin, V.A. (2008) «Tyuremnyy» vektor v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme [The “prison” vector in the penitentiary system]. *Otechestvennye zapiski*. 2 (41). pp. 149–156.
5. Averkina, K.V. (2015) Geografiya i ekonomika rossiyskoy penitentsiarnoy sistemy [Geography and economy of the Russian penitentiary system]. *Demoskop Weekly*. 651–652. pp. 7.
6. Reymer, A.A. (2011) Conception of Development of the Penal System of the Russian Federation till 2020 – Major Programme Document for Reforming Domestic Penitentiary System. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2. pp. 4. (In Russian).
7. Seliverstov, V.I. (2015) Kuda sotsial'nyy lift teper' vyvezet eks-direktora FSIN [Where will the social elevator now take the ex-director of the FSIN]. *Nezavisimaya gazeta*. 07 April.
8. Petrov, I. (2015) FSIN likvidiruet i reorganizuet 100 koloniy [FSIN liquidates and reorganizes 100 colonies]. *Rossiyskaya gazeta*. 05 June.
9. Prestuplenie i nakazanie. (2016) Obespecheno stabil'noe funktsionirovanie UIS [The stable functioning of the penitentiary service is ensured]. *Prestuplenie i nakazanie*. 4. pp. 3–5.
10. Useev, R.Z. (2014) Concept, forms and boundaries of penal fortification. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 1. pp. 38–41. (In Russian).
11. Nechaev, A.D. & Usalev, V.V. (2015) [Problems of establishing institutions that execute sentences in the form of arrest]. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii* [Issues of modern jurisprudence]. Proc. of the XLVII international conference. 3 (45). Novosibirsk: SibAK. pp. 92–96. (In Russian).
12. Zubkov, A.I. (2006) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa XIX – nachala XXI veka* [Russia's penal law: theory, legislation, international standards, domestic practice of the end of the nineteenth and beginning of the 21st centuries]. Moscow: Norma.
13. Utkin, V.A. (2016) Penitentiary Standards of the Council of Europe and Vectors of Reforming the Penal System. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 1. pp. 14–18. (In Russian).
14. RF Federal Penitentiary Service. (2008) *Otchet FSIN Rossii (forma 8-UIS) o kolichestve ispravitel'nykh koloniy, lechebnykh ispravitel'nykh i lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniy, bol'nits, chislennosti, sostave i dvizhenii osuzhdennykh, soderzhashchikh v nikh za 2007* [Report of the Federal Penitentiary Service of Russia (Form 8-UIS) on the number of correctional colonies, medical correctional and therapeutic institutions, hospitals, the number, composition and movement of convicts in them for 2007]. Moscow: FSIN Rossii.
15. Rospravosudie. (2011) *Reshenie po delu Dudinskogo rayonnogo suda Krasnoyarskogo kraja № 2-601/2011~M-559/2011* [Decision of the Dudinsk District Court of Krasnoyarsk Krai on case 2-601/2011~M-559/2011]. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com/court-dudinskij-rajonnij-sud-krasnoyarskij-kraj-s/act-407292311/> (data obrashcheniya: 17.05.2016).
16. Russian Federation. (2015) O vnesenii izmeneniy v Kontseptsiyu razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda: Rasporozhenie Pravitel'stva RF ot 23.09.2015 № 1877-r [On the introduction of changes to the Concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2020: Order 1877-p of the Government of the Russian Federation of September 23, 2015]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. – 40. Art. 5581.

-
17. RF Federal Penitentiary Service. (2015) *O provedenii eksperimenta po aprobatsii modeli Tsentra ispravleniya osuzhdennykh ispravitel'nogo uchrezhdeniya: Rasporyazhenie FSIN Rossii ot 30.04.2015 goda № 63-r* [On the experiment on approbation of the model of the Correction Centre for convicts of a correctional institution: Order 63-r of the Federal Penitentiary Service of Russia of April 30, 2015]. [Online] Available from: http://www.fsin.su/Original_doc/model_ispravitelnogo_centra.doc. (Accessed: 17th May 2016).
 18. RF Federal Penitentiary Service. (2011) *Model' koloniy-poseleniy s obychnym i usilennym nablyudeniem. Informatsionnoe pis'mo FSIN Rossii ot 26.05.2011 № 5-9796-05t* [Model of colonies-settlements with ordinary and intensive control. Information letter 5-9796-05t of the Federal Penitentiary Service of Russia of May 26, 2011]. Moscow: FSIN Rossii.

В.А. Уткин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТЕРЕОТИПЫ ИХ ВОСПРИЯТИЯ

Проведена классификация действующих международно-правовых актов в области исполнения уголовных наказаний, раскрывается их многообразное значение, подвергаются критическому анализу существующие негативные стереотипы отношения к международным стандартам уголовно-исполнительной деятельности.

Ключевые слова: *международные стандарты исполнения наказания, классификация международных стандартов, профессиональное правосознание юристов.*

Важным фактором реформирования и развития российского уголовно-исполнительного законодательства с начала 90-х годов прошлого века является все более активная интеграция Российской Федерации в мировое сообщество, в том числе ее вступление в 1996 г. в Совет Европы. Одновременно Россия приняла на себя обязательства более последовательно реализовывать в законодательстве и практике общепризнанные международные нормы, составляющие юридическую основу деятельности мирового сообщества, и прежде всего – положения, касающиеся обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с Конституцией (ст. 15) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Помимо указанных норм, принципов и договоров, международное сотрудничество находит юридическое выражение в рекомендательных положениях международных актов. Их также нельзя игнорировать, хотя реализация таких положений в каждом государстве обусловлена его специфическими социально-экономическими, политическими, национальными, географическими и прочими условиями.

Принятые на международном уровне нормы, принципы и рекомендации в области исполнения уголовных наказаний и деятельности уголовно-исполнительных учреждений и органов получили наименование международных стандартов обращения с осужденными [1, 2]. В более широком значении их можно также именовать международными стандартами уголовно-исполнительной деятельности.

Значение международных стандартов уголовно-исполнительной деятельности многогранно. В политическом аспекте появление конкретных документов, норм, рекомендаций и принципов – результат политической деятельности, политического взаимодействия субъектов международного права. Будучи принятыми, они определяют с различной степенью категоричности и обязательности важные направления внутригосударственной уголовной и уголовно-исполнительной политики. Так, вступление России в Совет Европы в январе 1996 г. было обусловлено,

помимо прочего, ее обязательством принять меры к отмене уголовного наказания в виде смертной казни. И хотя действующий УК РФ, принятый в июне 1996 г. и вступивший в силу 1 января 1997 г., в системе мер наказания (ст. 44) и по пяти составам преступлений (ст.ст. 105, 227, 245, 317, 357) сохраняет смертную казнь, она, как известно, в соответствии с политическим решением (распоряжением) Президента России и последующими решениями Конституционного Суда РФ не применяется в стране уже два десятилетия.

Содержащиеся в международных стандартах уголовно-исполнительной деятельности положения обобщают, аккмулируют и доводят до сведения законодателей и правоприменителей мировой опыт, выполняя важную информационную функцию. В этом отношении показательна позиция принятых в 2015 г. Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы): «Нижеследующие правила... предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли... изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления тюрьмами» [3].

С информационным тесно связано стимулирующее значение международно-правовых актов в области уголовно-исполнительной деятельности. Причем как в силу самого факта их существования, так и ввиду отраженных в этих актах способов, образцов, алгоритмов решения конкретных законодательных и правоприменительных проблем. К примеру, среди целей Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания (1992 г.) указано, что «их применение должно подвигнуть на поддержание требуемого и желательного равновесия между необходимостью защиты общества... с одной стороны, и социальной адаптации нарушителей закона – с другой» [4].

Поскольку международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности основаны и на нормах международного гуманитарного права (права прав человека), очевидно их гарантирующее значение применительно к обращению с осужденными в силу того, что они содержат целый ряд юридических га-

рантий соблюдения общепризнанных прав человека. В качестве примера укажем ст. 1 принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1988 г. «Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме»: «Все лица, подвергаемые задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» [5, с. 64]. Следуя упомянутому Своду принципов, Минимальные стандартные правила 2015 г. прямо указывают, что они «отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

На осуществление большого круга принципов, норм и рекомендаций, составляющих международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности, большое влияние оказывает разнообразие правовых систем различных стран, их социальных, политических, экономических и географических условий. Однако фактический уровень, степень их реализации и, что самое главное, – действительное стремление к этому расценивается международным сообществом в качестве важного критерия своего рода «цивилизованности» правовой системы государства. Здесь налицо оценочная роль многих международных стандартов.

Наряду с этим международно-правовые стандарты выполняют важную координационную функцию для уголовно-исполнительных систем различных стран. Нередко это прямо отражено в их содержании. Так, в Преамбуле принятых в 2010 г. Правилах Совета Европы о пробации говорится о «достижении большего единства между государствами, особенно посредством гармонизации законодательства по вопросам, представляющим взаимный интерес» [6, с. 525].

В случаях, когда конкретные международные акты (и прежде всего – ратифицированные международные договоры) являются актами прямого действия, очевидно их непосредственное правоприменительное значение. В соответствии с ч. 3 ст. 10 Федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в России непосредственно.

В ином случае, при отсутствии их прямого действия международно-правовые акты реализуются опосредованно, путем изменения текущего законодательства. И они весьма значимы для правильного понимания и толкования действующих норм. В качестве примера приведем ч. 12 ст. 97 Уголовно-исполнительного кодекса РФ «Выезды осужденных за пределы исправительных учреждений»: «Выезд осужденных на территорию другого государства разрешается в порядке и в случаях, предусмотренных соглашениями с соответствующими государст-

вами». Отсылка к соответствующим международным договорам демонстрирует и интерпретационную роль международно-правовых основ стандартов уголовно-исполнительной деятельности.

Ознакомление с ними, помимо прочего, призвано способствовать формированию гражданской позиции, расширению кругозора и совершенствованию профессионального сознания юристов и работников уголовно-исполнительной системы, а также общественности, участвующей в ее деятельности. Принятые в 2006 г. Европейские пенитенциарные правила (п. 77) устанавливают, что «при подборе нового персонала администрация пенитенциарного учреждения должна уделять повышенное внимание необходимости обеспечения его честности, гуманности, владению профессиональными навыками и личной пригодности к выполнению работы» [7, с. 77–78]. При этом «курс подготовки всех сотрудников должен предусматривать изучение международных и региональных документов в области прав человека» (п. 81.4). В этом, несомненно, следует усматривать воспитательно-мировоззренческую роль международных стандартов.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов научное значение указанных выше норм, принципов и рекомендаций. Во многих таких международных документах содержатся разделы или отдельные положения о стимулировании научных разработок в соответствующих областях. К примеру, согласно ст. 20.3 упомянутых выше «Токийских правил» 1990 г., «механизмы проведения исследований и сбора информации должны включаться в систему уголовного правосудия для сбора и анализа данных и статистических показателей». С другой стороны, и сами международные акты, а также проблемы их реализации все чаще становятся предметом серьезных научных изысканий [8].

Классификация рассматриваемых международных актов возможна по таким основаниям, как территориальный масштаб их действия, степень специализации, формы их выражения, степень обязательности.

По широте (территориальным масштабам) действия выделяют общемировые и региональные международные стандарты. Первые – это прежде всего документы, принятые Организацией Объединенных Наций (Генеральной Ассамблеей ООН), ее органами (например, Экономическим и Социальным Советом ООН) либо под эгидой ООН (Международными конгрессами по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и др.). Примерами служат Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 г.; Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. и другие. Общемировым международным документом, принятым вне рамок ООН, является, в частности, Конвенция № 29 Международной организации

труда 1930 г. «О принудительном или обязательном труде» [9].

Региональные международные стандарты распространяют действие на отдельные регионы планеты (континенты). Для России в этом отношении значимы международные акты, принимаемые Советом Европы (его Парламентской Ассамблеей либо Комитетом Министров СЕ).

По степени общности рассматриваемые международные стандарты можно классифицировать на универсальные и специальные. Первые относятся к правам человека в целом и лишь в отдельных их частях определяют специфическое положение личности в системе исполнения уголовного наказания. Например, Конвенция ООН 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [10]. Вторая группа стандартов принимается специально для отношений по исполнению наказаний (либо для системы уголовной юстиции в целом). Здесь особо выделяются международные документы, относящиеся к лишению свободы и к альтернативным наказаниям.

Кроме того, некоторые международные стандарты принимаются специально в отношении отдельных категорий осужденных, например женщин [11], несовершеннолетних [12], либо применительно к определенным профессиональным группам персонала пенитенциарных учреждений (врачам, должностным лицам по охране правопорядка и др.) [13].

По форме их юридического выражения или источникам происхождения межгосударственные договоры (пакты, конвенции) отличаются от актов, принятых международными правительственными или неправительственными организациями. К числу международных правительственных организаций можно отнести, например, ООН и ее рабочие органы, к неправительственным международным организациям – «Международную амнистию», «Penal Reform International» и другие.

От источника их происхождения зависит юридическая сила (степень обязательности) рассматриваемых международных стандартов. Межгосударственные международные договоры (пакты, конвенции) обязательны для государств, их подписавших и ратифицировавших. При этом в международном праве принято различать «несамоисполнимые» и «самоисполнимые» международные договоры. Первые для их реализации требуют соответствующего изменения внутреннего законодательства. Это, в частности, относится к находящимся в сфере действия УК РФ положениям ратифицированных Россией международных договоров, устанавливающих криминализацию конкретных общественно-опасных деяний. «Самоисполнимые» международные договоры действуют не только посредством изменения национального законодательства, но и непосредственно, когда внутреннее законодательство противоречит ратифицированному договору либо имеет пробел по данному вопросу. Такой подход отражен

в ч. 2 ст. 3 УИК РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора».

Следует отметить, что в области исполнения уголовных наказаний в России число ратифицированных «самоисполнимых» международных договоров крайне невелико. Практически все они касаются передачи осужденных иностранцев для отбывания наказания в страны, чьими гражданами (подданными) они являются. Это Страсбургская конвенция Совета Европы 1983 г. о передаче осужденных лиц [14], а также двусторонние соглашения РФ с более чем двадцатью государствами. В этой связи отсутствие в ст. 73 УИК РФ («Места отбывания лишения свободы») упоминания об этом не препятствует передаче осужденных-иностранцев в государства-участники Конвенции 1983 г., а также при наличии соответствующего двухстороннего международного договора.

Подавляющая часть официальных международных актов в области исполнения наказаний носит рекомендательный характер, что часто отражено в их содержании. Так, в Преамбуле Минимальных правил 2015 г. подчеркивается их «необязательный» характер. В п. 1.3 Токийских правил 1990 г. также указано, что они «применяются с учетом политических, экономических и социальных условий каждой страны, а также целей и задач ее системы уголовного правосудия». Рекомендательными являются все акты международных неправительственных организаций.

Тем не менее рекомендательный характер многих международных стандартов вовсе не означает, что их можно неосновательно игнорировать. Во-первых, в целом ряде наиболее фундаментальных документов такого рода содержатся положения, воспроизводящие общепризнанные нормы и принципы. Ведь система международных стандартов, имеющих отношение к исполнению уголовных наказаний, достаточно обширна. Многие из актов, содержащих такие стандарты, частично совпадают по смыслу. Однако то, что ряд их положений повторяется, дает возможность придать им больший вес путем перекрестной ссылки, то есть использовать подобную статью в одном документе как толкование более общей статьи в другом. Это особенно важно, если какое-либо положение имеет обязательную силу в одном документе и не имеет ее в другом.

Во-вторых, степень осуществления международных стандартов и, что немаловажно, само стремление к их реализации не без оснований расценивается как критерий «цивилизованности» уголовно-исполнительной системы в духе общепризнанных норм и принципов международного права. Поэтому в ч. 4 ст. 3 УИК закреплена позиция, что «рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с

осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей».

В широкий оборот в России рассматриваемые международные стандарты вошли относительно недавно, и не все в равной степени. История развития отечественной уголовно-исполнительной системы свидетельствует о диаметрально противоположных отношениях к соответствующим международным нормам. Известно, что такой авторитетный международный документ, как Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., в первые годы после их принятия, мягко говоря, не «рекламировались». Даже первая их публикация на русском языке была осуществлена в Академии МВД СССР под грифом «Для служебного пользования». В учебниках того времени международные конгрессы по борьбе с преступностью и международные документы об обращении с осужденными имели отрицательную идеологическую оценку¹. Для советского читателя в лучшем случае делались некоторые оговорки, что, несмотря на существование неких международных актов, отечественное законодательство и практика его применения ушли далеко вперед.

Напротив, когда в «постперестроечный» период на фоне гласности, демократизации и защиты прав человека обществу более широко открылись ворота колоний и тюрем, некоторые авторы стали писать о чрезвычайно безнадежной отсталости отечественной уголовно-исполнительной системы в свете международных стандартов и призывать ее к коренной ломке, в том числе путем повсеместной замены исправительных колоний тюрьмами [16; 17, с. 7–12].

Парадоксально, что эти крайности, ныне уже преодоленные, во многом были результатом слабой осведомленности не только с «буквой», но и с духом международных стандартов². Нынешнему поколению сотрудников уголовно-исполнительной системы уже не свойственно ранее существовавшее своеобразное «отторжение» международных стандартов как «происков мирового империализма». Однако отдельные стереотипы настороженного к ним отношения до конца еще не преодолены. К числу наиболее часто встречающихся относятся следующие:

- международные стандарты нам «навязывают»;
- международные стандарты – это «далеко» и «не про нас»;

- международные стандарты слишком абстрактны;
- контроль за соблюдением международных стандартов – это вмешательство во внутренние дела России;

- международные стандарты относятся только к лишению свободы (вариант – только к западным тюрьмам);

- международные стандарты односторонни, они направлены только на защиту прав осужденных, игнорируя права сотрудников;

- для реализации международных стандартов нужно иметь много средств.

Остановимся на критической оценке этих стереотипов. Тезис, что международные стандарты нам «навязывают», отчасти все же был справедлив в прошлом, когда, например, представители СССР самоизолировались от разработки и принятия в 1955 г. Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Однако ныне ситуация в этой области кардинально изменилась. Представители ФСИН России активно участвовали в разработке Европейских тюремных (пенитенциарных) правил 2006 г. и других международных документов. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности возглавляет представитель России. Под эгидой именно этого Управления был разработан и в 2015 г. принят и усовершенствованный вариант Минимальных стандартных правил обращения с заключенными [18, с. 36].

Отношение России к международным актам четко закреплено в Конституции РФ (ч. 4 ст. 15). Никакого умаления государственного суверенитета России в связи с необходимостью соблюдения международных стандартов здесь нет и не может быть. Наша страна – полноправный член международного, в том числе европейского сообщества. Эта позиция отражена и в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Статья 3 УИК («Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты») устанавливает, что «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными».

Столь же неосновательно расценивать рассматриваемые международные стандарты как совокупность далеких от России и действительности абстрактных и неконкретных положений. Понятно, что при разнообразии фактических условий существования и правовых систем различных государств ни один международный документ, претендующий на всеобщую реализацию, не может быть свободен и от некоторых относительно абстрактных формулиро-

¹ Так, в учебнике 1960 г. под редакцией Б. С. Утевского указывалось, что периодически созываемые тюремные конгрессы «всегда отражали и отражают антинародную тюремную политику буржуазии» [15, с. 56]. Авторы более поздних изданий (до конца 80 – начала 90-х годов) уходили от столь категоричных оценок путем игнорирования существовавших международных документов. В учебниках освещалась «реакционная тюремная политика капиталистических государств».

² К примеру, в ранее действовавшей редакции Концепции развития УИС до 2020 г. говорилось о «повышении эффективности исправительных учреждений до уровня международных стандартов», хотя никаких международных стандартов эффективности пенитенциарных учреждений вовсе не существует.

вок, таких, как «разумный срок», «достаточное основание», «эффективная помощь» и т.д. Однако каждое из таких положений может и должно быть предметом конкретизации, интерпретации в нормах национального законодательства. В Преамбуле к упомянутым выше Минимальным Правилам 2015 г. прямо оговаривается, что государства – члены ООН в надлежащих случаях могут адаптировать их применение «в соответствии со своей внутренней правовой системой, принимая во внимание дух и цели Правил». В свою очередь, практически каждое положение уголовно-исполнительного законодательства может быть рассмотрено с позиций его соответствия тем или иным международным актам.

Что касается международного контроля за реализацией международных стандартов, то его пределы, содержание и формы осуществляются в каждом конкретном случае на договорных началах, не предполагающих какое-либо «навязывание» либо вмешательство во внутренние дела России³. Как правило, формы и способы такого контроля оговариваются в международных актах, подлежащих ратификации. Ратификация такого международного акта (конвенции, пакта, договора и т.п.) высшим законодательным органом (Федеральным Собранием РФ) одновременно (если не сделано соответствующей оговорки) означает признание возможности международного контроля за соблюдением международного акта. Так, ратифицированная Российской Федерацией в 1998 г. Европейская конвенция 1987 г. по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в ст. 2 устанавливает, что «каждая сторона разрешает посещение в соответствии с данной Конвенцией любого места в пределах своей юрисдикции, где содержатся лица, лишённые свободы государственной властью». Для целей контроля создан Европейский комитет по предупреждению пыток, члены которого и проводят указанные выше посещения с составлением отчетов.

Если же отдельные положения международных актов расцениваются как вмешательство во внутренние дела России или как противоречащие ее Конституции, они не ратифицируются либо ратифицируются с оговорками. Возможна и денонсация соответствующих договоров, пактов, конвенций.

Известно, что Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. при ратификации Конвенции признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в Страсбурге обязательной при толковании Конвенции и протоколов к ней, если предполагаемое нарушение Россией положений этих актов имело место после вступления их в силу о отношении Российской Федерации (1998 г.). В то же время

с учетом отмеченных выше положений особая ситуация в части исполнимости решений ЕСПЧ возникает в случаях, когда толкование Судом норм Конвенции 1950 г. противоречит Конституции России. Эта проблема обострилась и вызвала оживленные, в том числе политические дискуссии в связи с известным решением ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по заявлению двух бывших осужденных из России. Суть их жалобы состояла в необходимости признания нарушения российскими властями ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на свободные выборы, поскольку, отбывая лишения свободы, они были лишены активного избирательного права.

По мнению Страсбургского суда, закрепленное ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение избирательного права лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, противоречит Конвенции и Протоколу № 1, поскольку носит «абсолютный, автоматический и недифференцированный характер». В связи с этим ЕСПЧ предложил России обеспечить участие заключенных в выборах.

В июле 2015 г. Конституционный Суд РФ постановил, что отдельные спорные решения ЕСПЧ могут в России не исполняться, если они противоречат Конституции. При этом он исходил из того, что международные договоры, в отношении которых наша страна оформила свое участие, обладают приоритетом только над законами, но не над Конституцией России. В итоге Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» требования ЕСПЧ о представлении права голоса всем заключенным, отбывающим наказание, были признаны неисполнимыми как противоречащие ст. 32 Конституции Российской Федерации.

Такое решение не было беспрецедентным. Конституционное право ряда стран исходит из того, что положения международных договоров могут иметь преимущество перед национальным законом, но не должны противоречить Конституции (ст. 5 Конституции Болгарии, ст. 25 Конституции Германии, ст. 91 Конституции Польши и др.) [19, с. 28].

Первые в истории международные стандарты обращения с осужденными (принятые еще в конце XIX столетия) относились именно к лишению свободы. Ныне действующая система международных актов весьма разнообразна и обширна. Значительная их часть посвящена наказаниям и иным уголовно-правовым мерам, не связанным с лишением свободы (т.н. «альтернативным санкциям»).

Столь же неосновательно расценивать международные акты как своего рода «лицу с односторонним движением», как направленные исключительно на защиту прав осужденных. Формальные основа-

³ На наш взгляд, прежде всего это обстоятельство не позволило внести в Уголовно-исполнительный кодекс РФ 1996 г. специальную статью о «международном контроле», как это сделано в уголовно-исполнительном законодательстве ряда стран СНГ (например, в ст. 17-3 УИК Кыргызской Республики).

ния для такого вывода могут проистекать из названия отдельных таких актов. Например – «Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными» 2015 г. Однако детальное ознакомление с содержанием этого и ему подобных документов свидетельствует, что сотрудники уголовно-исполнительной системы также не обойдены вниманием международного сообщества. Во всех главных документах такого рода есть разделы о персонале уголовно-исполнительных учреждений и органов. Как указано, в частности, в ст. 74 Правил Манделы, «тюремная администрация должна неустанно прививать своим сотрудникам и общественности в целом убеждение в том, что эта работа имеет большое общественное значение».

Наконец, следует преодолевать стереотип, что реализация международных стандартов требует огромных средств и поэтому они в России недостижимы. Здесь нужно иметь в виду существование в международных стандартах двух групп положений: норм-принципов и норм-рекомендаций. Отход от первой группы недопустим ни при каких обстоя-

тельствах, но их соблюдение вовсе не требует каких-то особых материальных затрат (например, требования об индивидуализации личности осужденных, о запрете пыток или иного бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения или наказания). Что же касается норм-рекомендаций, то они, как правило, не содержат каких-либо конкретных предписаний (норм питания осужденных, размера жилой площади пенитенциарных учреждений, минимальных норм содержания или питания заключенных и т.п.). Как указывается в Преамбуле Минимальных правил 2015 г., «принимая во внимание разнообразие юридических условий, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно. Они должны, однако, вызывать к жизни постоянное стремление к преодолению практических трудностей, стоящих на пути к их осуществлению, поскольку в общем и в целом они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарев П.Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации. Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1994.
2. Уткин В.А. Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации. Томск: Изд-во НТЛ, 1998.
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными. Приняты Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию ЭКОСОС ООН 21 мая 2015 г. (Резолюция V.15-03587(R)).
4. Рекомендация № R(92)16 Комитета Министров государствам-членам относительно Европейских правил по применению общественных санкций и мер взыскания (принята 13 октября 1992 г.).
5. Международные стандарты в уголовно-исполнительной сфере. Рязань: АПУ ФСИН РФ, 2015. С. 64–66.
6. Рекомендация CM/REC(2010)1 Комитета Министров государствам-членам о Правилах Совета Европы о пробации (принята Комитетом Министров 20 января 2010 г.) // Российское уголовно-исполнительное право. Т. II. Особенная часть. М.: МГЮА, 2011. С. 524–540.
7. Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов. Рязань: АПУ ФСИН РФ, 2008. С. 80–92.
8. Антипов А.Н., Голык Н.М. и др. Влияние международно-правовых актов на уголовно-исполнительное законодательство России. М.: НИИ ФСИН РФ, 2015 и др. 187 с.
9. Международная защита прав и свобод человека. Сб. документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 219–230.
10. Там же. С. 109–125.
11. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей [Бангкокские правила]. Резолюция ГА ООН от 21 декабря 2010 г.
12. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Резолюция ГА ООН № 45/113 от 14 декабря 1990 г. // Международные стандарты в уголовно-исполнительной сфере. С. 153–182.
13. Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Приняты Резолюцией 37/194 ГА ООН от 18 декабря 1982 г. // Там же. С. 148–152 и др.
14. Конвенция Совета Европы «О передаче осужденных лиц». Страсбург. 21 марта 1983 г. // Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций... С. 28–40.
15. Советское исправительно-трудовое право. М.: Госюриздат, 1960.
16. Фелелов В.А. Социально-правовые основы цивилизации исправительных учреждений. Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1992. 166 с.
17. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. // Утв. Распоряжением Правительства России от 14 октября 2010 г. № 1772-р. (в ред. 23.09.2015).
18. Князков А.С. Новый шаг в развитии международных стандартов обращения с осужденными // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2016. № 2(27). С. 34.
19. Барнашов А.М. Конституции государств и нормы международного права // Судья. 2013. Декабрь. С. 28–29.

INTERNATIONAL STANDARDS OF PENAL ACTIVITIES AND STEREOTYPES OF THEIR PERCEPTION

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 89–96. DOI 10.17223/23088451/8/14

Vladimir A. Utkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

Keywords: international standards for punishment execution; classification of international standards; professional legal consciousness of lawyers.

International cooperation in the field of execution of criminal penalties finds legal expression in the aggregate of international acts which are usually referred to as “international standards for the treatment of prisoners”. Considering the multifaceted nature of this field of criminal policy, it is more accurate to refer to them as “international standards for penitentiary activities”. Their role is very great and diverse. The paper analyzes the political, informational, stimulating, guaranteeing, evaluative, coordinating, law-enforcing, interpretative, educational-worldview and scientific significance of the international standards under consideration. The classification of international standards is presented and justified. The classification of international standards is made by different criteria: by the territorial scale of action, by the degree of specialization, by forms of legal expression (sources), by the degree of compulsion. Special attention is paid to the critical analysis of the still existing stereotypes of perception of international standards by society, lawyers and employees of the penal system. This is the perception of standards as wishes imposed on Russia and imploring its sovereignty, as abstract and “far” from reality, as directed solely at protecting the rights of prisoners and, finally, as requiring large financial and economic costs for their implementation.

REFERENCES

1. Ponomarev, P.G. (1994) *Mezhdunarodno-pravovye standarty obrashcheniya s zaklyuchennymi i natsional'nye varianty ikh realizatsii* [PG International legal standards for the treatment of prisoners and national options for their implementation]. Ryazan: RIPE MVD RF.
2. Utkin, V.A. (1998) *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s osuzhdennymi i problemy ikh realizatsii* [International standards of treatment of prisoners and problems of their implementation]. Tomsk: Izd-vo NTL.
3. United Nations. (2015) *Minimal'nye standartnye pravili Organizatsii Ob»edinennykh Natsiy v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi. Prinyaty Komissiyey po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugovolnomu pravosudiyu EKOSOS OON 21 maya 2015 g.* [The United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. Adopted by the Commission on Crime Prevention and Criminal Justice of the United Nations Economic and Social Council on 21 May 2015]. Resolution V.15-03587(R).
4. Council of Europe Committee of Ministers. (1992) *Rekomendatsiya № R(92)16 Komiteta Ministrov gosudarstvam-chlenam otositel'no Evropeyskikh pravil po primeneniyu obshchestvennykh sanktsiy i mer vyzskaniya (prinyata 13 oktyabrya 1992 g.)* [Recommendation R(92)16 of the Committee of Ministers to Member States on the European Regulations on the Application of Public Sanctions and Penalties (adopted on 13 October 1992)].
5. APU FSIN RF. (2015) *Mezhdunarodnye standarty v ugovolno-ispolnitel'noy sfere* [International standards in the penal sphere]. Ryazan: APU FSIN RF.
6. Council of Europe Committee of Ministers. (2011) *Rekomendatsiya CM/REC(2010)1 Komiteta Ministrov gosudarstvam-chlenam o Pravilakh Soveta Evropy o probatsii (prinyata Komitetom Ministrov 20 yanvarya 2010 g.)* [Recommendation CM/REC(2010)1 of the Committee of Ministers to member states on the Rules of the Council of Europe on probation (adopted by the Committee of Ministers on January 20, 2010)]. In: Eminov, V.E. & Orlov, V.N. *Rossiyskoe ugovolno-ispolnitel'noe pravo* [Russian penal law]. Vol. 2. Moscow: MGYuA.
7. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2008) *Sbornik konventsiy, rekomendatsiy i rezolyutsiy, kasayushchikhsya penitentsiarnykh voprosov* [A collection of conventions, recommendations and resolutions relating to penitentiary matters]. Ryazan: APU FSIN RF.
8. Antipov, A.N. et al. (2015) *Vliyaniye mezhdunarodno-pravovykh aktov na ugovolno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossii* [Influence of international legal acts on the penal legislation of Russia]. Moscow: NII FSIN RF.
9. Ponomarev, A.M. (ed.) (1990) *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka. Sbornik dokumentov* [International protection of human rights and freedoms. Collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Ponomarev, A.M. (ed.) (1990) *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka. Sbornik dokumentov* [International protection of human rights and freedoms. Collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. UN General Assembly. (2010) *Pravila Organizatsii Ob»edinennykh Natsiy, kasayushchiesya obrashcheniya s zhenshchinami-zaklyuchennymi i mer nakazaniya dlya zhenshchin-pravonarushiteley [Bangkokskie pravila]* [United Nations Rules for the Treatment of Women Prisoners and Punishments for Women Offenders [Bangkok Rules]]. Resolution of the UN General Assembly of December 21, 2010.
12. UN General Assembly. (2015) *Pravila Organizatsii Ob»edinennykh Natsiy, kasayushchiesya zashchity nesovershennoletnikh, lishennykh svobody. Rezolyutsiya GA OON № 45/113 ot 14 dekabrya 1990 g.* [United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty. UN General Assembly Resolution No. 45/113 of December 14, 1990]. In: *Mezhdunarodnye standarty v ugovolno-ispolnitel'noy sfere* [International standards in the penal sphere]. Ryazan: APU FSIN RF.
13. UN General Assembly. (2015) *Printsipy meditsinskoy etiki, odnosyashchiesya k roli rabotnikov zdavookhraneniya, v osobennosti, vrachey, v zashchite zaklyuchennykh ili zaderzhannykh lits ot pytok i drugikh zhestokikh, beschelovechnykh ili unizhayushchikh dostoinstvo vidov obrashcheniya i nakazaniya. Prinyaty Rezolyutsiyey 37/194 GA OON ot 18 dekabrya 1982 g.* [Principles of medical ethics relating to the role of health workers, especially doctors, in protecting prisoners or detainees from torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. Adopted by UN General Assembly Resolution 37/194 of December 18, 1982]. In: *Mezhdunarodnye standarty v ugovolno-ispolnitel'noy sfere* [International standards in the penal sphere]. Ryazan: APU FSIN RF.
14. Council of Europe. (2008) *Konventsiya Soveta Evropy «O peredache osuzhdennykh lits».* Strasbourg. 21 marta 1983 g. [Council of Europe Convention on the Transfer of Sentenced Persons. Strasbourg. 21 March 1983]. In: Kalinin, Yu.I. (ed.)

- Sbornik konventsiy, rekomendatsiy i rezolyutsiy, kasayushchikhsya penitentsiarnykh voprosov* [A collection of conventions, recommendations and resolutions relating to penitentiary matters]. Ryazan: APU FSIN RF.
15. Utevskiy, B.S. (ed.) (1960) *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo* [Soviet correctional labor law]. Moscow: Gosyurizdat.
 16. Fefelov, V.A. (1992) *Sotsial'no-pravovye osnovy tsivilizatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy* [Social and legal foundations of the civilization of correctional facilities]. Ryazan: RIPE MVD RF.
 17. The Government of the Russian Federation. (2015) *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 g. Utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossii ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r.(v red. 23.09.2015)* [The concept of the development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020. Approved by Order 1772-r of the RF Government of October 14, 2010 (as amended on September 23, 2015)].
 18. Knyaz'kov, A.S. (2016) A new step in the development of international standards of treatment of prisoners. *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2(27). pp. 34–38. (In Russian).
 19. Barnashov, A.M. (2013) *Konstitutsii gosudarstv i normy mezhdunarodnogo prava* [Constitutions of states and norms of international law]. *Sud'ya – Judge*. December. pp. 28–29.

С.В. Чубраков

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

Рассматриваются основные проблемы применения принуждения (негативных последствий) при обеспечении воплощения в жизнь уголовно-исполнительных предписаний. Выявляются пробелы в действующем уголовно-исполнительном законодательстве в части наличия правил поведения, не обеспеченных реальными санкциям, а также предлагается свое видение возможных негативных последствий, обеспечивающих уголовно-исполнительные предписания.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительное регулирование, обеспечение уголовно-исполнительных предписаний, меры ответственности, меры взыскания.*

Как известно из общих положений теории права, любые правила поведения, относящиеся к праву, обеспечиваются как средствами убеждения, так и средствами принуждения. Первые представляют собой различного рода меры, реализующие стимулы-поощрения, и не являются обязательными при правовом регулировании, имея по общему правилу рекомендательный характер. Вторые средства выступают в виде негативных последствий за добровольное невоплощение требуемого поведения и, в отличие от первых, являются обязательным элементом процесса правового регулирования.

При этом средства принуждения (при обеспечении реализации правовых предписаний) могут существовать в двух основных видах:

- в виде мер принудительной реализации требуемого поведения;
- в виде мер ответственности.

Правовой формой данных средств принуждения выступает соответствующее предписание-санкция, закрепляющая негативное последствие, которое в обязательном порядке должно обеспечивать предписание-диспозицию на случай добровольного невоплощения последнего в жизнь. Это требование вытекает прежде всего из такого свойства права, как государственная принудительность [1, с. 69–78, 84–97; 2, с. 57, 68, 73].

Полагаем, что имеются достаточные основания для констатации наличия у права и его частей (отраслей, правовых норм и т.д.) также и свойства взаимообеспечения. Оно проявляется, во-первых, в необходимом обеспечении одного правового предписания (диспозиции), закрепляющего конкретное правило поведения, другими предписаниями, которые на первоначальном (низшем) уровне будут условием его применения (гипотезой) и негативным последствием за его несоблюдение (санкцией в широком смысле слова). Во-вторых, в его одновременной способности обеспечивать другие предписания, выступая в иных отношениях при формировании разных видов правовых норм их гипотезой или санкцией. Указанное свойство правового предписания при проецировании на другое предписание трансформируется в системообразующее отношение (принцип) взаимообеспечения [3, с. 90, 92–93]. Так,

установить любое правило (модель) поведения в сфере исполнения мер уголовной ответственности с соблюдением отношений взаимообеспечения возможно лишь тогда, когда будет оговорено условие применения этого правила и последствие за его несоблюдение. Важно, что нахождение правовых предписаний в отношениях взаимообеспечения не ограничивается исключительно рамками уголовно-исполнительного права. Эти отношения гораздо шире и могут реализовываться в межотраслевом «пространстве» в разных вариантах.

Свойство взаимообеспеченности проявляется и на иных, высших уровнях взаимодействия правовых предписаний, когда не только отдельные предписания обеспечивают существование других, но и их группы, объединенные по заданным свойствам, взаимообеспечивают жизнь иных групп (например, уголовно-исполнительных норм и институтов).

При этом вопросы обеспечения правовых предписаний негативными последствиями вряд ли можно признать решенными, в том числе и в уголовно-исполнительном праве [4].

В частности, есть достаточно примеров, когда некие модели поведения, «претендующие» на наличие статуса уголовно-исполнительных правовых предписаний, не находятся в отношениях взаимообеспечения с иными предписаниями, в том числе оцениваемыми для них как предписания-санкции¹.

Это, например, предписания, возлагающие обязанности на осужденного к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 37 УИК РФ), или предписания, регламентирующие обязанности администраций организаций, использующих труд осужденных к обязательным и исправительным работам (ст.ст. 28 и 43 УИК РФ). Ни первые, ни вторые не обеспечены никакими иными реальными правилами, создающими негативные последствия за их несоблюдение, то есть не имеют предписаний-санкций.

¹ Причем проблема отсутствия негативных последствий проявляется, как минимум, в двух аспектах: как при отсутствии вообще каких-либо обеспечительных правил подобного вида, так и при их наличии, но формальном, например, когда ответственность виртуальна либо механизм принудительного воплощения – несуществующим.

Также правовые предписания, закрепленные в ч. 1 ст. 29 УИК РФ и п.п. 55, 56 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20.05.2009 г. № 142, и претендующие на роль санкции (для иных правил, устанавливающих обязанности осужденных к обязательным работам), по факту с этой задачей не справляются, поскольку предусмотренные в них беседы и предупреждения не являются реальными негативными последствиями в виде ответственности. В итоге незлостное нарушение осужденным порядка и условий отбывания обязательных работ остается необеспеченным. Аналогичная ситуация складывается и с предписанием, находящимся, например, в п. 79 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20.05.2009 г. № 142, которое гласит, что, в случае увольнения осужденного к исправительным работам из организации по собственному желанию без соответствующего разрешения, инспекция направляет документы в органы прокуратуры.

В результате отсутствие отношений взаимообеспечения в части санкций можно констатировать в двух случаях: когда определенное правовое предписание, выступающее в роли диспозиции, не имеет санкции вообще, либо когда такая санкция имеется, но она формальная и не может справляться со своей задачей.

Наиболее явно проблема отношений взаимообеспечения при отсутствии реальных негативных последствий видна на примере закрепления в действующем УИК РФ ответственности за злостное уклонение от отбывания уголовных наказаний. Одним из серьезных минусов современного закона является то, что УК РФ и УИК РФ не используют идентичных подходов, предусматривая то незачет времени уклонения в срок наказания (например, при лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), то пропорциональную замену на иные наказания (например, при обязательных и исправительных работах), то замену иным более строгим наказанием без каких-либо четких условий (например, при штрафе), то вообще уголовную ответственность (например, при ограничении свободы, назначаемом как дополнительное наказание, а также при лишении свободы). Представляется, что во всех случаях злостного добровольного неисполнения со стороны осужденного приговора суда не должно быть никаких пропорций замены и т.п., а должны наступать реальные негативные последствия, как минимум, в виде ответственности, воплощаемой в ином более строгом наказании (как путем закрепления такого правила в Общей части УК РФ или УИК РФ, так и, при наличии к тому оснований, путем криминализации соответствующих случаев уклонения в Особенной части УК РФ). Полагаем, что лишь отбытая, исполненная часть первоначального наказания может пропор-

ционально пересчитываться для зачета ко вновь назначенному наказанию.

В случае с невиновным неисполнением ситуация иная, оно должно влечь другие последствия, в том числе допуская перерасчет одного наказания в другое с учетом заменяющих начал.

Основные вопросы обеспечения уголовно-исполнительных предписаний негативными последствиями (принуждением, санкциями) можно свести первоначально к следующим:

- какого рода могут быть эти негативные последствия;

- какими видами негативных последствий должны обеспечиваться уголовно-исполнительные правовые предписания.

Отвечая на первый вопрос, нужно учитывать, что в классическом виде, как отмечалось выше, эти негативные последствия могут быть двух видов:

- принуждение к воплощению в жизни правила поведения, закрепленного в предписании-диспозиции (принуждение к требуемому поведению);

- ответственность за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции.

Все это полностью применимо и в уголовно-исполнительном праве.

Отвечая на второй вопрос, следует выделить два условия, которые могут влиять на строение предписаний-санкций в уголовно-исполнительном праве:

- наличествует либо отсутствует возможность принудительной реализации модели поведения, закрепленной в предписании-диспозиции;

- то, чему посвящено содержание уголовно-исполнительного предписания-диспозиции: реализации карательных элементов наказания, специально предупредительных мер или исправительных мер.

В зависимости от содержания предписания-диспозиции и возможности ее принудительного воплощения строение предписания-санкции может предусматривать либо только обеспечительную модель-ответственность за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции, либо только обеспечительную модель-принуждение к воплощению предписания-диспозиции, либо и обеспечительную модель-принуждение, и обеспечительную модель-ответственность одновременно.

Если принудительная реализация первоначально предписанной модели в диспозиции отсутствует, то независимо от ее содержания предписание-санкция должна предусматривать обеспечительную модель-ответственность за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции.

Если взять вариант, когда принудительная реализация первоначально предписанной модели в диспозиции существует, то возникает, как минимум, два резонных вопроса:

- во всех ли случаях, когда имеется соответствующая возможность принудительной реализации, она должна использоваться;

- в каких ситуациях при закреплении в обеспечительной модели механизма принудительной реали-

зации основной модели будет отсутствовать потребность в установлении также ответственности за добровольное ее неисполнение.

По первому вопросу полагаем, что наличие возможности реализации в принудительном порядке основной модели (предусмотренной в ней обязанности, возложенной на одного из субъектов) должно влечь по общему правилу наличие механизма ее принудительного воплощения, то есть необходимость закрепления и реализации такой обеспечительной модели (модели-санкции). Это касается как правил (диспозиций), посвященных реализации карательных элементов наказания, так и правил, касающихся специально-предупредительных мер. Исключения составляют случаи, когда предписание-диспозиция касается регламентации применения некарательных исправительных мер. В этой ситуации принудительного воплощения быть не должно даже тогда, когда такая возможность есть, поскольку при нежелании осужденного реализовывать любые исправительные меры заставить его делать это фактически невозможно (это касается и труда, и воспитательной работы, и образования, и много другого).

Касаемо вопроса о том, в каких ситуациях при закреплении в обеспечительной модели механизма принудительной реализации основной модели будет отсутствовать потребность в установлении также ответственности за добровольное ее неисполнение, считаем, что наличие факта добровольного виновного неисполнения основной модели, закрепленной в диспозиции, должно всегда влечь реализацию модели-санкции, предусматривающей ответственность за это, независимо от того, касается основная модель регламентации карательных лишений, правоограничений наказания, специально-предупредительных мер или исправительных мер, особенно в тех случаях, когда возможность принудительной реализации этой основной модели отсутствует (иначе необходимые отношения взаимообеспечения не будут реализованы в такой ситуации вообще).

В случае если основная модель в диспозиции может быть принудительно реализована и соответствующее предписание-санкция, закрепляющее обеспечительную модель такого вида, существует (что предполагает и его реализацию), то вопрос о необходимости наличия наряду с этим предписания-санкции, устанавливающего ответственность за добровольное неисполнение основной модели, должен, по нашему мнению, также решаться положительно, причем независимо от того, регламентации чего посвящена основная модель: карательных лишений, правоограничений либо специально-предупредительных мер (поскольку, как отмечалось, исправительных мер подобного вида нет). Следует это из того, что в сфере исполнения мер уголовной ответственности любое правовое предписание, закрепляющее основную модель поведения в диспозиции, должно подкрепляться некими дополнительными негативными последствиями в виде лишений и правоограничений для утращения во избежание его

добровольного неисполнения, поскольку в силу наличия противоречий между интересами государства и осужденного последний, по общему правилу, нацелен на избежание как карательного воздействия, так и воздействия специально-предупредительными и исправительными мерами.

Если коротко, то негативные последствия (санкция) в виде ответственности должны быть, по нашему мнению, всегда, а негативные последствия (санкция) в виде принудительного воплощения требуемого поведения должны быть наряду с первыми только тогда, когда требуемое поведение в принципе может быть реализовано принудительно и когда оно не касается реализации исправительных мер.

Как отмечалось, обеспечительные модели-санкции двух разновидностей – устанавливающие ответственность и принуждающие к требуемому поведению – коррелируют двум вышеуказанным видам средств принуждения: мерам ответственности (например, замене одного наказания на другое, более строгое) и мерам принудительной реализации требуемого поведения (например, принудительному взысканию штрафа при назначении его как дополнительного наказания), то есть предписания-санкции выступают правовой формой данных средств принуждения.

При этом, если с принуждением к требуемому поведению каких-либо острот обсуждений нет, то вопрос о конкретных вариантах мер ответственности является активно дискутируемым в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной литературе, а также очевидно запутанным и, можно сказать, запущенным в действующем уголовно-исполнительном законодательстве.

Нет ясности, в частности, в том:

- где при обеспечении уголовно-исполнительных предписаний должно быть принуждение и в каком виде (уголовная, административная, уголовно-исполнительная или иная ответственность, должно ли это быть в виде мер взыскания или что-то иное);

- возможно ли изменение первоначально назначенных мер уголовной ответственности и каковы его пределы (в частности, определение критериев достижения поставленных перед уголовной ответственностью целей для оценки необходимости изменения объема карательно-воспитательного воздействия).

Следует также отметить, что обеспечивающие меры ответственности могут как влечь изменение вида первоначально назначенной меры уголовной ответственности (правда, это касается только такой ее формы, как уголовное наказание), так и оставлять ее, порождая дополнительные лишения и правоограничения прав и свобод осужденного в ее рамках, в то время как обеспечивающие меры принудительного воплощения требуемого поведения всегда связаны с оставлением неизменной первоначально назначенной меры уголовной ответственности.

Как говорилось выше, обеспечивающие меры ответственности необходимы всегда (причем для

обеспечения реализации любых средств воздействия на осужденных), а обеспечивающие меры принудительного воплощения требуемого поведения необходимы только в тех случаях, когда это поведение способно быть принудительно воплощено, причем для обеспечения реализации только таких средств, как кара и специально-предупредительные меры.

К настоящему моменту законодателем не создано не только системы адекватных мер реакции на положительное либо отрицательное поведение осужденных в процессе применения к ним мер уголовной ответственности, а также соединяемых с ними исправительных мер и специально-предупредительных мер, но и понятных правил, по которым можно было бы определенные меры относить к «кнутому» или к «прянику», равно как и правил, объясняющих наличие либо отсутствие их при сопровождении отдельных мер уголовной ответственности. Это касается как мер ответственности, так и поощрительных мер, призванных стимулировать осужденного к требуемому поведению за счет предоставления дополнительных благ, социальных возможностей, сокращения применения кары, улучшения фактических условий отбывания наказания и т.п.

Средства принуждения в виде мер ответственности (которые могут быть представлены карательными мерами и специально-предупредительными мерами) и мер принудительного воплощения требуемого поведения являются предметным воплощением механизмов, заставляющих осужденного претерпевать оказываемое на него карательно-воспитательно-предупредительное воздействие теми средствами (карой, исправительными мерами и специально-предупредительными мерами), которые были определены государством как требуемые для достижения поставленных целей уголовной ответственности.

Принуждение к такому карательно-воспитательно-предупредительному воздействию (в рамках процесса, именуемого в литературе карательно-воспитательным [5, с. 16; 6, с. 90]) порождает целый ряд требований прежде всего к системе мер уголовной ответственности, в том числе выходящих за пределы уголовно-исполнительного регулирования.

В частности, наличие необходимости принуждения осужденного (в том числе путем его устрашения) к соблюдению основной модели поведения, закрепленной в предписании-диспозиции, требует в первую очередь выстраивания системы мер уголовной ответственности таким образом, который позволит по общему правилу заменять одни первоначально назначенные меры (менее репрессивные) в случае их неисполнения другими, более суровыми (жесткими).

Здесь возникает целый ряд вопросов, например, о возможности и целесообразности замены одних иных мер уголовно-правового характера другими в случае добровольной нереализации осужденными первых. Исходя из «узкого подхода» к пониманию иных мер уголовно-правового характера [7], отно-

сящего к их числу из существующих по действующему законодательству только таких мер, как условное осуждение (ст. 73 УК РФ), отсрочка от отбывания наказания (ст. 82 и 82.1 УК РФ) и условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), а также с учетом того, что все эти три меры являются по своей природе определенными видами освобождения под некими условиями от отбывания наказания или его части, следует прийти к выводу о невозможности и нецелесообразности прямого обеспечения ими друг друга (то есть о запрете любых вариантов непосредственной взаимной замены). Так, очевидной представляется абсолютная невозможность прямой замены условного осуждения условно-досрочным освобождением (поскольку последнее применимо только после реального отбывания определенной части наказания), равно как нецелесообразно заменять условно-досрочное освобождение условным осуждением (поскольку и первое, и второе применяется при наличии оснований полагать, что для исправления осужденного реального отбывания наказания не требуется). Аналогичная ситуация с прямой заменой условного осуждения и условно-досрочного освобождения (при их отмене) такой мерой, как отсрочка от отбывания наказания, равно как и наоборот, поскольку фактически во всех случаях и основанием отмены, и основанием применения данных мер является прогноз суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, только в первой ситуации с негативным ответом, а во второй – с положительным. При этом вопрос об опосредованной замене, то есть о первоначальном назначении в результате нереализации иной меры уголовно-правового характера реального наказания с последующим решением вопроса о применении другой иной меры из числа перечисленных, является весьма неоднозначным. Более того, он фактически прямо не решен и в действующем законодательстве (хотя можно говорить, что по ряду ситуаций УК РФ этого не запрещает, а значит, разрешает). Еще раз оговоримся – выше мы рассматривали лишь случаи уклонения от реализации иных мер уголовно-правового характера.

В отношении такой формы реализации уголовной ответственности, как уголовное наказание, очевидна потребность выстраивания системы наказаний таким образом, который позволит по общему правилу заменять одни менее репрессивные наказания в случае их неисполнения другими, более строгими². Данная система должна подразумевать, как минимум, соотносимость наказаний (то есть возможность оценки одного наказания как менее или более строгого по отношению к другому, что достигается в том числе путем выстраивания их в «лест-

² Безусловно, при таком способе конец все же может быть (если последним по репрессивности наказанием не является смертная казнь, злостно уклонится от которой осужденному невозможно), но его можно преодолеть, в том числе увеличением срока (размера) «конечного» наказания более жесткими условиями его исполнения и т.д.

ницу» наказаний), адекватную оценку карательного потенциала каждого наказания в системе (то есть занятие определенным наказанием своего места в репрессивной шкале построенной «лестницы» наказаний), непересечение их содержания (то есть исключение ситуаций искусственного дублирования одних и тех же наказаний), а также отсутствие наложений репрессивного потенциала одних наказаний на потенциал других (то есть соблюдение правила, по которому любое наказание, стоящее в лестнице наказаний ниже другого и оцениваемое как менее строгое, даже в самом большом размере не должно быть жестче минимального размера более строгого наказания). О проблемах действующей системы наказания см., например, [8]. Существующий подход законодателя, в частности при закреплении последствий злостного уклонения от отбывания наказаний, не может быть признан правильным в том числе потому, что практически для каждого наказания эти правила замены (и сами негативные последствия, в частности, в виде заменяемых наказаний), по непонятным причинам, являются своими (то есть не выработано некоего общего алгоритма). Отдельной является проблема обеспечения исполнения, в том числе замены наказаний, назначенных в качестве дополнительных.

Все вышеприведенные требования касаются случаев применения обеспечительных мер ответственности, которые исчерпываются карательными элементами. Вместе с тем в рамках необходимости к принудительному исполнению таких средств воздействия, как кара, исправительные меры и специально-предупредительные меры (которые могут и составлять содержание назначенных мер уголовной ответственности, и соединяться с содержанием данных мер), не обойтись и без дополнительных мер, выходящих за рамки такого средства воздействия, как кара, но также представляющих собой негативные последствия за неисполнение правовых предписаний-диспозиций в виде принуждения к их исполнению (например, привод осужденного) либо в виде ответственности (например, дисциплинарный штраф при лишении свободы). Это связано с тем, что ресурсы самих карательных лишений и правоограничений весьма ограничены в части возможности обеспечения принудительного воздействия, в том числе и потому, что вовсе не всегда есть необходимость (например, при уклонении осужденного от явки для постановки на учет в уголовно-исполнительную инспекцию) и (или) возможность (например, при нарушении правил исполнения пожизненного лишения свободы) изменять первоначально назначенную меру уголовной ответственности другой, более строгой. Соответственно это влечет потребность существования и иных негативных последствий в виде мер, применяемых к осужденному за нарушение порядка отбывания назначенных мер уголовной ответственности, которые дополнительно ограничивают осужденного в правах и свободах в

рамках первоначальных мер (то есть без изменения их вида)³.

Как говорилось, подобные меры могут быть двух видов: принуждающие к определенному поведению или влекущие ответственность. Если же обратиться к действующему уголовно-исполнительному законодательству, то оно предусматривает в настоящее время иную классификацию, деля их на:

- меры взыскания;
- и все иные (иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания и не влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности).

Причем по УИК РФ меры взыскания выделяются только для определенных видов наказаний (из действующих ныне – это ограничение свободы (ч. 2 ст. 58 УИК РФ), лишение свободы (ст. 115 УИК РФ) и содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 168 УИК РФ)), имея закрытый перечень, который, например, для лишения свободы уже неоднократно менялся в течение не столь долгой жизни действующего Кодекса. Меры взыскания должны быть всегда представлены в виде ответственности, то есть конкретных лишений, правоограничений, связанных с совершенным правонарушением (виновным добровольным неисполнением правового предписания-диспозиции, содержащего основную модель поведения), поскольку форма принуждения к несоблюденному поведению для них невозможна. Однако, если обратиться к тем видам, которые есть в современной редакции уголовно-исполнительного закона, то можно обнаружить, что это далеко не всегда так. В частности, среди мер взыскания законодатель предусматривает такие, которые, по сути, никаких реальных негативных последствий не влекут – это предупреждение, официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений (ч. 2 ст. 58 УИК РФ), выговор (ст.ст. 115 и 168 УИК РФ) и строгий выговор (ст. 168 УИК РФ). Хотя применение ряда из них может в дальнейшем повлечь негативные последствия (как, например, при ограничении свободы – при определенных условиях в соответствии со ст. 58 УИК РФ осужденный может быть признан злостно уклоняющимся от отбывания наказания с соответствующей заменой данного наказания либо с привлечением к уголовной ответственности). При этом применение подобных мер взыскания в любом случае только одно из условий наступления в дальнейшем реальных негативных последствий, чего, как нам представляется, быть не должно.

Иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания и не влекущие замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности, не имеют какого-либо консолидирования и представляют

³ Здесь нельзя не учесть и того, что сами меры уголовной ответственности могут быть по репрессивному потенциалу весьма широкими (например, лишение свободы может отбываться как в колонии-поселении, так и в тюрьме), что позволяет активно «двигаться» и в их рамках.

собой разбросанные по УИК РФ отдельные негативные последствия для осужденных, уклоняющихся от карательно-воспитательно-предупредительного воздействия (например, случаи изменения количественного наполнения мер ответственности, случаи принудительного взыскания штрафа, случаи привода и т.д.). Они в отличие от первых мер взыскания могут быть, по мнению законодателя, и в виде мер, принуждающих к требуемому поведению, и в виде мер ответственности за это уклонение.

Если проанализировать ту ситуацию, которая ныне отражена в УИК РФ с отмеченными выше дополнительными обеспечительными мерами, не содержащими кары (карательных элементов) и не влекущими изменение вида первоначально назначенных мер ответственности, то следует прийти к выводу о полной неразработанности этого вопроса, поскольку нет ни понятия мер взыскания, ни общего названия и понятия иных мер, не являющихся мерами взыскания, ни четких признаков, отличающих первые от вторых, ни многого другого. В частности, абсолютно неясно, например, почему такие негативные последствия при исполнении лишения свободы, как изменение условий содержания либо изменение вида исправительного учреждения, не отнесены сейчас законом к мерам взыскания и чем, если не ими, они являются.

Представляется, что законодатель должен изменить существующий подход к указанным иным мерам, влекущим негативные последствия для осужденного за нарушение им правил отбывания назначенных мер уголовной ответственности и не относимым им к мерам взыскания. В частности, полагаем, что все негативные последствия, оформленные в виде мер ответственности, которые выходят за рамки средств воздействия в виде кары и не влекут изменения вида первоначально назначенных наказаний либо иных мер уголовно-правового характера, для всех видов реализации мер уголовной ответственности и соединяемых с ними исправительных мер и специально-предупредительных мер должны быть закреплены в качестве мер взыскания (за исключением тех мер, которые могут быть помещены, например, в КоАП РФ). Причем положения, регламентирующие их, можно вынести в Общую часть УИК РФ. Те же негативные последствия, которые имеют вид мер принудительного воплощения требуемого поведения, от которого осужденный уклоняется, должны быть поименованы иначе и также могут быть обобщены, например, в Общей части УИК РФ.

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что если уйти от частных и остановиться на глобальных моментах, то наиболее сложным вопросом, по нашему мнению, является подбор в рамках обеспечительных средств принуждения конкретных видов мер ответственности, которые должны неизбежно следовать в случае уклонения лица от воздействия на него карой, исправительными мерами и специально-предупредительными мерами. Как говори-

лось ранее, этот вопрос не решен ни в теории, ни в действующем законодательстве, которое предусматривает среди них уголовную (ст. 313, ч. 1 и 2 ст. 314 УК РФ) и иную ответственность (в частности, замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности на иные меры взыскания, иные негативные последствия в виде лишений и правоограничений).

Полагаем, что нынешнее правовое регулирование законодателем обеспечительных мер ответственности является неверным, непоследовательным, запутанным и не отвечающим требованиям социальной обусловленности. По нашему мнению, правы те исследователи, которые предлагают эту систему видеть более гибкой, в том числе за счет расширения возможности применения мер уголовной ответственности, а также за счет включения в нее и мер административной ответственности. Иные обеспечительные меры ответственности, как нам видится, вполне могут быть рассмотрены в качестве мер уголовно-исполнительной ответственности и должны быть представлены:

- в виде замены первоначально назначенных мер уголовной ответственности на иные без дополнительного привлечения к уголовной ответственности (без соблюдения «заменяющих» начал);

- в виде мер взыскания, к которым должны быть отнесены все иные варианты дополнительных лишений и ограничений прав и свобод осужденного, без изменения первоначально назначенной меры уголовной ответственности, то есть выходящих за рамки средств воздействия в виде кары (в том числе дополнительные специально-предупредительные меры в виде дополнительных обязанностей для условно осужденных, увеличение первоначальных специально-предупредительных мер в виде продления испытательного срока, увеличение «объема» карательных элементов наказаний без изменения их качества в виде изменения вида условий содержания, вида режима исправительного учреждения и т.п.).

При этом те средства принуждения, которые представлены в виде мер принудительного воплощения требуемого поведения, должны быть, как отмечалось, обобщены от мер ответственности отдельно.

Таким образом, средства принуждения, относимые к уголовно-исполнительному регулированию (в части обеспечения соответствующих предписаний), как нам видится, должны составлять следующие группы мер:

1) меры принудительного воплощения требуемого поведения;

2) меры ответственности (которую можно именовать и уголовно-исполнительной), включающие в себя:

- замену первоначально назначенных мер уголовной ответственности на иные (без дополнительного привлечения к уголовной ответственности);

- меры взыскания (относя к ним все случаи применения в качестве ответственности дополнитель-

ных лишений и ограничений прав и свобод осужденного, без изменения первоначально назначенной меры уголовной ответственности).

Причем наряду с указанными выше мерами ответственности (уголовно-исполнительной) надлежащее поведение осужденных целесообразно в необходимых случаях обеспечивать и за счет мер уголовной, а также административной [9] ответственности (что уже, конечно, будет шире границ уголовно-исполнительного регулирования).

Вопрос о том, какой конкретно должна быть эта ответственность (либо влечь увеличение первоначально назначенной меры без изменения ее вида, либо влечь замену одной меры на другую, более строгую, либо влечь иные негативные последствия), весьма непрост и требует отдельного пристального внимания. Однако общее правило – это обеспечение требуемого (основной моделью-диспозицией) поведения более строгой санкцией лишь при невозможности обеспечения его менее строгой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 452 с.
2. О понимании советского права. Круглый стол // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56–74.
3. Чубраков С.В. Общая системная характеристика уголовно-исполнительного права в свете проблемы выявления его принципов // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6) С. 89–94.
4. Антонов Т.Г. Непреступное уголовно-противоправное поведение осужденных и его юридические последствия: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 23 с.
5. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. 64 с.
6. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 190 с.
7. Уткин В.А. «Иные меры уголовно-правового характера» и предмет уголовно-исполнительного права // Проблемы и перспективы современной системы мер уголовной ответственности. Томск: ДиВо, 2008. С. 24–28.
8. Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349 С. 127–130.
9. Уткин В.А. О юридических средствах принудительной реализации некоторых альтернативных санкций // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 11: Сб. статей / под ред. В.Д. Филимонова. Томск, 2002. С. 126–129.

ON THE ENFORCEMENT OF PENAL ORDERS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 97–104. DOI 10.17223/23088451/8/15
Sergey V. Chubrakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chubrakov@mail.ru

Keywords: penal regulation, penal orders enforcement, responsibility measures, sanctions.

The problem of enforcing rules of conduct relating to law by means of coercion (negative consequences, sanctions) is very relevant and controversial today, including the sphere of penal law. The analysis of the current penal legislation shows a significant number of cases when penal orders are not provided for with real sanctions. The article attempts to identify and analyse two main types of means of coercion while ensuring the implementation of legal orders: measures to enforce the required conduct and measures of responsibility. In particular, cases are established when the relevant rules of conduct for serving a sentence should be provided for only by measures of responsibility, and when by additional measures of the required conduct enforcement. The author also discusses issues actively debated in the literature concerning where to use coercion in penal orders enforcement, and in what form (criminal, administrative, penal or other responsibility, sanctions, or other). In addition, the possibility and limits of changes in original measures of criminal responsibility (including the possibility to change a measure of criminal responsibility in case the convict evades to implement it for another measure) are assessed. The author offers his vision of means of coercion (as mechanisms to ensure relevant regulations) that refer to penal regulation in the form of the following groups of measures: 1) measures to enforce the required conduct; 2) responsibility measures (which can be referred to as penal) which include: change of original measures of criminal responsibility for others (without additional prosecution); sanctions (all cases of additional deprivations and restrictions on the rights and freedoms of the convict, without changing the original measure of criminal responsibility). It is also noted that, along with the above-mentioned measures of penal responsibility, it is expedient to ensure the proper conduct of convicts, if necessary, by measures of criminal and administrative responsibility.

REFERENCES

1. Leyst, O.E. (2008) *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The essence of law. Problems of theory and philosophy of law]. Moscow: Zertsalo.
2. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. (1979) O ponimaniі sovetskogo prava. Kruglyy stol [On the understanding of Soviet law. Round table]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 7 pp. 56–74.
3. Chubrakov, S.V. (2015) General system characteristic of the penal law in terms of its principles. *Ugolovnaya Yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (6). pp. 89–94. (In Russian).
4. Antonov, T.G. (2010) *Neprestupnoe ugodovno-protivopravnoe povedenie osuzhdennykh i ego yuridicheskie posledstviya* [Unrestricted criminal and unlawful behaviour of convicts and its legal consequences]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
5. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical issues of execution of deprivation of liberty and re-education of prisoners]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.

6. Natashev, A.E. & Struchkov, N.A. (1967) *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the theory of corrective labour law]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Utkin, V.A. (2008) «Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera» i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava [“Other measures of a criminal legal nature” and the subject of the penal law]. In: Kuznetsov, S.S. (ed.) *Problemy i perspektivy sovremennoy sistemy mer ugolovnoy otvetstvennosti* [Problems and perspectives of the modern system of criminal liability measures]. Tomsk: DiVo.
8. Utkin, V.A. (2011) Grounds and ways of the system of punishment modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 127–130. (In Russian).
9. Utkin, V.A. (2002) O yuridicheskikh sredstvakh prinuditel'noy realizatsii nekotorykh al'ternativnykh sanktsiy [On legal means of forced implementation of some alternative sanctions]. In: Filimonov, V.D. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Vol. 11. Tomsk: Tomsk State University.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.9

DOI 10.17223/23088451/8/16

Р.Л. Ахмедшин

ПРИЕМЫ ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рассматривается совокупность уголовно-процессуальных правил и тактических приемов фиксации результатов проверки показаний на месте. Акцент сделан на письменном, наглядно-образном и на графическом способах фиксации результатов рассматриваемого экспериментального следственного действия. Анализ частных правил и приемов, характерных для проверки показаний на месте, включает попытку внести некоторые новации в ставшие традиционными правила и рекомендации.

Ключевые слова: экспериментальные следственные действия, фиксация, протокол.

Письменный способ отражения фиксации результатов проведения проверки показаний на месте. Протокол проверки показаний на месте имеет четко выраженную структуру, которая традиционно включает в себя вводную, описательную и заключительную часть.

Вводная часть протокола любого экспериментального следственного действия включает в себя следующие реквизиты: дата и место составления протокола; время начала и завершения экспериментального следственного действия; место проведения следственного действия (для помещения – квартира, дом, улица; для участка местности в населенном пункте – улица; для участка местности за пределами населенного пункта – расстояние до населенного пункта или координаты территории, на которой происходит следственное действие); информация, идентифицирующая лицо, производившее следственное действие (должность, фамилия, имя и отчество); информация, идентифицирующая лицо, выступающее проверяемым лицом (должность, фамилия, имя и отчество); информация, идентифицирующая лиц, участвовавших в следственном действии (должность, фамилия, имя и отчество); фамилии, имена, отчества и адреса понятых; факт использования технических средств и их название (для малоизвестных технических средств – их назначение); условия, в которых проводится следственное действие; факт разъяснения прав участникам следственного действия, а также заверка этого факта подписями соответствующих лиц.

Вводная часть протокола проверки показаний включает в себя помимо вышперечисленного:

- статьи УПК, на основании и с соблюдением которых проводится следственное действие;
- цель проверки показаний на месте;
- факт предупреждения потерпевших и свидетелей об уголовной ответственности за отказ, уклоне-

ние и дачу заведомо ложных показаний, что удостоверяется их подписями;

- отметку о том, что проверяемому лицу было разъяснено содержание ст. 51 Конституции РФ, в которой говорится о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и своих близких родственников, круг которых определен федеральным законом;

- «место предстоящего проведения следственного действия, которое указывается со слов проверяемого лица (например, “место нахождения похищенного имущества”, или “место проживания соучастников преступления” и т.п.)» [1, с. 64];

- в случае неявки защитника факт неявки с указанием причины, чтобы исключить сомнение суда в соблюдении права на защиту [2, с. 213].

Описательная часть протокола любого экспериментального следственного действия включает в себя информацию о действиях участников экспериментального следственного действия и других значимых обстоятельствах. Сказанное предполагает целесообразность внесения в описательную часть следующей информации: развернутого описания места проведения экспериментального следственного действия с целью его идентификации; развернутого описания условий (погодных, инфраструктурных, социокультурных); развернутого описания внесенных в обстановку изменений, которая способствует большей тождественности текущей обстановки обстановке на момент проверяемого события; развернутого описания не внесенных в обстановку изменений, которые способствовали бы большей тождественности текущей обстановки обстановке на момент проверяемого события; мнение проверяемого о степени достоверности предоставленных ему объектов или условий деятельности; утверждения проверяемого, что он не видит причин объективного характера, которые могли бы помешать ему успеш-

но участвовать в следственном действии; описание состояния здоровья проверяемого, устанавливаемое с его слов; границы территории, на которой происходило следственное действие, применительно к размерам которой, как, впрочем, и к любым размерам объектов, описываемых в протоколе, недопустимо использование выражений «рядом», «около», «вблизи», «примерно»; перечисления комплекса действий, предпринятых участниками следственного действия в той последовательности, в которой они производились.

Описательная часть протокола проверки показаний включает в себя помимо вышеперечисленного:

- объяснения лица, чьи показания проверяются, в первом лице;
- исходную и конечную точку движения участников следственного действия;
- описание способа передвижения и маршрута следования – отдельно проверяемого, отдельно остальных участников;
- описание действий, совершаемых на протяжении всего маршрута движения, фиксируемые в третьем лице;
- описание общих и частных признаков объектов, изъятых в ходе проверки показаний на месте с указанием конкретных мест их обнаружения;
- пояснения проверяемого, касающиеся изымаемых объектов;
- вопросы следователя проверяемому по завершении дачи основных показаний и ответы на них.

Представляется, что может быть оспорена целесообразность тактической рекомендации, направленной на то, что протоколирование устных показаний лица предполагает краткое изложение их основного содержания [3, с. 40].

Большинством исследователей-криминалистов считается, что выводы следователя субъективного характера или суждения оценочного характера фиксации в протокол не подлежат [1, с. 65; 4, с. 61]. Позволим себе не согласиться с этим требованием, напрямую не вытекающим их содержания ст. 194 УПК РФ.

Заключительная часть протокола любого экспериментального следственного действия включает в себя информацию: об используемых в ходе следственного действия технических средствах фиксации следственного действия и информационных носителях, на которых содержится полученная информация; о заведомом предупреждении участников экспериментального следственного действия об использовании технических средств фиксации; о прилагаемых к протоколу приложениях (фототаблицах, видеозаписях, планах, схемах и рисунках, а также изъятых объектах); о поступивших от участников следственного действия перед началом, в ходе либо по окончании его заявлений, либо об отсутствии подобных заявлений; о факте ознакомления понятых,

специалистов и иных участников с протоколом следственного действия, заверенным подписями этих лиц; о лице, руководившем следственным действием (должность, ФИО).

Заключительная часть протокола проверки показаний включает в себя помимо вышеперечисленного:

- наименование предметов, изъятых в ходе проверки показаний;
- описание способа упаковки изъятого;
- подписание проверяемым каждой страницы протокола.

Остальные моменты фиксации результатов проверки показаний на месте идентичны приемам фиксации результатов экспериментальных следственных действий.

Наглядно-образный способ отражения фиксации результатов проведения проверки показаний на месте.

Видеосъемка выступает наиболее эффективным способом наглядно-образного способа фиксации результатов проведения проверки показаний на месте.

Крайне актуальной при производстве видеосъемки становится проблема технических перерывов, если необходимость в них возникает в процессе дачи показаний проверяемым. Приостановить течение следственного действия, согласно ч. 2. ст. 194 УПК РФ, следователь не может. В случае же приостановления происходит или прерывание записи с последующим её продолжением, что в значительной степени чревато подозрениями о режиссуре проводимой проверки, или отказ от видеофиксации вообще.

Начало процесса видеофиксации должно соответствовать моменту начала следственного действия. «Сценарный план» видеосъемки включает в себя определение оптимального вида съемки и определение оптимального местонахождения оператора [5].

Традиционно «сценарный план» включает в себя видеосъемку крупным планом участников следственного действия в начале его, следующую за этим панорамную фиксацию обстановки. В дальнейшем выбор вида видеосъемки зависит от снимаемого объекта. Так, если одной из целей проверки является:

- установление маршрута перемещений или уточнение элементов обстановки события преступления, то видеосъемку целесообразно проводить попеременно с помощью ориентирующей и обзорной съемки;
- обнаружение отдельных предметов, то видеосъемку целесообразно проводить попеременно с помощью узловой и детальной съемки;
- действие проверяемого, то видеосъемку целесообразно проводить попеременно с помощью обзорной и узловой съемки.

Фотографирование как способ фиксации менее предпочтительно, чем видеосъемка, так как по природе своей фрагментарно и предполагает возмож-

ность домысливания того, что находится за пределами изображения. Объектами фотографирования в процессе проверки показаний на месте выступают:

- взаиморасположение участников проверки показаний на месте относительно проверяемого в различные моменты её проведения;
- место проверки и опорные точки, находящиеся на ней;
- точки начала и завершения движения;
- обнаруженные в процессе проверки показаний объекты, имеющие значение для расследования;
- действия, совершаемые проверяемым (хотя мы и говорили о сомнительной объективности включения данного пункта в содержание проверки показаний).

Особенностями фотофиксации в процессе проверки показаний на месте будут выступать рекомендации:

- избегать попадания в кадр наряду с проверяемым лиц, осуществляющих конвоирование, понятых и следователя;
- помещать лицо, указывающее на конкретный объект, целесообразно так, чтобы в кадр попадали и указывающий и сам объект.

Сегодня не стоит считать дискуссионными рекомендации избегать нахождения в кадре проверяемого, указывающего на что-то, как свидетельствующие о режиссуре [6, с. 76–77]. Подобные снимки являются наглядной демонстрацией достижения целей проверки и соответствуют информации, отражаемой в протоколе.

Выбор вида фотосъемки зависит от снимаемого объекта. Так, если одной из целей проверки является:

- установление маршрута перемещений, то фотографирование целесообразно проводить по правилам ориентирующей и обзорной съемки;
- уточнение элементов обстановки события преступления, то фотографирование целесообразно проводить по правилам обзорной съемки;
- обнаружение отдельных предметов, то фотографирование целесообразно проводить по правилам узловой и детальной съемки.

Специалист, осуществляющий фото- и видеосъемку, в процессе перемещения проверяемого находится сзади-справа (если специалист правша) от

него в момент движения и перед ним в момент остановки рядом с опорной точкой.

Остальные приемы фотофиксации, являясь общими для всех экспериментальных следственных действий, могут быть использованы и в процессе проверки показаний на месте.

Графический способ отражения фиксации результатов проведения проверки показаний на месте. Тактические приемы составления планов, схем и рисунков в значительной степени универсальны для всех следственных действий. Особенностью графического способа фиксации результатов проверки показаний на месте является:

- практика очень редкого использования рисунков ввиду постановки акцента на составлении планов на открытой местности и схем при проведении следственного действия в помещении;
- указание на планах и схемах опорных точек с описанием их в легенде плана или схемы;
- указание на планах и схемах ориентиров с описанием их в легенде плана или схемы;
- указание направления движения (применительно и к сторонам света, и к выраженным ориентирующим объектам);
- указание маршрута движения, включающего отметку начальной точки и конечной точки движения, а также сам маршрут, выделенный пунктиром;
- детализация мест на планах и картах, связанных с более детальной проверкой и уточнением показаний и обнаружением следов и предметов преступления;
- указание точек, с которых производилось фотографирование или велась киносъемка, видеозапись, а по возможности и секторов, в рамках которых проводились видеозапись и фотографирование.

Целесообразно на плане или схеме разместить две легенды (расшифровки условных обозначений). В первой легенде необходимо традиционно разместить пиктограммы условных знаков с их расшифровкой. Во второй легенде необходимо отразить наиболее значимые показания, данные лицом в той или иной точке маршрута движения. Без сомнения, это несколько трудоемко, но позволяет при ознакомлении более четко представить себе картину происшедшего следственного действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дранкин Л.Я., Андреев А.А. Теория и практика проверки и уточнения показаний на месте: науч.-методич. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. 76 с.
2. Маевский С.С. Тактические рекомендации при проведении отдельных следственных действий, проводимых с участием адвоката // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 23–25.
3. Шеховцова Л.С. Проверка показаний в ходе предварительного расследования грабежей и разбоев, совершенных в сельской местности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 2 (53). С. 32–34.
4. Гвилия Д.М. Криминалистическая тактика проверки показаний на месте при расследовании преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 190 с.
5. Пшлявец С.В. Современные проблемы проведения проверки показаний на месте: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. 183 с.
6. Соя-Серко Л.А. Проверка показаний на месте. М.: Наука, 1966. 94 с.

METHODS OF FIXING THE RESULTS OF CHECKING TESTIMONY ON THE SPOT: CRIMINAL PROCEDURAL AND FORENSIC ASPECTS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 105–108. DOI 10.17223/23088451/8/16

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk), ppp@hq.tsc.ru

Keywords: experimental investigative actions, fixation, report.

The practice of investigating crimes at the beginning of human history relied on communicative investigative actions, then search actions appeared, and, as a top of the investigative art, a variety of experimental investigative actions became an integral element of the practice of criminal investigation of the previous century, the latest of them was checking testimony on the spot. The value of checking testimony on the spot consists in the possibility to obtain information under proper circumstances during a communicative investigative action. Checking testimony on the spot developed from interrogation. At present it is closest to the investigative action of an investigative experiment. Checking testimony on the spot is an investigative action based on the possibilities of using the knowledge of the nature of associative connections and methods of working with them. New variations of this investigative action and a higher organizational tactical level of its conduct will contribute to its efficiency. When investigating certain types of crimes, the high cognitive value of checking testimony and its considerable evidentiary potential make it a most common and, at the same time, complex activity in organizational and tactical terms. The legislator fixed three conceptual components of checking in the criminal procedure law: reproduction of the situation; indication of objects; demonstration of actions. Based on the essence of the checking of testimony, the author assumes that only reproduction of the situation and indication of objects constitute the conceptual side of checking testimony on the spot. The exclusion of demonstration of actions from the content of this investigative action will make it possible to clearly delineate it from the investigative experiment. Checking testimony on the spot can be divided into types based on different criteria: the purpose of checking testimony on the spot; the veracity of the position of the checked person; the priority of the main task. The author believes that the purpose of checking testimony on the spot as “establishing new circumstances relevant to the case” fixed in Art. 194 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is not entirely correct, but it is also not correct to conduct it only to check the evidence already available, since it can turn checking testimony on the spot into a simultaneous examination of the area and questioning without any attempt to prove or disprove the reliability of testimony.

REFERENCES

1. Drapkin, L.Ya. & Andreev, A.A. (2003) *Teoriya i praktika proverki i utochneniya pokazaniy na meste* [Theory and practice of checking and clarifying testimony on the spot]. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2. Maevskiy, S.S. (2012) *Takticheskie rekomendatsii pri provedenii otдел'nykh sledstvennykh deystviy, provodimykh s uchastiem advokata* [Tactical recommendations for conducting separate investigative actions with the participation of a lawyer]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bryansk State University Herald*. 2. pp. 23–25.
3. Shekhovtsova, L.S. (2013) *Proverka pokazaniy v khode predvaritel'nogo rassledovaniya grabezhey i razboev, sovershennykh v sel'skoy mestnosti* [Checking testimony during the preliminary investigation of robberies and robberies committed in rural areas]. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh*. 2 (53). pp. 32–34.
4. Gviliya, D.M. (2007) *Kriminalisticheskaya taktika proverki pokazaniy na meste pri rassledovanii prestupleniy v sfere ekonomiki* [Forensic tactics of checking testimony on the spot when investigating crimes in the sphere of economy]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
5. Pilyavets, S.V. (2004) *Sovremennye problemy provedeniya proverki pokazaniy na meste (Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty)* [Modern problems of checking testimony on the spot (Criminal procedural and forensic aspects)]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.
6. Soya-Serko, L.A. (1966) *Proverka pokazaniy na meste* [Checking testimony on the spot]. Moscow: Nauka.

УДК 343.9

DOI 10.17223/23088451/8/17

Р.Л. Ахмедшин, И.В. Чаднова

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ**

Рассматривается процессуальное значение и криминалистический потенциал проверки показаний на месте как самостоятельного следственного действия. Проведен анализ становления и развития проверки показаний в российском уголовном процессе, а также ее потенциал в условиях постоянного расширения возможностей предварительного расследования, в том числе, например, в сфере компьютерного моделирования, сдерживаемых только консервативностью законодателя.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, следственное действие, уголовный процесс, предварительное расследование, криминалистическая тактика, процесс доказывания.

Развитие системы следственных действий подчиняется определенным законам. Основной из них определяет постепенное увеличение количества следственных действий в уголовном процессе России как результат роста уровня профессионализма следователей.

Неудивительно, что практика расследования преступлений в начале человеческой истории опирается, прежде всего, на коммуникативные следственные действия (допрос, очная ставка) [1, с. 6–9]. С развитием системы расследования потенциал лица, его проводящего, обогатился целым комплексом поисковых следственных действий (следственный осмотр, обыск, выемка) [2, с. 11–14]. Как вершина следственного искусства в практику уголовного расследования прошлого века прочно вошли разновидности экспериментальных следственных действий, последним из которых была признана проверка показаний на месте. Как же происходило признание данного следственного действия?

Судебный список (протокол судебного заседания), датированный 1498 г., по делу о споре Симонова монастыря с рядом лиц является первым письменным свидетельством о проведении проверки показаний на месте в нашей стране [3, с. 29]. В частности, в списке указывается на то, что «судья спросил Федоску: поводи же ты своей дорогою, и повел Федоска поперек дороги Большим Озерские к озеру... А сказывал: на той дороге осина, а на ней грань. И он осины не указал и грани нет. А привел он... к истоку, идет из озера Меньшова в Большое озеро». Позднее в инструкциях Тайной канцелярии (период правления Екатерины II) часто употребляется слово «выкрутки». При ближайшем рассмотрении оно означало тактический прием «уточнение показаний за счет детализации» – «исследование на месте происшествия» [4, с. 16]. Как видно, между процессуальным признанием и тактико-криминалистической детализацией лежит очень долгий временной промежуток.

В нашей стране в уголовно-процессуальном законодательстве ряда союзных республик СССР проверка показаний нашла закрепление во второй половине XX века (ст. 130 УПК Казахской ССР, ст. 185 УПК Латвийской ССР, ст. 205 УПК Литовской ССР,

ст. 183 УПК Таджикской ССР, ст. 173 УПК Туркменской ССР и ст. 142 УПК Узбекской ССР). Уголовно-процессуальные кодексы ряда союзных республик (Армянской, Киргизской, Украинской), не предусматривая возможность проведения проверки показаний прямо, предполагали возможность ее применения в рамках иного следственного действия (воспроизведения обстановки и обстоятельств события). В законодательстве остальных республик Советского Союза данное следственное действие отсутствовало.

Неоднозначность признания ценности проверки показаний на месте была характерна также и для теоретических исследований, о чем неоднократно упоминают различные авторы [5, с. 181]. Но предельно значима информация о том, что проверка показаний в практике расследования находила достаточно широкое применение даже в союзных республиках, уголовно-процессуальное законодательство которых не имело данного действия в перечне следственных действий, где ее проведение маскировалось иными следственными действиями.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), вступивший в действие в 2002 г., законодательно закрепил уже сложившуюся на ранее следственную практику и впервые ввел на территории России следственное действие «Проверка показаний на месте», установив тем не менее довольно минимальные требования к ее целям, задачам и правилам производства. В существующем уголовно-процессуальном регулировании вопросы производства проверки показаний на месте решаются, в первую очередь, через общие правила производства следственных действий (ст.ст. 164, 166–170 УПК РФ), тогда как уникальный характер, познавательные возможности и специфика производства требуют от законодателя установления специального режима для рассматриваемого следственного действия.

Что же такое уже давно поняли практикующие следователи, что не смогли усвоить ни ряд законодателей, ни некоторые ученые? Ценность проверки показаний на месте обусловлена тем, что «забытая» информация «жива», но для ее высвобождения тре-

буется правильная организация условий воспроизведения» [6, с. 26]. Организация заявленных условий воспроизведения в процессе коммуникативного следственного действия хотя и наиболее сходна с проверкой показаний на месте, но бывает достаточно затруднительной. Необходимо отметить, что утверждение о том, что происхождение проверки показаний на месте обязано напрямую осмотру места происшествия [7, с. 12] или опосредованно следственному осмотру [6, с. 49], нам кажется неубедительным, ведь поисковая составляющая проверки гораздо слабее коммуникативной. Именно допрос предопределил возникновение проверки показаний на месте, именно тактика допроса в наибольшей степени послужила развитию тактики проверки показаний на месте в период её зарождения.

В уголовно-процессуальном законодательстве ст. 194 УПК РФ «Проверка показаний на месте» помещена в раздел «Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний», что свидетельствует об отношении ее законодателем к вербальным (коммуникативным) следственным действиям и, косвенно, подтверждает происхождение от допроса (ранее это следственное действие иногда так и называли – допрос на месте происшествия [8, с. 4]).

Что же касается современного состояния места рассматриваемого следственного действия в системе следственных действий по УПК РФ, то оно хотя и соотносится со многими следственными действиями [9, с. 247], но без сомнения наиболее близко такому следственному действию, как следственный эксперимент [10, с. 193; 11, с. 101].

Экспериментальные следственные действия выступают как наиболее энергозатратные по сравнению с поисковыми и коммуникативными. Неудивительно, что высокая результативность экспериментальных следственных действий предопределяется в максимальной степени профессионализмом следователя. Рост профессионализма следователей, в свою очередь, предопределяет все более и более «тонкие» приемы работы следователя. Примером такого приема являются тактические приемы, базирующиеся на знании природы ассоциативных связей и методов работы с ними. Ассоциации как объект научного исследования интенсивно изучались в начале-середине XX века. Логично, что проверка показаний на месте возникла вскоре после того, как исследования природы и механизма ассоциаций дали практические результаты – ассоциативные техники стимуляции воспоминаний. Таким образом, проверка показаний на месте как одно из обыденных следственных действий нашло отражение в процессе расследования как результат развития науки и роста профессионализма следователей.

Однако проверка показаний на месте – не просто гибрид следственного эксперимента и предъявления для опознания [12, с. 58]. Рассматриваемое следственное действие обладает своей уникальной познавательной ценностью. Данная уникальность предопределяется тем, что в случае наличия противопо-

ложных точек зрения, а именно этим характеризуется процесс расследования, «мы можем ожидать неоднозначных результатов эксперимента или результатов, в которых истинные данные неуловимо меняются от эксперимента к эксперименту. Более зрелой позицией... является стремление избегать критических экспериментов и заменять их исследованиями соотношений и взаимодействий разнообразных многоуровневых экспериментальных переменных» [13, с. 38]. Проверка показаний на месте и есть тот способ переноса акцента с критических экспериментов на взаимодействие разнообразных многоуровневых экспериментальных переменных (проверяемого лица и обстановки проверяемого события).

Еще одним разграничительным критерием далеко не формального свойства является невозможность производства проверки показаний на месте с иным лицом, кроме лица, дающего показания, тогда как проведение следственного эксперимента возможно и без участия подозреваемого (обвиняемого), либо свидетеля.

Сказанное предопределяет полностью самостоятельную природу рассматриваемого следственного действия, игнорирование которого «затрудняет раскрытие психологической сущности и психологического потенциала данного следственного действия в полной мере» [14, с. 35].

В условиях сложившегося нормативного регулирования и тактических наработок производства проверки показаний на месте можно утверждать, что сейчас проверка показаний хотя и является самостоятельным следственным действием, однако в большей степени близка к следственному эксперименту (в частности, в силу особенностей организации и производства, возникающей в некоторых случаях потребности в минимальном моделировании преступного события на месте проверки).

Все вышеизложенное позволяет предполагать необходимость выделения проверки показаний на месте и следственного эксперимента в самостоятельную главу УПК РФ с расширением нормативных правил правового регулирования их производства.

Отметим еще один очень интересный факт – в отношении проверки показаний на месте в криминалистической литературе существует большое количество высказываний о том, что «проверка показаний на месте, как следственное действие, находится на этапе формирования, окончательная форма которого еще будет подвергаться трансформациям, вызванным как изменением уголовно-процессуального законодательства, так и дальнейшим развитием криминалистической науки» [15, с. 70; 16, с. 111]. Представляется что данные высказывания несут не просто исследовательский оптимизм, а уверенность в том, что как процессуальная, так и тактико-криминалистическая составляющая проверки показаний на месте, на данный момент, находится только в стадии становления, значительно отставая от уровня развития иных следственных действий.

Вероятно, повышению эффективности проверки показаний на месте будет способствовать как появление новых вариаций данного следственного действия [17, с. 132–137], так и выход на более высокий организационно-тактический уровень. К примеру, представляется небезынтересной уверенность в том, что «современные достижения компьютерных технологий позволяют уже при производстве осмотра места происшествия создавать наглядную компьютерную модель такого места происшествия, которая в последующем может быть использована для уточнения и проверки показаний допрошенных лиц в части, связанной с местом происшествия. ...С помощью использования компьютерной модели места происшествия можно проверить показания ранее допрошенных лиц в части, связанной с местом происшествия, без выезда на это место» [18, с. 28]. Пусть пока внедрению компьютерных технологий в практику проведения рассматриваемого следственного действия мешает убеждение, что «ключевой момент в конструкции проверки показаний на месте – ее производство на месте события» [19, с. 88], но это не ставит под сомнение перспективность подобного внедрения.

Как уже отмечалось ранее, помимо имеющихся в уголовно-процессуальном законодательстве условий и требований, в нормативном регулировании проверки показаний на месте не учтен ряд важных факторов. Так, по нашему мнению, не установлено процессуальное правило, которое напрямую вытекает из сущности и задач проверки показаний – согласие лица на ее производство. Как процессуальная, так и тактическая природа данного следственного действия презюмирует добровольность участия лица, чьи показания проверяются, в противном случае теряется ее эффективность и доказательственное значение. Кроме того, учитывая необходимость детальной и точной фиксации хода и результатов проверки показаний на месте, ее производство и тактически и технически нецелесообразно в ночное время. Несмотря на установленное в ч. 3 ст. 164 УПК правило о невозможности производства следственного действия в ночное время, тем не менее формулировка нормы полагает это возможным в случаях, не терпящих отлагательства, что категорически невозможно для проверки показаний на месте.

Учитывая, что суть процессуально-криминалистической информационной системы представляет собой целостное образование, важнейшими компонентами которого являются человек и его деятельность, сопряженная с раскрытием, расследованием или предупреждением преступлений [7, с. 6], неудивительно, что в вопросе о сущности проверки показаний у исследователей расхождений немного. Вслед за рядом авторов [20, с. 204; 21, с. 12], законодатель в уголовно-процессуальном законе закрепил три содержательные составляющие:

- 1) воспроизведение обстановки;
- 2) указание на объекты;
- 3) демонстрация действий.

Нам ближе мнение, в котором к содержательной стороне проверки показаний на месте относят только воспроизведение обстановки и указание на объекты [22, с. 19; 23, с. 30–33]. Исключение из содержания проверки показаний демонстрации действий позволит предельно четко отграничить данное следственное действие от следственного эксперимента. Кроме того, с точки зрения грамматики *проверка и уточнение показаний* содержательно отличаются от *демонстрации действий* и уж точно не могут соотноситься как целое и часть. Действия и показания – разнопорядковые категории, и ошибочное включение их законодателем в ч. 2 ст. 194 УПК РФ – просто досадное недоразумение. Данное недоразумение, к сожалению, не единственное. Также в ст. 194 УПК РФ «недоумение вызывает обозначение цели проверки показаний на месте как «установление новых обстоятельств, имеющих значение для дела. Такая формула лишь затуманивает смысл «проверки на месте», ибо любое следственное действие направлено на выявление существенных обстоятельств дела, в том числе и новых» [24, с. 187].

Вспомним, что основной «претензией» к проверке показаний является неразрешенность следующего ключевого сущностного аспекты – условия подтверждения показаний лица [25, с. 48], так как, по справедливому замечанию Г.Н. Александрова и М.С. Строговича, возможен казус, когда «...источник доказательств остается один и тот же, т.е. им является обвиняемый, а не другие объективные данные. Поэтому никакой проверки... в этих случаях не получится» [26, с. 22]. Начнем с того, что само понятие «проверка» предполагает получение новой информации только в случае её нерезультативности, так как возникает информация о возможной неактуальности уже имевшейся информации. Понятие «уточнение», наоборот, предполагает возникновение новой информации только в случае успешности уточнения. Если же уточнение не состоялось, то следователь остается с имеющимися до процесса уточнения данными.

Своеобразным противодействием требованиям законодателя об обязательности получения новой информации в процессе проведения проверки показаний на месте является практика утаивания следователями посредством невнесения в протокол предварительного допроса небольшого объема информации, который находит отражение лишь в протоколе проверки показаний на месте, формируя иллюзию получения новой информации.

Конечно «в современной криминалистической литературе присутствует взгляд, согласно которому рассматриваемое следственное действие проводится только для проверки уже имеющихся доказательств, а установление новых обстоятельств в ходе его проведения требуется лишь постольку, поскольку это необходимо для проверки уже имеющихся показаний» [27, с. 441]. С одной стороны, это представляется логичным, но принятие данного положения чревато превращением проверки показаний на месте

в одновременный осмотр местности и допрос без какой-либо попытки подтвердить или опровергнуть достоверность показаний. «В итоге рождается не имеющий ясной цели познавательный прием, искажающий действительный смысл проверки показаний на месте» [28, с. 292].

«Обращение к стереотипам при выборе следственного действия объясняется стремлением следователей упростить предстоящую работу, а именно избрать менее сложное по своей конструкции процессуальное действие, ...объединить в одном действии содержание операций, присущих разным следственным действиям (и этим извратить содержание надлежащего)» [28, с. 290]. Неудивительно, что в литературе отмечается то, «что большинство (две третьих) опрошенных следователей использовали проверку и уточнение показаний на месте именно в качестве удостоверительного приема, тем самым чаще всего просто искусственно создавая новое доказательство, руководствуясь при этом желанием закрепить на месте преступного события с использованием видеосъемки и понятых признательные показания обвиняемого, подозреваемого во избежание отказа от них в суде» [23, с. 24].

Обращение к стереотипам – не просто следственная недоработка, проведение проверки показаний на месте только лишь с целью «продублировать» имеющиеся после допроса показания может быть опасно для следователя. Дело в том, что «случай, когда проверка показаний предпринимается лишь для того чтобы подозреваемый повторил на месте преступления ранее данные показания, сопровождая это демонстрацией определенных действий, в дальнейшем дают повод для оговора лица, ведущего расследование, в суде, где подсудимый заявляет, что ввиду определенных обстоятельств вынужден был вести себя подобным образом, что к нему применялись незаконные методы ведения следствия, это место ему показали заранее, что на самом деле преступление он не совершал. Подобные заявления встречаются довольно часто» [29, с. 36].

Проверка показаний на месте может быть разделена на виды исходя из различных критериев. Исходя из целеориентированности проверки показаний на месте, целесообразно выделять:

- приоритетную направленность на проверку показаний;
- приоритетную направленность на уточнение показаний.

Исходя из позиции проверяемого, целесообразно выделять:

- проверку показаний добросовестного проверяемого;
- проверку показаний недобросовестного проверяемого.

Исходя из приоритета основной задачи, целесообразно выделять проверку показаний, ориентированную в основном на получение информации:

- о степени информированности проверяемого об отдельных элементах криминалистически значимой информации;
- о местонахождении неизвестного следствию в настоящий момент места происшествия;
- о траектории перемещений проверяемого и иных обстоятельствах, имеющих значение для установления предмета доказывания;
- о новых следах преступления и сведениях, имеющих доказательственное значение;
- о причастности иных лиц (свидетелей, потерпевших, подозреваемых).

Характеризуя проверку показаний на месте, сами следователи указывают на тот факт, что задача проведения рассматриваемого следственного действия заключалась в проверке признательных показаний в совершении преступлений в 88 % случаев и в проверке показаний лица, отрицающего инкриминируемое ему деяние, содержащих собственную версию происшедшего события (утверждения о совершении преступлений иными лицами, совершения действия в состоянии необходимой обороны и пр.) в 12 % случаев [30, с. 52]. Из общего числа опрошенных следователей проверку показаний проводят в отношении обвиняемых – практически все следователи; подозреваемых – 70 %; свидетелей – 20 %; потерпевших – 40 % [23, с. 94]. При проверке показаний на месте в 80 % случаев ложность показаний подозреваемых (обвиняемых) подтверждалась полностью, а в остальных – частично или не подтверждалась вообще [31, с. 177], что говорит о достаточной ценности тактических приемов проверки показаний на месте, ориентированных на деление проверяемых на добросовестных и недобросовестных.

Высокая познавательная ценность проверки показаний, ее значительный доказательственный потенциал, по мнению некоторых авторов, делает ее при расследовании отдельных видов преступлений наиболее распространенным, и в то же время сложным в организационном и тактическом плане мероприятием [32, с. 116]. Помимо познавательной самостоятельности проверка показаний на месте характеризуется содержательной уникальностью [33; 34, с. 281], хотя, конечно, есть одиночные мнения об обратном [35].

В завершение отметим нашу уверенность в том, что этап обсуждения сущности проверки показаний на месте в условиях, когда данное следственное действие встречается в 75 % уголовных дел, должен быть завершен, а научная мысль должна сконцентрироваться как на совершенствовании процессуальных правил, так и на разработке тактических рекомендаций по этому следственному действию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмедшин Р.Л.* Тактика коммуникативных следственных действий / науч. ред. Н.Т. Ведерников. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. – 294 с.
2. *Ахмедшин Р.Л.* Тактика поисковых следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2016. 344 с.
3. *Степичев С.С.* Выезд на место как тактический прием проверки доказательств // Соц. законность. 1955. № 12. С. 28–31.
4. *Гвилия Д.М.* Криминалистическая тактика проверки показаний на месте при расследовании преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
5. *Тришина Н.Т.* Историко-правовые предпосылки становления проверки показаний на месте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2010. № 1. С. 180–183.
6. *Андреев А.А.* Проблемы теории и практики проверки и уточнения показаний на месте: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 214 с.
7. *Дранкин Л.Я., Андреев А.А.* Теория и практика проверки и уточнения показаний на месте: науч.-методич. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. 76 с.
8. *Очередин В.Т.* Недопустимость по уголовным делам доказательств, полученных с нарушением закона. Волгоград, 1996.
9. *Киселев Е.А., Осипова Т.В.* К вопросу применения криминалистической техники при проведении проверки показаний на месте и следственного эксперимента // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 1 (3). С. 247–250.
10. *Баев О.Я.* Тактика следственных действий: учеб. пособие. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 224 с.
11. *Чупилкин Ю.Б., Луценко О.А.* Особенности производства проверки показаний на месте // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 5 (11). С. 101–106.
12. *Белкин Р.С.* Избранные труды. М.: Норма, 2009. 768 с.
13. *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980. 392 с.
14. *Белоусов В.И.* Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 223 с.
15. *Пилявец С.В.* Современные проблемы проведения проверки показаний на месте (Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. 183 с.
16. *Луценко О.А.* История зарождения и становления проверки показаний на месте // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 105–111.
17. *Семенцов В.А.* Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 132–137.
18. *Ким О.Д., Ли Э.А.* Тактические особенности проверки показаний на месте с использованием компьютерной модели такого места // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13. № 1. С. 27–29.
19. *Стельмах В.Ю.* Некоторые аспекты проверки показаний на месте // Юристы – Правовед. 2013. № 4 (59). С. 85–88.
20. *Олефиренко Т.Г., Духанин А.А.* Проблемы регламентации проверки показаний на месте // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 13-1. С. 204–205.
21. *Соя-Серко Л.А.* Проверка показаний на месте. М., 1986.
22. *Васильев А.Н., Степичев С.С.* Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М.: Госюриздат, 1959. 48 с.
23. *Чаднова И.В.* Проверка и уточнение показаний на месте: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 203 с.
24. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 240 с.
25. *Осавелюк Е.А., Антипов О.С.* Проверка показаний на месте как следственное действие: проблема состоятельности в современном уголовно-процессуальном законодательстве России // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам XLVIII Междунар. науч.-практич. конф. № 4(46). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 47–49.
26. *Строзович М.С., Александров Г.Н.* Неправильная практика // Социалистическая законность. 1960. № 3. С. 20–23.
27. *Попова Н.А.* Проверка показаний на месте как следственное действие для проверки уже имеющихся доказательств // Современные вопросы юридической науки и практики. Материалы общероссийской науч.-практич. конф. 14–15 ноября 2008 г. Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 441–444.
28. *Кошелева М.А.* Стереотипы выбора следственных действий // Вектор науки ТГУ. 2013. № 2 (24). С. 290–292.
29. *Виницкий Л.В.* Проверка показаний на месте в свете УПК РФ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 35–37.
30. *Вагабов Т.М.* Тактические особенности проведения проверки показаний на месте в системе мер преодоления лжи со стороны подозреваемого (обвиняемого) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 50–56.
31. *Вагабов Т.М.* Теоретические и практические основы криминалистической тактики проверки показаний подозреваемого и обвиняемого в ситуации противодействия расследованию: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 222 с.
32. *Саньков В.И.* Тактические ошибки следователя при получении и проверке признания в убийстве (причины, предупреждение, нейтрализация последствий): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 239 с.
33. *Центров Е.Е.* О сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Законность. 2013. № 10. С. 50–54.
34. *Центров Е.Е.* Ошибочные суждения о сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М.: Юрлитинформ, 2014. С. 279–285.
35. *Зажичкий В.И.* Нужно ли следственное действие с «участием» куклы? // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 31–34.

THE PROCEDURAL AND FORENSIC NATURE OF CHECKING TESTIMONY ON THE SPOT

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 109–115. DOI 10.17223/23088451/8/17

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ppp@hq.tsc.ru

Irina V. Chadnova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rolandab@yandex.ru

Keywords: checking testimony on the spot, investigative action, criminal trial, preliminary investigation, forensic tactics, process of proving.

The article deals with the complex of the criminal procedural rules and tactical methods of fixing the results of checking testimony on the spot. The written, visual-figurative and graphical methods of fixing the results of the experimental investigative action under consideration are emphasised. The analysis of private rules and techniques that are characteristic for checking testimony on the spot includes an attempt to introduce some innovations into the rules and recommendations that have become traditional. The descriptive part of the report on checking includes, in addition to the above, an explanation of the person whose testimony is being checked in the first person; the initial and the final points of motion of the participants in the investigative action; a description of the type of motion and the route, separately for the person being checked and for other participants; a description of actions performed throughout the entire route fixed in the third person; a description of general and particular features of objects seized during the checking of testimony on the spot with an indication of their specific locations; explanations of the person being checked on the seized objects; questions of the investigator to the person being checked after they have given the main testimony and answers to them. Video fixation should begin with the start of the investigative action. The “scenario” of video recording includes determining the optimal type of recording and the optimal location of the operator. Traditionally, the “scenario” includes recording a close-up of the participants in the investigation at the beginning of it followed by a panoramic fixation of the situation. Further, the choice of the recording type depends on the object. For instance, if the check aims to establish the route or clarify the elements of the situation of the crime scene, it is advisable to record alternately with the help of focused and panoramic video recording; if to detect individual items, it is advisable to use component and detailed video recording; if to record the actions of the person being checked, it is advisable to use panoramic and component recording.

REFERENCES

1. Akhmedshin, R.L. (2014) *Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of communicative investigative actions]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Akhmedshin, R.L. (2016) *Taktika poiskovykh sledstvennykh deystviy* [Tactics of search investigative actions]. Moscow: Yurlitinform.
3. Stepichev, S.S. (1955) Vyezd na mesto kak takticheskiy priem proverki dokazatel'stv [Sight survey as a tactical device for verifying evidence] *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 12. pp. 28–31.
4. Gviliya, D.M. (2007) *Kriminalisticheskaya taktika proverki pokazaniy na meste pri rassledovanii prestupleniy v sfere ekonomiki* [Forensic tactics of checking testimony on the spot when investigating crimes in the sphere of economy]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
5. Trishina, N.T. (2010) Istoriko-pravovye predposylki stanovleniya proverki pokazaniy na meste [Historical and legal preconditions of formation of checking testimony on the spot]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. 1. pp. 180–183.
6. Andreev, A.A. (2004) *Problemy teorii i praktiki proverki i utochneniya pokazaniy na meste* [Problems of theory and practice of checking and clarifying testimony on the spot]. Law Cand. Diss. Barnaul.
7. Drapkin, L.Ya. & Andreev, A.A. (2003) *Teoriya i praktika proverki i utochneniya pokazaniy na meste* [Theory and practice of checking and clarifying testimony on the spot]. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8. Ocheredin, V.T. (1996) *Nedopustimost' po ugolovnym delam dokazatel'stv, poluchennykh s narusheniem zakona* [Inadmissibility of evidence obtained in violation of the law in criminal cases]. Volgograd: [s.n.].
9. Kiselev, E.A. & Osipova, T.V. (2015) K voprosu primeneniya kriminalisticheskoy tekhniki pri provedenii proverki pokazaniy na meste i sledstvennogo eksperimenta [On using forensic technique during the checking of testimony on the spot and the investigative experiment]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*. 1 (3). pp. 247–250.
10. Baev, O.Ya. (1995) *Taktika sledstvennykh deystviy* [Tactics of investigative actions]. Voronezh: MODEK.
11. Chupilkin, Yu.B. & Lutsenko, O.A. (2011) Osobennosti proizvodstva proverki pokazaniy na meste [Features of checking testimony on the spot] *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 5 (11). pp. 101–106.
12. Belkin, R.S. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Norma.
13. Campbell, D. (1980) *Modeli eksperimentov v sotsial'noy psikhologii i prikladnykh issledovaniyakh* [Models of experiments in social psychology and applied research]. Translated from English. Moscow: Progress.
14. Belousov, V.I. (2003) *Proverka pokazaniy na meste v khode predvaritel'nogo rassledovaniya* [Checking testimony on the spot during the preliminary investigation]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
15. Pilyavets, S.V. (2004) *Sovremennye problemy provedeniya proverki pokazaniy na meste (Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty)* [Modern problems of checking testimony on the spot (Criminal procedural and forensic aspects)]. Law Cand. Diss. Kaliningrad.
16. Lutsenko, O.A. (2014) Istoriya zarozhdeniya i stanovleniya proverki pokazaniy na meste [History of the origin and formation of checking testimony on the spot]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 4. pp. 105–111.
17. Sementsov, V.A. (2010) Novoe sledstvennoe deystvie – proverka pokazaniy na poligrafe [A new investigative action – checking testimony on a polygraph]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 132–137.

18. Kim, O.D. & Li, E.A. (2013) Takticheskie osobennosti proverki pokazaniy na meste s ispol'zovaniem komp'yuternoy modeli takogo mesta [Tactical features of checking testimony on the spot using a computer model of the spot]. *Vestnik KRSU*. 13:1. pp. 27–29.
19. Stel'makh, V.Yu. (2013) Nekotorye aspekty proverki pokazaniy na meste [Some aspects of checking testimony on the spot]. *Yurist» – Pravoved»*. 4 (59). pp. 85–88.
20. Olefirenko, T.G. & Dukhanin, A.A. (2015) Problemy reglamentatsii proverki pokazaniy na meste [Problems of regulating of the checking of testimony on the spot] *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 13–1. pp. 204–205.
21. Soya-Serko, L.A. (1986) *Proverka pokazaniy na meste* [Checking testimony on the spot]. Moscow: Nauka.
22. Vasil'ev, A.N. & Stepichev, S.S. (1959) *Vosproizvedenie pokazaniy na meste pri rassledovanii prestupleniy* [Reproduction of testimony on the spot when investigating crimes]. Moscow: Gosyurizdat.
23. Chadnova, I.V. (2003) *Proverka i utochnenie pokazaniy na meste* [Checking and clarifying testimony on the spot]. Law Cand. Diss. Tomsk.
24. Sheyfer, S.A. (2014) *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma, Infra-M.
25. Osavelyuk, E.A. & Antipov, O.S. (2015) [Checking testimony on the spot as an investigative action: the problem of consistency in the modern criminal procedure legislation of Russia]. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii* [Issues of modern jurisprudence]. Proc. of the XLVIII international conference. 4(46). Novosibirsk: SibAK. pp. 47–49. (In Russian).
26. Strogovich, M.S. & Aleksandrov, G.N. (1960) Nepravil'naya praktika [Wrong practice]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 3. pp. 20–23.
27. Popova, N.A. (2008) [Checking testimony on the spot as an investigative action to verify the evidence already available]. *Sovremennye voprosy yuridicheskoy nauki i praktiki* [Current issues of jurisprudence and practice]. Proc. of the all-Russian conference. 14–15 November 2008. Tambov: Tambov State University. pp. 441–444. (In Russian).
28. Kosheleva, M.A. (2013) Stereotipy vybora sledstvennykh deystviy [Stereotypes of the choice of investigative actions]. *Vektor nauki TGU*. 2 (24). pp. 290–292.
29. Vinit'skiy, L.V. (2006) Proverka pokazaniy na meste v svete UPK RF [Checking testimony on the spot in the light of the RF Code of Criminal Procedure]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Orenburg State University*. 3 (53). pp. 35–37.
30. Vagabov, T.M. (2014) Takticheskie osobennosti provedeniya proverki pokazaniy na meste v sisteme mer preodoleniya lzhi so storony podozrevaemogo (obvinyaemogo) [Tactical features of checking testimony on the spot in the system of measures to overcome lies by the suspect (accused)]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2–2. pp. 50–56.
31. Vagabov, T.M. (2014) *Teoreticheskie i prakticheskie osnovy kriminalisticheskoy taktiki proverki pokazaniy podozrevaemogo i obvinyaemogo v situatsii protivodeystviya rassledovaniyu* [Theoretical and practical bases of forensic tactics for checking testimony of the suspect and the accused in the situation of counteraction to the investigation]. Law Cand. Diss. Moscow.
32. San'kov, V.I. (2003) *Takticheskie oshibki sledovatelya pri poluchenii i proverke priznaniya v ubiystve (prichiny, preduprezhdenie, neytralizatsiya posledstviy)* [Tactical errors of the investigator in obtaining and verifying confessions in the murder (causes, prevention, neutralization of consequences)]. Law Cand. Diss. Voronezh.
33. Tsentrov, E.E. (2013) O suti sledstvennogo deystviya «proverka pokazaniy na meste» [On the essence of the investigative action “checking testimony on the spot”]. *Zakonnost'*. 10. pp. 50–54.
34. Tsentrov, E.E. (2014) [Erroneous judgements about the essence of the investigative action “checking testimony on the spot”]. *Aktual'nye problemy kriminalisticheskoy taktiki* [Topical issues of forensic tactics]. Proc. of the international conference. Moscow. 28 March 2014. Moscow: Yurlitinform. pp. 279–285. (In Russian).
35. Zazhitskiy, V.I. (2012) Nuzhno li sledstvennoe deystvie s «uchastiem» kukly? [Is an investigative action with the “participation” of the doll necessary?]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 31–34.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963

DOI 10.17223/23088451/8/18

А.В. Агутин

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Рассматривается понятие прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Определены и исследованы системообразующие признаки определения понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Обращено внимание на место и роль прокурорской деятельности и цели в раскрытии системообразующих признаков понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Раскрыт смысл специфичности прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности с учетом Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.

Ключевые слова: прокурорский надзор, расследование, преступления экстремистской направленности, системообразующие признаки, цели, стратегия, национальная безопасность.

В науке прокурорского надзора отсутствует определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. В настоящей статье мы устраним данный недостаток – разработаем и сформулируем авторское определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности [1, с. 354–364]. Под преступлениями экстремистской направленности в УК РФ будем понимать преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (прим. 2 к ст. 282.1 УК РФ). Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 362 от 19 ноября 2009 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» (далее – Приказ Генпрокурора № 362) косвенно указывает на перечень преступлений, которые относятся к преступлениям экстремистской направленности. Так, согласно п. 2.1 Приказа Генпрокурора № 362 главное управление и управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах, прокуроры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним транспортные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур обязаны незамедлительно сообщать в управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму специальным донесением о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 136, 148, 149, 212, 239, 278 – 280,

282 – 282.2, 357 УК РФ, а также ст.ст. 105, 111, 112, 115 – 117, 119, 141 – 142.1, 150, 213, 214, 243, 244, 281, 335, 336 УК РФ, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда № 11) не указывает на исчерпывающий перечень преступлений, относящихся к числу преступлений экстремистской направленности. В любом случае своеобразная дверь держится открытой между перечнем экстремистских преступлений, указанных в Приказе Генпрокурора № 362, и перечнем экстремистских преступлений, обозначенном в Постановлении Пленума Верховного Суда № 11. Так, согласно п. 2 указанного Постановления, Верховный Суд Российской Федерации, исходя из положений прим. 2 к ст. 282.1 УК РФ к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст.ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание.

С учетом изложенного понимания преступлений экстремистской направленности перейдем к разработке понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. В качестве базового определения понятия прокурорского надзора выберем понятие прокурорского надзора за исполнением законов, которое предлагается в учебнике «Прокурорский надзор» под редакцией профессора Ю.Е. Винокурова. В одном из его многочисленных изданий под прокурорским надзором понимается «специфическая деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на её территории» [2, с. 9].

В приведенном определении понятия прокурорского надзора за исполнением законов частично в свернутом, а частично в развернутом виде содержится ряд системообразующих признаков. К их числу, прежде всего, следует отнести: во-первых, прокурорский надзор – специфическая деятельность государственных органов прокуратуры; во-вторых, указанная деятельность осуществляется от имени Российской Федерации; в-третьих, основной формой её проявления является проверка. Согласно анализируемому определению, понятия прокурорского надзора, сам прокурорский надзор состоит в проверке: а) точности соблюдения Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина; б) установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях; в) выполнения оперативно-розыскных мероприятий; г) проведения расследования, а также законности решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Конкретизируем перечисленные признаки определения понятия прокурорского надзора применительно к признакам понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. При этом мы исходим из того, что они соотносятся между собой как целое к части. Сразу же отметим, что в объеме понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности не входит деятельность государственных органов прокуратуры, связанная с проверкой установленного порядка разрешения заявлений и сообщений и готовящихся преступлений. Оставшиеся же виды проверочной деятельности государственных органов прокуратуры взаимосвязаны и взаимообусловлены с надзорной деятельностью прокуроров при расследовании преступлений экстремистской направленности.

С учетом сказанного, автор настоящей статьи исходит из нижеследующего. Системообразующие признаки понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности могут быть представлены в следующем виде: во-первых, прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности – специфическая деятельность государственных органов прокуратуры; во-вторых, указанная деятельность осуществляется от имени Российской Федерации; в-третьих, основной формой её проявления является проверка: а) точности соблюдения Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина; б) проведения расследования, а также законности решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; в-четвертых, целью прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В представленном виде системообразующие признаки понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности позволяют нам сформулировать авторское определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности представляет собой осуществляемую от имени Российской Федерации специфическую деятельность государственных органов прокуратуры, состоящую в проверке точности соблюдения Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина, проведении расследования, законности решений и действий (бездействий) органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, имеющую своей целью обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Представленное определение понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности нуждается в дополнительном разъяснении его системообразующих признаков. На уровне целого некоторые из них неплохо раскрыты в учебной литературе по прокурорскому надзору. Так, в учебнике «Прокурорский надзор» акцентируется внимание

на понимание таких системообразующих признаков, как осуществление прокурорского надзора от имени Российской Федерации [3, с. 34]. Его смысл состоит в том, что прокуратура представляет и защищает общественные интересы в соответствии с интересами государства в целом. «Важность этого положения, – отмечают авторы учебника, – заключается в том, что прокурор, осуществляя надзор, представляет и защищает общественные интересы не от имени отдельных органов местного самоуправления, субъектов РФ или иной представительной, исполнительной или судебной власти, а в совокупности всех их, объединенных общей системой государства, приводя таким образом интересы отдельных органов, организаций, учреждений, должностных лиц или физических лиц в соответствии с интересами государства в целом» [3, с. 12]. В контексте прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности смысл осуществления прокурорского надзора от имени Российской Федерации не утрачивается.

Теперь перейдем к анализу понимания деятельности как системообразующего признака прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Верное понимание прокурорского надзора посредством деятельности играет важную роль в объяснении и описании процессов, свойственных прокурорскому надзору за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Сразу же отметим, что в юридической науке вопрос о рассмотрении прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности не поднимался.

Неподнятые вопросы о понимании прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности посредством деятельности дают нам основание обратиться к творческому методологическому наследию. В последнем понятие деятельности используется для универсальной характеристики человеческого мира. Методолог науки Э.Г. Юдин писал: «...в современном познании, особенно в гуманитарном, понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку с его помощью дается универсальная характеристика человеческого мира» [4, с. 272].

Деятельность является одним из универсальных способов [5, с. 23] бытия (жизни) человека. В нашем случае речь идет о деятельности как одном из способов универсальной характеристики бытия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Надо обратить внимание на то, что прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности функционирует не сам по себе, а его осу-

ществляют живые люди, которым свойственны как достоинства, так и недостатки. В этом отношении рассмотрение прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности посредством деятельности предполагает осуществление прокурорского надзора не отдельным индивидом, а прокурором как представителем коллективного органа. По этой причине не случайно в приведенной дефиниции понятия прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности указывается на то, что он представляет собой специфическую деятельность государственных органов прокуратуры. Употребление словосочетания «деятельность государственных органов прокуратуры» как раз и предполагает осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности представителем коллективного органа, имеющего наименование «государственный орган прокуратуры».

Осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности государственным органом прокуратуры является одним из проявлений его универсальной характеристики посредством деятельности. Подобное коллективное понимание субъекта прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности имеет под собой серьезное методологическое обоснование. В своих работах 60–70-х годов прошлого столетия известный представитель методологии науки Г.П. Щедровицкий, ссылаясь на Гегеля и Маркса, убедительно доказал и обосновал положение, согласно которому «деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность значительно более широкая, чем сами “люди”. Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: она сама “захватывает” их и заставляет вести определенным образом» [6, с. 84–85].

На уровне методологии науки обращается особое внимание на то, что деятельность (в нашей ситуации мы имеем в виду прокурорскую деятельность) не является процессом. В отличие от последнего деятельность в свою структуру включает цель. «Даже блуждание в лабиринте, – пишет А.П. Попов, – имеет свою цель – выйти из лабиринта. Ариадна снабдила своего возлюбленного средством для достижения цели» [7, с. 33]. В свое время Г.П. Щедровицкий писал: «...если сказать представителям традиционных гуманитарных наук, что деятельность не есть процесс, – это значит вызвать бурю гнева и непонимания. Все привыкли к тому, что деятельность – процесс. Мы же говорим, что деятельность есть структура, состоящая из разнородных элементов» [8, с. 262].

В науке прокурорского надзора на это верно указывает Н.Н. Карпов. Он термин «прокурорская деятельность» первым ввел в оборот науки прокурорского надзора [9, с. 12–15]. В 2008 г., анализируя положения ст. 1 Закона о прокуратуре, профессор Н.Н. Карпов обоснованно пришел к выводу о целесообразности замены понятия «прокурорский надзор» на термин «прокурорская деятельность». Свой вывод профессор Н.Н. Карпов обосновывает невозможностью уложения многообразия функций, выполняемых органами прокуратуры, в рамки понятия «прокурорский надзор». По мнению Н.Н. Карпова, прокурорская деятельность представляет собой особый, осуществляемый прокуратурой вид государственной деятельности. Она носит комплексный характер и разнообразные формы, осуществляется в соответствии с нормами Конституции и федерального законодательства посредством выполнения возложенных на прокуратуру функций и направлена на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства [10, с. 9].

Кроме деятельности (как одного из системообразующих признаков исследуемого понятия), для понимания прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений значение имеет и такой его признак, каковой является цель [11, с. 114–120]. Согласно ч. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [12] (далее – Закон о прокуратуре), целью прокурорского надзора является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. По всей видимости, в таком виде цель прокурорского надзора и мыслится авторами анализируемого нами определения понятия прокурорского надзора. Косвенным подтверждением тому является указание ими (правда, в другом издании) на цель прокурорского надзора в учебнике «Прокурорский надзор». В нем его авторы пишут: «Цели прокурорского надзора – результат, на достижение которого направлена вся деятельность прокуратуры в целом и, в частности, её важнейшая функция – прокурорский надзор. Цели прокурорского надзора определяются статусом прокуратуры, её местом и ролью в государстве. В конечном счете они определяются Конституцией РФ, Законом о прокуратуре, другим законодательством, регламентирующим деятельность прокурорских органов. Наиболее четко цели прокуратуры определены в ст. 1 Закона о прокуратуре. Пункт 2 этой статьи определяет, что целями прокуратуры являются: 1) обеспечение верховенства закона; 2) обеспечение единства и укрепления законности; 3) обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина;

4) обеспечение защиты охраняемых законом интересов общества и государства» [3, с. 18–19].

Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности включает в себя цель. В представленном виде она совпадает с законодательной целью прокурорского надзора, указанной в ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре. На наш взгляд, такое совпадение говорит в пользу верности методологической основы понимания прокурорского надзора потенциалом прокурорской деятельности, которое было предложено профессором Н.Н. Карповым. Само же совпадение целей прокурорского надзора и целей прокурорской деятельности является наглядной иллюстрацией стоящих перед органами прокуратуры целей, а именно: обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Сказанное в полной мере имеет отношение и к цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности.

Цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности имеет особенности. На наш взгляд, они таковы. Во-первых, цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является постоянной (неизменной), при условии неизменности вышестоящей системы целей. Во-вторых, цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности не может рассматриваться в отрыве от иерархически упорядоченной структуры целей уголовно-процессуальной деятельности при производстве по данному виду уголовных дел. В содержательном плане они проявляются в качестве взаимосвязанной и взаимообусловленной системы целей уголовно-процессуальной деятельности при расследовании преступлений экстремистской направленности. При этом подцели или цели нижележащего уровня иерархии можно рассматривать как средства для достижения целей вышестоящего уровня. Они же (подцели) выступают в качестве цели для уровня нижестоящего по отношению к ним (свойство «двуликого Януса») [13, с. 70]. В-третьих, в постоянстве (одинаковости) цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности для всех прокуратур, их подразделений и прокуроров, осуществляющих прокурорский надзор по этой категории уголовных дел. С этой точки зрения особенности цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности представляют собой средство (способ) обеспечения согласованной деятельности всех органов прокуратуры «в направле-

нии цели» [14, с. 43]. В юридической науке ему дано наименование «метод дерева целей» [15, с. 25–31].

Метод «дерева целей» является действенным методом обеспечения согласованности целей прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Частично в свернутом, а частично в развернутом виде суть метода «дерева целей» представители теории управления определяют так: «Главная цель направляет качественное развитие общности, системы социальных отношений. Главная цель находится на вершине пирамиды управления. Она расчленяется на отдельные составляющие – промежуточные цели (цели-средства), от реализации которых зависит достижение главной. Промежуточные цели в свою очередь расчленяются на более частные и т.д. Так достигается максимальная конкретизация управленческой деятельности» [16, с. 581].

На вершине пирамиды прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности находятся не просто главная и генеральная цель, а стратегическая цель. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [17] (далее – Стратегия национальной безопасности 2015 г.) терминологически стратегическая цель обеспечения национальной безопасности обозначена в качестве «национальных интересов на долгосрочную перспективу». Стратегическая цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является действенным средством (формой) обеспечения связей в «дерева целей» нижележащих целей.

В своей взаимосвязи и взаимообусловленности стратегическая цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности и «дерево целей» нижележащих целей представляет собой способ формирования структуры самого прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании по анализируемому виду преступлений. Это с одной стороны. С другой – метод «дерева целей» обеспечивает взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимосогласованность множества целей различного содержания для достижения стратегической цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности. Цель прокурорского надзора по отношению к цели прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности выступает в роли генеральной цели. В этом смысле цель прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности является нижележащей целью. А по отношению к генеральной цели прокурорского надзора выступает в

роли соответствующей задачи. В свою очередь, цель прокурорского надзора, будучи генеральной целью, обуславливается вышестоящими целями, а именно стратегическими целями национальной безопасности.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности 2015 г. текстуально стратегическая цель национальной безопасности Российской Федерации заключается: 1) в укреплении обороны страны, обеспечении незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; 2) в укреплении национального согласия, политической и социальной стабильности, развитии демократических институтов, совершенствовании механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; 3) в повышении качества жизни, укреплении здоровья населения, обеспечении стабильного демографического развития страны; 4) в сохранении и развитии культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; 5) в повышении конкурентоспособности национальной экономики; 6) в закреплении за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира (п. 30 Стратегии национальной безопасности 2015 г.).

Смысл специфичности прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности в качестве его системообразующего признака заключается в нижеследующем. Во-первых, в восприятии прокурорским надзором признаков всех ветвей власти (при этом он не относится ни к одной из них). «Специфичность прокурорского надзора, – пишут специалисты по прокурорскому надзору, – как вида государственной деятельности состоит в том, что он не относится к деятельности какой-то ветви власти (представительной, исполнительной, судебной), но в то же время имеет признаки каждой из этих ветвей» [3, с. 13]. Сказанное в полной мере имеет отношение и к той части прокурорского надзора, которая имеет наименование «прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности».

Во-вторых, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности заключается еще и в том, что он является формой реализации государственной власти. На это обстоятельство в науке прокурорского надзора указывает Н.Н. Карпов. По его мнению, прокуратуру Российской Федерации в силу её особого конституционно-правового статуса следует позиционировать «как одну из подсистем государственной власти Российской Федерации» [18, с. 8].

В-третьих, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности заключается в его обусловленности системой принципов уголовного судопроизводства и целями производства по уголовным делам экстремистской направленности. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности осуществляется прокурором как участником уголовного процесса. В главе 6 УПК РФ он указан в числе участников уголовного процесса со стороны обвинения. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Таким образом, прокурор, осуществляя надзор за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности, вступает в уголовно-процессуальные отношения, реализует функцию обвинения и имеет отличный от других участников уголовного процесса процессуальный статус, проявляемый в виде полномочий прокурора, указанных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

В-четвертых, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности определяется его местом в иерархии (структуре) российского уголовного судопроизводства. Прокурорский надзор, будучи одним из общих условий досудебного производства, по отношению к самому досудебному производству выполняет вспомогательную (подсобную) функцию, поскольку его механизмы непосредственно не направлены на достижение главной цели производства по уголовному делу о преступлении экстремистской направленности. В этом смысле по своему статусу и предназначению цель прокурорского надзора при расследовании преступлений экстремистской направленности является одной из задач не только относительно главной цели уголовного процесса, но и цели досудебного производства по анализируемым преступлениям.

В-пятых, специфичность прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности заключается в уголовно-правовых особенностях самих преступлений данного вида. В настоящей работе мы разделяем законодательный подход к пониманию преступлений экстремистской направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов П.В., Борисов С.В., Васнецова А.С. и др. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография / рук. авт. кол. П.В. Агапов; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2016. С. 354–364.
2. Винокуров Ю.Е. и др. Прокурорский надзор: учебник / под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 9.
3. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2008. 428 с.
4. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1975. С. 272.
5. Гуляхин В.Н. Логико-философский анализ некоторых проблем теории деятельности // Вестник ВолГУ. Сер. 7. 2003–2004. Вып. 3. С. 23.
6. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М., 1975. С. 84–85.
7. Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве. Пятигорск, 2005. С. 33.
8. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / ред.-сост. А.А. Пископель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М., 1997. С. 262.
9. Карпов Н.Н. Хорошая теория – залог успешной практики // Законность. 2008. № 7. С. 12–15.
10. Карпов Н.Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. 2014. № 8. С. 9.
11. Агутин А.В. Социокультурные основания прокурорской деятельности // Уголовная юстиция. 2016. № 1(7). С. 114–120.
12. Закон Российской Федерации от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
13. Волкова В.Н., Денисов А.А. Основы теории систем и системного анализа. СПб., 1997. С. 70.
14. Кливер И.Я. Организационно-правовые основы управления прокурорским надзором в СССР. М., 1991. С. 43.
15. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 25–31.
16. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклоп. словарь / под ред. В.Н. Иванова, В.И. Патрушева. М., 2004. С. 581.
17. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
18. Карпов Н.Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 2 (46). С. 8.

ON THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS IN THE INVESTIGATION OF EXTREMIST CRIMES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 2(8), 116–123. DOI 10.17223/23088451/8/18

Aleksandr V. Agutin, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: agutin.av@ya.ru

Keywords: prosecutor's supervision, investigation, extremist crimes, system-forming features, goals, strategy, national security.

The specificity of prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes as its system-forming feature means the following. First, the prosecutor's supervision has the signs of all branches of power (without belonging to any of them). The specialists on prosecutor's supervision believe, that “the specificity of prosecutor's supervision as of a form of state activity is that it does not belong to any branch of government (representative, executive, or judicial), yet it has the characteristics of each of them” [3. 13]. This fully refers to the part of the prosecutor's supervision “over the execution of laws in the investigation of extremist crimes”. Second, the specificity of prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes is a form of realisation of state power, as it is emphasised by N.N. Karpov, in whose opinion his the Prosecutor's Office of the Russian Federation, due to its special constitutional and legal status, should be positioned “as one of the subsystems of the state power in the Russian Federation” [18. 8]. Third, the specificity of prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes lies in its being conditioned by the system of criminal justice principles and the objectives of criminal proceedings in cases connected with extremism. The prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes is carried out by the prosecutor as a party to the criminal proceedings. In Chapter 6 of the Code of Criminal Procedure, the prosecutor is listed among the participants in the criminal proceedings on the part of the prosecution. Under Part 1 of Article 37 of the Code of Criminal Procedure, the prosecutor is an official authorised within the competence provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to carry out criminal prosecution on behalf of the state in the course of criminal proceedings, as well as supervise over the procedural activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation. Thus, the prosecutor, while overseeing the execution of laws in the investigation of extremist crimes, enters the criminal proceedings, implements the prosecution function and has a procedural status different from those of the other participants in the criminal process and manifested in the form of the prosecutor's powers specified in Article 37 (2) of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Fourth, the specificity of prosecutor's supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes is determined by its place in the hierarchy (structure) of Russian criminal justice. Prosecutor's supervision, as a general condition of pre-trial proceedings, performs an auxiliary function in relation to the most pre-trial production, since its mechanisms are not directly aimed at achieving the main goal of production in the case of an extremist crime. In this sense, by its status and purpose, the goal of the prosecutor's supervision in the investigation of extremist crimes is a tasks not only with respect to the main purpose of the criminal process, but also to the purpose of pre-trial proceedings on the crimes under analysis. Fifth, the specificity of prosecutorial supervision over the execution of laws in the investigation of extremist crimes lies in the criminal features of the crimes themselves. The author shares the legislative approach to understanding extremist crimes.

REFERENCES

1. Agapov, P.V., Borisov, S.V., Vasnetsova, A.S. et al. (2016) *Ekstremizm: strategiya protivodeystviya i prokurorskiy nadzor* [Extremism: strategy of counteraction and prosecutor's supervision]. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. pp. 354–364.
2. Vinokurov, Yu.E. (ed.) (2006) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. 6th ed. Moscow: Vysshee obrazovanie. pp. 9.
3. Vinokurov, Yu.E. (ed.) (2010) *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor's supervision]. 9th ed. Moscow: Yurait. pp. 12–13.
4. Yudin, E.G. (1975) *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti* [The system approach and principle of activity]. Moscow: Nauka. pp. 272.
5. Gulyaikhin, V.N. (2003–2004) Logiko-filosofskiy analiz nekotorykh problem teorii deyatel'nosti [The logic and philosophical analysis of some problems of the theory of activity]. *Vestnik VolGU. Seriya 7. 3.* pp. 23.
6. Shchedrovitskiy, G.P. (1975) Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva deyatel'nosti [Initial representations and categorical means of activity]. In: *Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannykh sistem v proektirovanii* [Development and introduction of the automated systems in designing]. Moscow: Stroyizdat. pp. 84–85.
7. Popov, A.P. (2005) *Tselepolaganie v sovremennom otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve* [Purpose in modern domestic criminal justice]. Pyatigorsk: RIA-KMV. pp. 33.
8. Shchedrovitskiy, G.P. (1997) *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki. pp. 262.
9. Karpov, N.N. (2008) Khoroshaya teoriya – zalog uspekhnoy praktiki [A good theory is the key to successful practice]. *Zakonnost'. 7.* pp. 12–15.
10. Karpov, N.N. (2014) Prokuratura: nadzor ili deyatel'nost'? [Prosecutor's Office: Supervision or activity?]. *Zakonnost'. 8.* pp. 9.
11. Agutin, A.V. (2016) Socio-cultural foundations of the prosecutor's activities. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law. 1(7).* pp. 114–120. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/7/18
12. Russian Federation. (1992) *Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 17.01.1992 № 2202-1 “O prokurature Rossiyskoy Federatsii”* [Law No. 2202-1 of the Russian Federation of January 17, 1992, On the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. *Vedomosti SND i Verkhovnogo Soveta RF – Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 8.* Art. 366.
13. Volkova, V.N. & Denisov, A.A. (1997) *Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza* [Fundamentals of the theory of systems and systems analysis]. St. Petersburg: St. Petersburg State Technical University. pp. 70.

14. Kliver, I.Ya. (1991) *Organizatsionno-pravovye osnovy upravleniya prokurorskim nadzorom v SSSR* [Organizational and legal framework for the management of prosecutorial supervision in the USSR]. Moscow: [s.n.], pp. 43.
15. Agutin, A.V. (2005) *Mirovozzrencheskie idei v ugovovno-protsessual'nom dokazyvanii* [Ideology in criminal procedural proving]. Abstract of Law Dr. Diss. N. Novgorod. pp. 25–31.
16. Ivanov, V.N. & Patrushev, V.I. (eds) (2004) *Teoriya upravleniya: sotsial'no-tekhnologicheskii podkhod* [Theory of management: The socio-technological approach]. Moscow: Munits. mir. pp. 581.
17. Russian Federation. (2015) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2015 goda № 683 "O strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015, On the National Security Strategy of the Russian Federation].
18. Karpov, N.N. (2015) К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации [On the legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2(46). pp. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГУТИН Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва). E-mail: agutin.av@ya.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: ppp@hq.tsc.ru

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, адвокат (г. Томск). E-mail: mtv666@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального университета (г. Москва). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

ГРИЩЕНКО Алена Владимировна – студентка Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кафедра уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности (г. Томск). E-mail: alyona180497@yandex.ru

ДАНИЛОВ Дмитрий Олегович – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: Danilovcfm@gmail.com

МЕЗИНОВ Дмитрий Анатольевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: mez_da@mail.ru

МИХАЙЛОВ Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Томского сельскохозяйственного института – филиала ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный аграрный университет», заместитель начальника Департамента Томской области (г. Томск). E-mail: maa1505@sibmail.com

ОЛЬХОВИК Николай Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: lawtsu@rambler.ru

ПИЮК Алексей Валерьевич – кандидат юридических наук, председатель Мегионского городского суда Тюменской области (г. Мегион). E-mail: aleks2@yandex.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

САВУШКИН Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, майор внутренней службы (г. Новокузнецк). E-mail: crimjust@mail.ru

ТЕПЛЯШИН Павел Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института ФСКН России (г. Красноярск). E-mail: pavlushat@mail.ru

УВАРОВ Олег Николаевич – кандидат юридических наук, начальник ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области, полковник внутренней службы (г. Томск). E-mail: crimjust@mail.ru

УСЕЕВ Ренат Зинурович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России (г. Самара). E-mail: crimjust@mail.ru

УТКИН Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Томск). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

ЧАДНОВА Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: rolandab@yandex.ru

ЧУБРАКОВ Сергей Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: chubakov@mail.ru